

В. А. ФРАНЦЕВЪ

ПУШКИНЪ
И
ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ
1830—1831

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО КОММЕНТАРІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ:
„КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ“ И „БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА“

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „ПУШКИНСКАГО СБОРНИКА“

lib.pushkinskiydom.ru

ПУШКИНЪ И ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

1830—1831 г.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО КОММЕНТАРІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ: „КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ“
И „БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА“.

Едва ли какое-либо изъ такъ наз. мелкихъ стихотвореній Пушкина вызвало столько разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ толкованій, неосновательныхъ упрековъ, рѣзкихъ нападокъ на поэта и озлобленныхъ споровъ о смыслѣ и значеніи его выступленія, какъ стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ и послѣдовавшая за нимъ „Бородинская годовщина“. Оба стихотворенія были написаны по поводу польскаго возстанія 1830—1831 года, но направлены были исключительно противъ современной Франціи, парламентскіе представители которой выступали въ Палатѣ депутатовъ съ рѣчами весьма рѣзкими и исполненными прямыхъ угрозъ по адресу Россіи. И въ одномъ и въ другомъ случаѣ Пушкинъ обращается къ французскимъ депутатамъ, народнымъ „легкоязычнымъ витіямъ“, „мутителямъ палатъ“, къ нимъ направляетъ свои негодующіе вопросы и имъ выражаетъ свой протестъ противъ неумѣстнаго вмѣшательства въ семейную вражду, въ „домашній старый споръ“, существа котораго они не понимаютъ и посему не могутъ быть безпристрастными судьями въ вспыхнувшей междоусобной борьбѣ двухъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ.

Оба стихотворенія были написаны поэтомъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій: первое — 2 августа 1831 г., второе — 5 сентября. Къ нимъ по содержанию примыкаетъ въ извѣстной степени третье стихотвореніе, тоже относящееся къ 1831 г.: „Къ тѣни полководца“ (Передъ гробницею святой...), посвященное специально воспоминанію о кн. М. Л. Кутузовѣ-Смоленскомъ въ тягостные дни неуспѣховъ русскаго оружія въ борьбѣ съ поляками. Всѣ три стихотворенія удачно объединилъ Венгеровъ въ наименованіи ихъ лирико-патріотической трилогіей, посвященной русско-польской войнѣ 1831 года (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, томъ VI, стр. 408).

Однако при всей значительности ихъ содержанія первыя два стихотворенія этой трилогіи въ русской критической литературѣ оста-

вались долго и остаются до сихъ поръ безъ необходимаго историческаго освѣщенія. Даже самая исторія возникновенія обоихъ стихотвореній излагается иногда совершенно невѣрно. Отмѣтимъ одинъ примѣръ такого изложенія. Въ большой монографіи В. Сиповскаго (Пушкинъ. СПб., 1907, стр. 357), посвященной жизни и творчеству Пушкина, написаніе ихъ связывается съ рѣчью Лелевеля, превозносившаго поэта (въ 1834 г.) за его оппозиціонныя настроенія; Пушкинъ поспѣшилъ де стать въ этихъ стихотвореніяхъ (1831 года) на правительственную точку зрѣнія подъ вліяніемъ рѣчи Лелевеля, т. е. пожелалъ отгородить себя отъ похвалъ польскаго историка, выразить такимъ путемъ свой протестъ противъ нихъ. Подобныя грубыя фактическія ошибки не исчезаютъ и изъ болѣе позднихъ работъ объ этихъ произведеніяхъ, а въ истолкованіи ихъ значенія и подлиннаго смысла встрѣчаемъ тоже много ошибочнаго и произвольнаго.

Тотъ глубокой исторической фонъ, на коемъ единственно оба стихотворенія и вся трилогія могутъ пріобрѣсти свой ясный смыслъ, былъ какъ-то мало или, лучше сказать, весьма поверхностно захватываемъ комментаторами ея, а между тѣмъ только болѣе тщательное, въ глубь и въ ширь этой исторической основы направляемое изученіе трилогіи дастъ твердую почву для вѣрной оцѣнки поэтическихъ откликовъ Пушкина на волновавшія его политическія событія, для характеристики поэта, какъ политическаго мыслителя, для правильнаго пониманія его историческихъ взглядовъ и славянскихъ идеаловъ.

Въ послѣднее время трилогія стала предметомъ спеціального вниманія молодого польскаго ученаго Вацлава Ледницкаго, въ своихъ очеркахъ (Aleksander Puszkín. Studja. Kraków, 1926, str. 36—161), посвятившаго большую главу стихотвореніямъ Пушкина, названную: „Вокругъ противоположской лирической трилогіи Пушкина“ (Dookoła przeciwpolskiej trylogji lirycznej Puszkina). Эту главу своей книги В. Ледницкій въ концѣ 1928 г. издалъ и на французскомъ языкѣ (Pouchkine et la Pologne. A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine. Paris, 1928, 210 стр.). Авторъ обнаруживаетъ широкое знакомство съ русской пушкинской литературой, съ большимъ умѣніемъ и критическимъ чутьемъ въ ней разбирается, онъ предпринялъ даже самостоятельныя разысканія въ французскомъ государственномъ архивѣ для объясненія нѣкоторыхъ моментовъ дипломатической исторіи 1830—1831 г. г., но не сумѣлъ устоять на строго объективной почвѣ, занялъ сразу по отношенію къ Пушкину непримиримую позицію, впадаетъ часто въ тонъ и стиль публициста, безъ нужды и во вредъ научной цѣнности своей работы, притягивающаго къ сравненію событія новейшей политической жизни; и въ конечномъ результатѣ его отношеніе къ выступленію Пушкина осталось тѣмъ же, какимъ оно было у всѣхъ его предшественниковъ, польскихъ историко-литературныхъ изслѣдователей этой темы. Г. Ледницкій, посвятивъ обширный этюдъ „антипольской трилогіи“ Пушкина съ очевиднымъ намѣреніемъ дать польскому читателю исторію генезиса ея и объясненіе истиннаго смы-

сла, какъ онъ его понимаетъ, создалъ въ сущности большой обвинительный актъ противъ поэта и съ рѣзкостью необыкновенною выражается и о мнимо „хвалебныхъ гимнахъ“ и о нравственной личности его. Для него стихотворенія Пушкина это — „*polakożercze wiersze*“, т. е. поэтъ въ нихъ представляется ему ненавистникомъ, „пожирателемъ поляковъ“, они — враждебный актъ по отношенію къ Польшѣ, и отношеніе Пушкина къ ней было всегда враждебнымъ; Пушкинъ грубо (*brutalnie*) понималъ соперничество Россіи и Польши, и стихи его были актомъ солидарности съ Николаемъ I, были политической программой поэта; въ нихъ проявился ужасающій націоналистическій эгоизмъ его, и вообще они являются гадкой публикаціей (*brzydka publikacja*) 1831 г., въ коей Пушкинъ занялъ непримиримую, ультранационалистическую точку зрѣнія, подчеркнутую при этомъ въ безвкусной формѣ (*stanowisko w niesmacznej formie zaakcentowane*). Столько тяжкихъ прегрѣшеній лежитъ на великомъ русскомъ поэтѣ. Для г. Ледницкаго стихотворенія Пушкина послѣ всѣхъ длинныхъ экскурсовъ въ область исторіи и литературы остались „гимномъ торжествующаго хама“ — ничѣмъ больше! А между тѣмъ онъ неоднократно приближается къ пониманію истинной мысли Пушкина и какъ будто видитъ ее, но въ тотъ моментъ, когда ему слѣдовало бы опредѣлить ее точнѣе и посвятить ей нѣсколько больше спокойнаго вниманія, онъ уходитъ отъ нея, какъ бы пренебрегая этой недостойной темой.

Вторая работа, касающаяся тѣхъ же событій, это статья М. Д. Бѣляева: „Польское возстаніе по письмамъ Пушкина къ Е. М. Хитрово“, вошедшая въ изданный Пушкинскимъ Домомъ (Труды Пушкинскаго Дома, вып. XVIII): „Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово“ (СПб., 1927, стр. 257—300). Она составляетъ какъ бы комментарий къ тѣмъ незначительнымъ строкамъ, которые поэтъ удѣлялъ польскому возстанію въ перепискѣ съ Е. М. Хитрово, и интересна именно въ связи съ этими новыми строками недавно опубликованной переписки; въ остальномъ она содержитъ матеріалъ извѣстный и привлеченный безъ большой надобности во всѣхъ подробностяхъ для полноты картины. По поводу писемъ Пушкина къ Хитрово написанъ и другой очеркъ этого изданія, статья Б. В. Томашевскаго: „Французскія дѣла 1830 — 1831 г.“, дающая картину общественныхъ и политическихъ отношеній во Франціи въ эпоху июльской революціи, по существу являющаяся такимъ же историческимъ комментариемъ, какъ и статья М. Д. Бѣляева. Но ни одинъ, ни другой изъ авторовъ статей, возникшихъ съ специальною цѣлью, а *propos* немногочисленныхъ и небольшихъ по объему и содержанію писемъ Пушкина къ Е. М. Хитрово, въ своихъ обширныхъ экскурсахъ не коснулись стихотвореній Пушкина, какъ выраженія его историческихъ взглядовъ, какъ оцѣнки поэтомъ и пониманія имъ историческихъ событій, глубоко пережитыхъ и перечувствованныхъ, какъ цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія, сложившагося значительно раньше этихъ событій и только по поводу ихъ высказаннаго въ весьма сжатой, но яркой поэтической формѣ.

Какъ образчикъ весьма упрощеннаго комментарія оды „Клеветникамъ Россіи“ приведемъ первую часть странички поясненія, предпосланнаго ей Л. Поливановымъ въ его школьномъ изданіи (Сочиненія Пушкина, I, 357). Здѣсь, въ этомъ прекрасномъ изданіи, весьма распространенномъ въ свое время уже благодаря специальному его назначенію, находимъ такія строки: „Польское возстаніе и мѣры, принятыя противъ него русскимъ правительствомъ, вызвали цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и на трибунѣ (парламентской). Всевозможныя обвиненія и угрозы сыпались тамъ противъ русскаго народа и правительства. Передавались слухи о возможности большой европейской войны, которая должна измѣнить всѣ трактаты, благопріятныя Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ. Ему и Жуковскому стало ясно, что пришло время выразить нравственное право Россіи въ рѣшеніи „домашняго стараго спора“ и указать всю неумѣстность притязанія враговъ Россіи подчинить ее ихъ волѣ. Плодомъ этого размышленія была ода Пушкина, которую скоро знала наизусть вся образованная Россія. Она какъ нельзя лучше выразила народное чувство собственнаго достоинства“. Поэтъ былъ въ этомъ стихотв. „глашатаемъ народнаго чувства“. вмѣстѣ съ тѣмъ во второй строфѣ (въ стихахъ: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ“) былъ поставленъ „впервые съ полною ясностью и прямою коренной вопросъ русской исторіи“. Все это, быть можетъ, и близко къ истинѣ, однако, въ чемъ этотъ коренной вопросъ состоитъ, объ этомъ комментаторъ не сказалъ ничего точнаго и яснаго. „Истинный смыслъ нашихъ правъ въ славянскомъ вопросѣ“, который освѣтилъ де поэтъ, слѣдовало бы опредѣлить конкретно, пояснить примѣрами, хотя, какъ мы убѣдимся, Пушкинъ вовсе не ставить вопроса о правахъ Россіи, а имѣетъ въ виду лишь ея призваніе, ея возможную или желанную роль въ Славянствѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что даже въ изданіи, предназначенномъ для семьи и школы, такой краткій и весьма туманный комментарий ярко убѣжденныхъ строкъ Пушкина является слишкомъ недостаточнымъ, не освѣщающимъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, всѣхъ сторонъ того сложнаго вопроса, который затронулъ поэтъ. Точно такъ же и въ краткой вступительной замѣткѣ къ стихотв. „Бородинская годовщина“ не находимъ необходимѣйшаго историческаго комментарія къ строфамъ, полнымъ большого внутренняго содержанія и глубокаго смысла и мало понятнымъ для неподготовленнаго читателя безъ подробнаго анализа отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій.

Первое стихотвореніе, какъ мы видѣли, Поливановъ считаетъ плодомъ размышленія, но въ немъ надо видѣть скорѣе стихійный взрывъ негодованія противъ вмѣшательства и угрозъ Европы, вспышку пламеннаго темперамента поэта, оскорбленнаго въ своихъ національныхъ чувствахъ, чѣмъ результатъ холодныхъ размышленій. Въ одѣ въ самомъ дѣлѣ трудно отыскать мысли и выраженія, которыя были бы ре-

зультатом спокойнаго, уравновѣшеннаго размышленія, и весь стиль ея, порывистый, рѣзкій, мѣстами несдержанный, изобличаетъ гнѣвное волненіе поэта. Ода „Клеветникамъ Россіи“ есть при этомъ смѣлый, внушенный сознаниемъ правоты и національнаго долга отвѣтъ Франціи, къ которой поэтъ прежде всего обращается съ вопросомъ, почему ея народные представители такъ ополчаются противъ Россіи, за что они ненавидятъ ее. Поэтъ не затрагиваетъ здѣсь чести и достоинства противника, — возставшей Польши. Онъ желаетъ лишь, чтобы домашній споръ рѣшенъ былъ безъ чужого вмѣшательства, которое могло бы быть вреднымъ для обѣихъ сторонъ. Стихотвореніе „Бородинская годовщина“, написанное 5-го сентября, немедленно послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о взятіи Варшавы, въ день Бородинской битвы 26 августа, обращено къ тѣмъ же „легкоязычнымъ витіямъ“, „мучителямъ палатъ“, „клеветникамъ“ и „врагамъ Россіи“, которые угрожаютъ ей, не давая себѣ отчета, изъ-за чего ведется борьба между русскими и поляками. Повидимому, въ немъ отразились особенно рѣзкія выступленія въ Палатѣ въ августѣ 1831 г. Это второе стихотвореніе требуетъ еще болѣе обширнаго и тщательнаго истолкованія, ибо въ немъ Пушкинъ съ большою ясностью поставилъ на разрѣшеніе проблему необычайной важности, выраженную въ стихахъ: „Куда отдвинемъ строй твердынь“ и пр., проблему о естественныхъ и поэтому справедливыхъ рубежахъ русскаго государства и, такимъ образомъ, о наилучшемъ пути къ устраненію недоразумѣній и вражды между двумя наиболѣе значительными славянскими народами.

Третье стихотв.: „Передъ гробницею святой“, предшествуетъ по времени написанія и по содержанію первымъ двумъ; оно написано было въ самомъ концѣ мая или въ началѣ іюня 1831 г. подъ впечатлѣніемъ серьезныхъ неудачъ русскаго оружія въ Польшѣ и является отраженіемъ тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя въ лѣтніе мѣсяцы 1831 г. волновали поэта, какъ свидѣтельствуя его письма за это время, и вызывали опасенія въ большомъ русскомъ обществѣ: Какъ военачальникъ, Дибичъ проявилъ, по выраженію декабриста Лунина, „баснословную неспособность“; общество роптало на неуспѣшность его дѣйствій, и смерть его отъ холеры въ разгарѣ военныхъ событій не огорчила никого. „Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляковъ“, иронизировалъ Пушкинъ 1 іюня 1831 г. въ письмѣ къ Нащокину, а Вяземскій занесъ въ свою записную книжку еще болѣе насмѣшливыя строки о бездарномъ вождѣ: „Sur la mort du Feld-Maréchal Dibitch. Paix à ses cendres; le peuple polonais peut même le pleurer, car militairement parlant, il ne lui fit jamais de mal“ (Полное собр. сочин., IX, стр. 162).

Пушкинъ въ этотъ тяжелый моментъ, „когда можно было утратить бодрость“, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Е. М. Хитрово (Письма, стр. 126), въ сумракѣ Казанскаго собора, освѣннаго наполеоновскими знаменами, у гробницы Кутузова вспомнилъ о „маститомъ стражѣ“ Россіи, спасшемъ ее по призыву голоса народа въ тяжелую годину, и къ нему обратилъ свой молящій призывъ:

„Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спаси царя и нась!...
Явись и дланю своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!“

Вѣсть о смерти Дибича вызывала действительно этотъ вопросъ о преемникѣ ему. Поэтъ просто и естественно выразилъ то тревожное желаніе, которое подсказывалось сердцемъ и приходило на умъ всякому, жаждавшему скорѣйшаго окончанія затянувшейся братоубійственной войны. О полякахъ здѣсь нѣтъ рѣчи, и это третье (по времени написанія—первое) стихотв. Пушкина никакимъ образомъ нельзя причислить къ „антипольскимъ“ произведеніямъ русской политической музы. Оно выражаетъ мысль весьма простую и естественную, въ тонѣ чрезвычайно спокойномъ и мягкомъ и въ формѣ ни для кого не обидной. Только одинъ Дибичъ въ гробу могъ бы остаться недо-воленъ мольбой поэта.

Мы имѣемъ въ виду остановиться на первыхъ двухъ стихотвореніяхъ и попытаться приложить къ нимъ тотъ историческій комментарий, безъ котораго, какъ мы сказали, они получаютъ окраску какого-то грубо-враждебнаго, исполненнаго злобы и ненависти акта противъ поляковъ и ихъ борьбы за свободу. Приводя ниже разнообразные взгляды прежнихъ комментаторовъ и по мѣрѣ надобности излагая подробно ихъ мнѣнія, съ которыми русскому почитателю Пушкина всегда интересно познакомиться, мы желаемъ собрать во-едино по возможности все, что было сказано о вступленіи поляковъ въ братоубійственную войну, а въ связи съ этимъ — и о выступленіи Пушкина. Внимательный читатель страницъ нашихъ замѣчаній легко убѣдится, что они возникли не ради полемики съ антагонистами Пушкина и его политической музы. Матеріалъ для очерка, предлагаемаго вниманію русскаго читателя подбирался годами и съ опредѣленною цѣлью — объяснить отношеніе, въ связи съ протестующимъ голосомъ русскаго поэта, къ событіямъ 1830—1831 гг. современныхъ славянскихъ ученыхъ и поэтовъ (о политическихъ дѣятеляхъ въ эти годы не приходится говорить) и указать на нѣкоторые позднѣйшіе отзвуки въ Славянствѣ этихъ печальныхъ событій, особенно — на пониманіе славянами смысла спора Польши съ Россіею, отразившагося громкимъ и огорчительнымъ эхомъ на славянскомъ Западѣ. И въ протестующемъ голосѣ русскаго поэта, и въ славянскихъ отголоскахъ на русско-польскую распрю, и въ цѣломъ рядѣ фактовъ исторіи русско-польскихъ и вообще славянскихъ взаимоотношеній мы находимъ драгоцѣнный матеріалъ для правильнаго опредѣленія и уразумѣнія той великой мысли, которая волновала и нашего поэта и въ разное время славянъ западныхъ, и тѣхъ источниковъ, изъ коихъ она родилась.

Мы не углубляемся въ исторію 1830—1831 гг., не останавливаемся на подробностяхъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Франціи въ эту эпоху, ибо они достаточно подробно изложены и выяснены, какъ въ

трудъ Ледницкаго, такъ и въ статьѣ Бѣляева, и въ этомъ отношеніи для комментарія къ стихотвореніямъ Пушкина сдѣлано уже много. Нѣсколько выдержекъ, которыя въ подлинномъ видѣ мы извлекаемъ изъ рѣчей, произнесенныхъ „народными витіями“ въ теченіе 1831 г. въ французской Палатѣ депутатовъ, прежде всего, пояснятъ читателю, почему Пушкинъ столь горячо и рѣзко выразилъ свой протестъ, почему великій гражданинъ не могъ молчать и сказалъ въ трагическій моментъ славянской усобицы не только свое мужественное слово осужденія ея, но и смѣлый взглядъ свой на наилучшее рѣшеніе роковой смуты. Онъ подошелъ къ той идеѣ, которая волновала въ различныя эпохи славянскіе умы и сердца, горѣвшіе тѣмъ же пламеннымъ желаніемъ устройства общаго славянскаго мира и братскаго согласія.

I.

Взрывъ ноябрьскаго возстанія 1830 г. въ Варшавѣ вызвалъ всюду, гдѣ недавніе дни іюльскаго переворота во Франціи успѣли произвести свое дѣйствіе, проявленія живѣйшаго вниманія и сочувствія. Они создавались прежде всего той обстановкой, въ которой началось возстаніе. Въ воззваніяхъ, которыя поляки распространяли въ Европѣ, они говорили, что подняли оружіе не противъ своихъ братьевъ русскихъ, сыновей одной съ ними великой славянской семьи, не противъ русскаго народа, великаго и благороднаго, но противъ царской тиранніи. Они боролись за общую свободу русскаго и польскаго народа и на знаменахъ своихъ начертали: „*Za waszą i naszą wolność*“. Такія торжественныя заявленія о смыслѣ поднятаго возстанія должны были особенно располагать къ полякамъ европейское общественное мнѣніе.

За событіями, происходившими въ Польшѣ, напряженно слѣдили во всей Европѣ. По городамъ Франціи, Бельгіи и Англии происходили сочувственныя манифестаціи, возникали комитеты помощи возставшимъ, собирали деньги и требовали отъ правительствъ вооруженнаго вмѣшательства (Artur Śliwiński. Mickiewicz jako polityk, 1908, str. 61, 599). „Два принципа, — заявлялъ во французской Палатѣ Лафайетъ по поводу возстанія Польши, — раздѣляютъ Европу: суверенное право народовъ и божественное право королей; съ одной стороны — свобода и равенство, съ другой — деспотизмъ и привилегіи“. Борьба съ деспотизмомъ была повсюду особенно популярна. Она создавала естественное сочувствіе къ борющимся съ нимъ полякамъ.

Палата депутатовъ неоднократно выражала свои симпатіи возставшей Польшѣ, указывала на опасность, которая грозитъ со стороны деспотической Россіи только-что завоеваннымъ свободамъ французскаго народа, отмѣчала великую роль Польши, задерживающей русское нашествіе. Этотъ взглядъ на Польшу, какъ на передовую стѣну (*przedmurze, antemurale*), охраняющую европейскую культуру отъ русскаго варварства, внушался усиленно польскими рѣчами, воззваніями и обрашеніями къ Европѣ.

Манифестъ сейма съ гордостью говорилъ объ этой высокой роли и призваніи Польши, которая никогда де не проявляла агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ сосѣднимъ народамъ и составляла, наоборотъ, основу равновѣсія и стѣну, ограждающую миръ европейскихъ народовъ.

Профессоръ и поэтъ Казимиръ Бродзинскій въ торжественной рѣчи (*Mowa o pogodowości polaków*), читанной въ дни возстанія въ 1831 г., въ этотъ моментъ видѣлъ „идею польскаго народа“ въ томъ, что онъ призванъ „бодрствовать въ бурѣ на границѣ варварскаго и цивилизованнаго міра“. Какъ нѣкогда свободные, такъ и въ неволѣ поляки обречены были страдать для Европы. Они были издавна защитниками Европы (*obrońcy Europy*).

Мицкевичъ въ „*Księgach Pielgrzymstwa*“ (1832) въ аллегорической притчѣ о христіанинѣ-лѣсникѣ, разбойникѣ и евреяхъ еще разъ повторилъ сказку объ опасности, которою угрожала Россія (разбойникѣ) европейскимъ народамъ (еврей), и о той роли, какую сыграла Польша (лѣсникѣ), вступившая въ борьбу съ захватными покушеніями Россіи. Европа не хотѣла однако понять его предостереженій.

Надо отмѣтить здѣсь же, что Пушкину, слѣдившему за европейской печатью, хорошо были извѣстны эти взгляды на Польшу, какъ на *antemurale chistianitatis* и европейской культуры, и онъ не оставилъ ихъ безъ возраженія, заступившись за честь Россіи. Въ замѣткахъ (1834 г.) „О русской литературѣ съ очеркомъ французской“ (Сочиненія подъ ред. Венгерова, V, стр. 292) онъ даже опредѣленно указалъ на свой источникъ освѣдомленія: „Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна“.

Представители Франціи восхищались въ Палатѣ героическими усиліями польскаго народа, его побѣдами и ожидали крушенія Россіи подъ ударами Польши. Особенно часты были выступленія и упоминанія о Польшѣ въ теченіе 1831 года.

Официальный органъ *Moniteur Universel* даетъ подробные отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ и о тѣхъ рѣчахъ, которыя раздавались здѣсь въ защиту Польши. Пушкинъ былъ знакомъ съ ними, и по нѣкоторымъ выдержкамъ изъ рѣчей „народныхъ витій“ мы можемъ заключать, что собственно вызвало отвѣдь поэта.

Уже въ засѣданіи 29 января 1831 г. депутатъ *Mauguin* говорилъ объ обязанности Франціи вмѣшаться въ кровавый споръ и оказать покровительство и защиту Польшѣ, задерживающей нашествіе Россіи:

„*La Russie veut marcher sur la France: c'est encore la Pologne qui l'arrête. MM. nous sommes heureux, les Polonais sont dans l'infortune, c'est à nous de les protéger, de les couvrir de notre égide*“...

Извѣстно, что въ январѣ 1831 года герцогъ де Мортемаръ (*duc de Mortemart*) отправленъ былъ въ Россію чрезвычайнымъ посланникомъ и съ порученіемъ ему „спеціальной миссіи“ — предстательство-

вать предъ Николаемъ I за его возставшихъ польскихъ подданныхъ. Луи Филиппъ обращался къ великодушію и милосердію русскаго государя, но его шагъ былъ встрѣченъ несочувственно. Конечно, эта мѣра была безтактна, говоритъ С. С. Татищевъ (Николай I и іюльская монархія. Истор. Вѣстн., 1887, т. XXX, стр. 309), потому что задѣвала за живое законную щекотливость государя, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Парижѣ не отдавали себѣ въ томъ яснаго отчета и искали лишь согласовать искреннее желаніе возстановить прерванную іюльскими событіями дружественную связь съ Россіей съ требованіями общественнаго мнѣнія, шумно высказывавшагося въ пользу поляковъ. Отсюда истекала нескрываемая враждебность русскаго двора къ Франціи и ея королю. Пушкинъ относился къ Луи Филиппу, буржуазному королю „съ зонтикомъ подъ мышкой“, съ тѣмъ же нерасположеніемъ, — онъ былъ у него „бѣлымъ на глазу“.

Неожиданный и странный отвѣтъ Николая I на письмо къ нему Луи Филиппа осудилъ ген. Лафайетъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ 19 марта 1831 г. Онъ говорилъ:

„ММ. Je ne parlerai pas de la singulière lettre de l'Empereur de Russie en réponse à celle du Roi de France qui, sans doute, pleine des sentiments et des émotions que devait exciter dans son cœur la gloire française de la grande semaine, n'avait pas du provoquer une pareille réponse. Je voudrais que la lettre de notre monarque eût été connue et je suis sûr qu'elle rendrait celle de l'Empereur russe encore plus déplacée“...

Гизо въ рѣчи 31 марта 1831 г. обращалъ вниманіе на опасность притязаній деспотической Россіи и Австріи вмѣшиваться въ дѣла другихъ народовъ:

„... J'ai voulu dire que depuis quinze années c'étaient les Etats despotiques, la Russie et l'Autriche, qui s'étaient montrés plus empressés d'intervenir dans les affaires d'autres peuples“...

Депутатъ Могень (12 апрѣля 1831 г.) смѣло и уже совершенно опредѣленно приписывалъ Россіи намѣреніе выступить войной противъ Франціи, хотя до такого рѣшенія было очень далеко:

„... Maintenant l'intention de la Russie nous est connue: nous savons qu'elle était décidée à la guerre.“

Черезъ два дня тотъ же Могень (14 апрѣля) требовалъ, чтобы Франція заговорила энергичнымъ языкомъ и заняла рѣшительную позицію по отношенію къ Россіи, дабы спасти Польшу отъ поглощенія ею, а также по отношенію къ Австріи и Пруссіи, оберегая Италію и Бельгію:

„... Nous devons prendre un langage et une attitude assez hauts pour que la Pologne ne s'engloutisse pas dans la Russie, l'Italie dans l'Autriche, la Belgique dans la Prusse.“

Въ рѣчи короля при открытіи засѣданій Палаты (24 апрѣля) сдѣлано было заявленіе о его усиліяхъ остановить кровопролитіе въ Польшѣ, о его предложеніи посредничества, о чувствахъ живѣйшей симпатіи Франціи къ борющимся полякамъ:

„... Une lutte sanglante et acharnée se prolonge en Pologne. Cette lutte en-

tretient de vives émotions au sein de l'Europe. Je me suis efforcé d'en hâter le terme. Après avoir offert ma médiation, j'ai provoqué celle des grandes puissances. J'ai voulu arrêter l'effusion du sang, préserver le midi de l'Europe du fléau de la contagion que la guerre propage et surtout assurer à la Pologne, dont le courage a réveillé les vieilles affections de la France, cette nationalité qui a résisté au temps et à ses vicissitudes." (Sensation prolongée.)

Когда до Парижа начали доходить вѣсти о неудачахъ польской арміи, французское общество все рѣшительнѣе и настойчивѣе стало требовать отъ правительства помощи для возставшей Польшы. Луи Филиппъ подъ давленіемъ этихъ требованій торжественно заявилъ 23 іюля 1831 г. въ парламентѣ, что народъ польскій не долженъ погибнуть, что онъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить Польшѣ свободу.

Въ проектѣ адреса королю (Projet d'adresse au Roi. Réponse de la Chambre des Députés au Roi, 10 Août 1831) Палата опять заявила о своихъ глубокихъ симпатіяхъ къ несчастной и геройской Польшѣ, о необходимости возвращенія ей независимости:

„... Il est un autre sentiment qui remplit, qui remue profondément tous les cœurs c'est celui qu'inspire le sort de la malheureuse et héroïque Pologne. La France rend grâce à votre Majesté d'avoir offert sa médiation. La voix de votre diplomatie ne pouvait se faire entendre trop tôt et avec trop d'énergie en faveur d'un peuple dont le rétablissement au rang des nations est si vivement désiré par les âmes généreuses et par tous les vrais amis de la civilisation européenne.“

Одилонъ-Барро (Odilon-Barrot), какъ бы предвидя неизбѣжный исходъ борьбы, говорилъ (10 августа) о необходимости поддержки Польшы не силою оружія, а силою протеста противъ признанія факта уничтоженія Польшы. Франція не должна никогда подписать такого акта. Онъ потребовалъ внесенія въ отвѣтъ Палаты королю фразы о томъ, что польскій народъ не погибнетъ:

„... La Pologne résiste encore; pourra-t-elle résister longtemps? Messieurs, je le sais, quand nous voudrions lui prêter l'appui de nos armes, nous ne pourrions pas le faire demain, après-demain; et cependant elle peut succomber dans l'intervalle; mais dès aujourd'hui nous pouvons lui prêter l'appui de notre voix, nous pouvons protester d'avance contre sa ruine temporaire, déclarer que, si on veut l'effacer du rang des nations, nous n'y souscrivons jamais.

Je demande que dans notre réponse après le passage qui s'y trouve sur la Pologne, on ajoute la phrase suivante: „Dans les paroles touchantes de Votre Majesté sur les malheurs de la Pologne, La Chambre des Députés aime à trouver une certitude qui lui est bien chère: la nationalité polonaise ne périra pas.“

Въ дни, когда участь польскаго возстанія достаточно выяснилась, по адресу поляковъ было сдѣлано Палатою особенно много сочувственныхъ заявленій. Тьеръ (11 августа) опять заговорилъ о симпатіяхъ Франціи къ Польшѣ. Сочувствіе французовъ къ ней понятно и законно, — нельзя не питать уваженія къ народу, нѣкогда оказавшему Европѣ столько услугъ. Но въ политикѣ чувство никогда не должно брать верхъ надъ разумомъ. Единственный стимуль разумныхъ политическихъ рѣшеній есть государственная польза. Тьеръ доказывалъ, что Польшѣ помочь невозможно. Недаромъ онъ возбуждалъ въ Мицкевичѣ ненависть къ себѣ, какъ къ врагу польскаго дѣла (С. С. Татищевъ, ор. с.). Наканунѣ предсѣдатель совѣта министровъ (10 августа)

еще разъ подчеркнулъ общее безпокойство французовъ за судьбу Польши, столь тѣсно связанной судьбами съ Франціей, упомянулъ о попыткѣ короля остановить военныя дѣйствія. Но посредничество не принесло желанныхъ результатовъ, а начать войну было бы со стороны Франціи безуміемъ :

„Plus forte et plus menacée que l'Italie, la Pologne préoccupe bien autrement le monde. Témoins de son héroïque courage, inquiets de ses périls, nous partageons cette sympathie profonde que la France éprouve pour une nation dont la gloire et le malheur ont si souvent unis les destinées aux siennes; sympathie dont l'expression a été hautement professée dans un acte solennel (Sensation).

Mais des vœux ne seraient qu'un stérile hommage. Au 13 mars aucune médiation n'avait été offerte encore pour la Pologne. Nous avons conseillé au Roi d'offrir la sienne, le premier. Ses alliés ont été pressés de s'unir à lui pour arrêter le combat, pour assurer à la Pologne des conditions de nationalité mieux garanties. . . Ainsi, pendant qu'on nous accusait d'une prétendue indifférence, chaque jour nous voyait tenter de nouveaux moyens d'intercession (Sensation).

Quel autre moyen pouvions nous recourir, Messieurs. Fallait il, comme nous l'avons entendu dire, reconnaître la Pologne? Mais en supposant même que la foi des traités, que le respect de nos relations nous eussent donné le droit de faire cette reconnaissance, elle eut été illusoire si des effets ne l'eussent suivie et alors c'était la guerre. J'en appelle à la raison de cette Chambre, car ici ce n'est pas l'émotion et l'enthousiasme qui doivent prononcer, c'est la raison. La France doit-elle chercher la guerre? Doit-elle recommencer la campagne gigantesque où se perdit la gloire de Napoléon. Cette guerre qu'on nous demande y pense-t-on? C'est la guerre à travers toute la largeur du continent européen, c'est la guerre universelle — objet de tant d'ambitions délirantes, de tant de chimères que passions.

Si du moins on nous prouvait que cette croisade héroïque eut sauvé la Pologne. Mais non, MM., car si la France fut sortie un moment de sa neutralité c'en était fait de la neutralité qu'observent d'autres puissances et quatre jours de marche seulement séparent leurs armes de cette capitale en peril qui se défend à 400 lieux de nous (Très vive sensation).

En présence de tels faits qui donc ose demander la guerre non pour sauver la Pologne, mais pour la perdre (marques très vives d'assentiment) . . . sans la France la Pologne eût été depuis longtemps écrasée par les efforts réunis de trois puissances qui l'entourent“ . . .

Въ выраженіяхъ стараго воина и борца за національную свободу маршала Клозеля (Clauzel) слышалось (11 августа) неизмѣнное сочувствіе полякамъ и ободреніе ихъ усилій: въ шумѣ битвъ они должны были услышать призывный голосъ сестры своей Франціи, которая вѣрится въ грядущее освобожденіе Польши:

„ . . . Ce que je demande aussi c'est qu'une phrase formelle explique nettement la sympathie du peuple français pour la cause polonaise. Ce n'est pas à nous vieux soldats de l'indépendance nationale de rester spectateurs silencieux du combat prodigieux qui teint de sang les campagnes de la Vistule et jusqu'à ce que nous puissions à côté d'eux entrer pour vaincre dans le cirque où l'on dit qu'ils sont renfermés pour mourir, applaudissons du moins du geste et des regards que nos vœux soutiennent leur efforts et qu'à travers le bruit de leurs combats ils entendent la voix de la France, leur soeur qui leur crie: „Polonais vous êtes des braves. Vous savez reconquérir votre indépendance“.

Съ особеннымъ усердіемъ обрушился въ тотъ же день (11 авг.) на русскія „варварскія орды“, на ожесточеннаго врага Франціи, угрожающаго ей, въ случаѣ вторженія въ предѣлы ея, всякими бѣдствіями (французы боялись занесенія къ нимъ холеры) депутатъ Лараби (La-

габит), требовавший поддержки поляковъ всѣми средствами, вплоть до переброски войскъ по морю въ Литву:

„... Si la Prusse n'attend pas pour que la Russie puisse marcher sur le Rhin pour nous attaquer à notre tour... Si des garanties nous sont refusées, marchons immédiatement sur le Rhin et joignons nos ennemis avant que la Russie soit en mesure de les défendre, avant que ses armées nous apportent un fléau dix fois plus terrible que la guerre.

Un mot sur la malheureuse Pologne. En ce moment nos plus fidèles alliés entourés de toutes parts d'ennemis puissants, sans ressources, sans retraite expient peut-être le généreux courage avec lequel ils ont arrêté les hordes barbares de la Russie... Quant à la Russie qu'avions nous besoin de la ménager? A-t-elle jamais pris la peine de déguiser ses intentions hostiles contre nous? Et croyez-vous qu'elle soit moins irritée du mode de nationalité que vous avez prononcée que d'une rupture éclatante? Soyez sûrs que ces mots de votre médiation ne vous seront jamais pardonnés. Vous en avez fait assez pour vous donner un ennemi acharné: il fallait donc braver cet ennemi et encourager la résistance polonaise par tous les moyens possibles; il fallait par la Baltique jeter des armes dans la Samogitie; il fallait déclarer à la Prusse que si les Russes passaient la Vistule au-dessous de l'embouchure du Bug cette opération ne pouvait se faire qu'avec son assistance, vous marcheriez à l'instant contre elle sur le Rhin. Vous auriez, sans doute, évité de grands désastres...“

Ламеннэ въ своей газетѣ L'Avenir, повторяя старые отзывы, уже раньше называлъ русскихъ татарами.

Въ томъ же засѣданіи (въ четвергъ 11 августа) Одилонъ-Барро говорилъ о правѣ Польши на независимое національное существованіе, о томъ, что она уже не есть и впредь не желаетъ быть болѣе областью Россіи, протестуя противъ всѣхъ связывающихъ ее договоровъ:

„... On pouvait dire à la Russie: Non, la Pologne n'est plus et ne veut plus être désormais une province de la Russie. Sa nationalité a protesté contre toute espèce de traités; elle a survécu à la conquête; elle a marqué par des combats et des résistances tout le temps qui s'est écoulé.

Le droit de la Pologne n'est point prescrit. Il est bien moins que ne l'était celui de la Grèce. Lorsque une population a résisté à la conquête, qu'elle s'est conservée entière, qu'elle n'a jamais renoncé à la nationalité, qu'elle a subsisté et dans ses mœurs et dans son langage et dans ses armées, cette nation a le droit d'entrer dans le droit des gens, c'est ce qui vous avez reconnu à l'égard de la Grèce, et la Russie l'avait fait elle-même; et c'est ce qui ne peut être méconnu à l'égard de la Pologne. La Pologne est nation; elle l'est par le fait. Vous ne pouvez pas faire qu'un fait ne soit pas un fait. Et bien. C'est en raison de ce fait que nous intervenons; c'est en considérant la Pologne comme nation, comme étant entrée par huit mois d'héroïsme, en vertu de ses droits imprescriptibles de peuple dans le droit des gens, et par conséquent comme devant être l'objet d'une médiation. Telle est mon opinion sur la question de la Pologne.“

Генераль Лафайетъ въ засѣданіи (27 августа), когда рѣшалась уже судьба самой Варшавы, требовалъ болѣе энергическихъ средствъ для спасенія Польши, говорилъ о необходимости протеста противъ нарушенія Россіей въ теченіе пятнадцати лѣтъ договоровъ 1814 и 1815 г., доказывалъ возможность активной помощи Польшѣ посылкой судовъ съ вооруженіемъ въ Балтійское море и открыто назвалъ даже одинъ моментъ такой помощи:

„... Et c'est pour cela que nous avons souhaité que l'on employât, non seu-

lement les prières, mais des moyens plus énergiques pour sauver la Pologne (Mouvement). Je ne cherche point à faire naître de nouveaux murmures en rappelant ce qui s'est passé à l'égard de la Pologne; je dis seulement que nous avons le droit de réclamer au moins contre la violation des traités de 1814 et 1815, à l'égard de la Pologne; car depuis quinze ans la Pologne souffrait de cette violation.

Nous avons le droit de reconnaître le gouvernement polonais, nous avons le droit d'envoyer des vaisseaux dans la Baltique et de favoriser les envois du commerce, en faisant un acte de haute justice ainsi que de l'humanité: qu'aurait-on pu dire si le commerce français avait porté des munitions et des secours en Pologne?

On a dit que cela était impossible; nous avons démontré le contraire: un rapport de notre comité polonais vous prouvera qu'un bâtiment envoyé par nous, avec des armes et des munitions, est arrivé sur la côte lithuanienne. Il était trop tard, mais tous les Polonais assurent que si une pareille mesure, tant demandée par nous, avait été prise plus tôt, l'insurrection lithuanienne se serait soutenue, la Pologne n'aurait pas péri; et néanmoins nous n'aurions fait ce que faisaient les Prussiens à Dantzic, lorsqu'ils ouvraient ce port aux Russes."

* * *

Такія рѣчи раздавались во французской Палатѣ. Эти выступления возмущали Пушкина, и противъ нихъ онъ протестовалъ. Онъ былъ о нихъ хорошо освѣдомленъ, ибо читалъ, какъ мы точно знаемъ, и Le Temps, и Le Globe, и Journal des Débats и многія другія французскія газеты и журналы.

Однако, не всѣ французы были сторонниками вмѣшательства въ русско-польскій споръ. Казимиръ Перье, министръ внутреннихъ дѣлъ послѣ паденія кабинета Лафитта (въ мартѣ 1831 г.), при обсужденіи въ Палатѣ польскаго вопроса неоднократно въ своихъ рѣчахъ заявили себя сторонникомъ самаго откровеннаго національнаго эгоизма: Франція могла бы начать войну только въ интересахъ французскихъ, но никоимъ образомъ не должна оказывать содѣйствіе какому то ни было возстанію. Въ раздраженіи Мицкевичъ готовъ былъ считать французское правительство и политическія партіи „шайкой безнравственныхъ эгоистовъ“, а Франція напоминала ему Лейны въ эпоху Демосѳена. Это она есть тотъ разочаровавшій его „западный вѣтеръ“, о коемъ онъ говоритъ въ „Книгахъ скитаній“; она не оправдала его великихъ надеждъ. Прямой укоръ такому двуличному отношенію Палаты депутатовъ къ польскому дѣлу содержитъ „Смотръ войскамъ“ (Przegląd wojska) въ III-ей части Dziadów. Мицкевичъ зло обличаетъ здѣсь этотъ грѣхъ, высмѣиваетъ шумные дебаты парламента, гдѣ кричать о свободѣ, о страданіяхъ несчастныхъ народовъ, о деспотахъ, царяхъ, гдѣ рѣчи о либерализмѣ льются изъ устъ ораторовъ, какъ изъ помпы; но вдругъ появляется, словно съ дубиной, министръ финансовъ съ огромнымъ извлеченіемъ изъ бюджета, и дебаты получаютъ иной характеръ, — всѣ заговорили о процентахъ, пошлинахъ и налогахъ, и всѣ высокія слова и порывы разомъ забыты. Къ состраданію европейскихъ народовъ, плакавшихъ о Польшѣ, какъ дѣвы іерусалимскія плакали о Христѣ, Мицкевичъ отнесся съ пренебреженіемъ и въ предисловіи къ III-ей части Dziadów отвергъ эти фальши-

выя заботы друзей, напомнивъ имъ слова Спасителя: „Дщери іерусалимскія, не плачьте обо мнѣ, но о самихъ себѣ“. Единственный французъ, который плакалъ о Польшѣ искренно, былъ Ламеннэ.

Въ широкихъ общественныхъ кругахъ, въ печати, въ литературѣ польское дѣло было принято болѣе искренно и непосредственно, безъ дипломатическихъ ухищреній и необходимой осторожности тонкой политики парламента и правительства.

Въ Комитетѣ помощи Польшѣ, подъ предсѣдательствомъ Лафайета, принимаютъ участіе выдающіеся поэты: Беранже, Гюго, Делавинь и др. Беранже издаетъ въ пользу Комитета свои стихотворенія: „Poniatowski“, „Hâtons nous“ и „A mes amis, devenus ministres“. Перваго марта 1831 г. въ пользу поляковъ былъ устроенъ большой концертъ, въ которомъ была исполнена кантата Обера на текстъ Казимира Делавиня, съ участіемъ хора подъ управленіемъ Нурри (Ad. Nourrit). Много дамъ изъ знатнѣйшихъ фамилій Парижа участвовали въ хорѣ, а среди присутствовавшихъ на концертѣ былъ и Лафайетъ. Эта торжественная кантата Делавиня, озаглавленная „La Varsoivienne“, была призывнымъ кличемъ бѣлаго орла къ борьбѣ за свободу:

„Il s'est levé, voici le jour sanglant;
Qu'il soit pour nous le jour de délivrance!
Dans son essor voyez notre aigle blanc
Les yeux fixés sur l'arc-en-ciel de France;
Au soleil de Juillet, dont l'éclat fut si beau,
Il a repris son vol, il fend les airs, il crie;
Pour ma noble patrie,
Liberté, ton soleil, ou la nuit du tombeau!
Polonais, à la baïonnette!
C'est le cri par nous adopté,
Qu'en roulant, le tambour repète:
A la baïonnette!
Vive la liberté.“

Подъ предсѣдательствомъ Лафайета, явившагося въ поднесенной ему особой депутаціей формѣ „перваго гренадера польской національной гвардіи“, состоялся 10 марта торжественный обѣдъ, устроенный Комитетомъ. Въ этой французско-польской манифестаціи принимали участіе ген. Князевичъ, гр. Людвикъ Плятеръ, въ качествѣ представителей польскаго народа въ Парижѣ, Леонардъ Ходзько, Теодоръ Моравскій, пресловутый крикунъ и демагогъ, впоследствии заклеянный именемъ предателя графъ Адамъ Гуровскій и др. Лафайетъ произнесъ рѣчь и закончилъ ее тостомъ за славу, благо, свободу и независимость Польши, за ея храбрую армію.

Но вотъ Варшава пала. Правительственный Moniteur объявилъ Франціи объ этомъ событіи только 16 сентября. На слѣдующій день парижскія газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ и повторили сообщеніе оффиціоза. Вѣсть о взятии Варшавы поразила Парижъ ужасомъ и скорбью. Выраженіемъ этой скорби были, между прочимъ, стихи, появившіеся въ Némésis (Barthélemy), перепечатанные затѣмъ въ нѣмец-

комъ журналъ *Das Ausland* (1 Okt. 1831, Nr. 274), съ примѣчаніемъ къ нимъ, обличавшимъ безсовѣстную трусость дипломатіи, допустившей избіеніе храбрѣйшаго народа въ его домъ.

„Destinée à périr! l'oracle avait raison.
Faut-il accuser Dieu, le sort, la trahison?
Non, tout était prévu, l'oracle était lucide,
Qu'il tombe sur nos fronts le sceau du fratricide!
Noble sœur, Varsovie! elle est morte pour nous,
Morte un fusil en main, sans fléchir les genoux,
Morte en nous maudissant à son heure dernière,
Morte en baignant de pleurs l'aigle de sa bannière!
Sans avoir entendu notre cri de pitié,
Sans un mot de la France, un adieu d'amitié
Tout ce que l'univers, la planète des crimes,
Possédait de grandeur et de vertus sublimes,
Tout ce qui fut géant dans notre siècle étroit,
A disparu; tout dort dans le sépulcre froid!
Cachons-nous! Cachons-nous, nous sommes des infâmes!
Rasons nos poils, prenons la quenouille des femmes;
Jetons bas nos fusils, nos guerriers oripeaux.
Nos plumets citadins, nos ceintures de peaux,
Le courage à nos cœurs ne vient que par saccades;
Ne parlons plus de gloire et de nos barricades;
Que le teint de la honte embrasse nos fronts;
Vous voulez voir venir les Russes! Ils viendront!“

Поэтъ, какъ и парламентскіе ораторы, пугаль французовъ русскимъ нашествіемъ.

Французы поняли, что паденіе Варшавы возвѣщало конецъ возстанія. Столица Франціи погрузилась въ глубокой трауръ (С. С. Татищевъ, Николай I и июльская монархія. Истор. Вѣстн., 1887, т. XXX, стр. 311—312). Толпы народа появились на улицахъ, и по всѣмъ концамъ Парижа раздавались клики: *Vive la Pologne! A bas la Russie!* Огромныя массы, собравшіяся передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, поносили кабинетъ и его политику и камнями выбили стекла въ министерствѣ. Возгласы въ честь Польши смѣнились подъ окнами королевскаго дворца неожиданнымъ кликомъ: *Vive la République!* Въ театрахъ публика не позволяла начинать представленія; поднятіе занавѣса встрѣчалось крикомъ: *Vive la Pologne!* Въ саду *Palais Royal* на одномъ изъ деревьевъ появилось воззваніе, окаймленное чернымъ крестомъ. Оно гласило: „Геройская Польша, подло покинутая, является для насъ страшной угрозой. Граждане! Не ждите послѣдствій! Къ оружію!“ Печать, за исключеніемъ нѣсколькихъ газетъ, продавшихся карлистамъ, клеймила поведеніе правительства и требовала немедленнаго вооруженнаго вмѣшательства. Мицкевичъ свидѣтельствуєтъ, что французскіе крестьяне требовали отъ своихъ представителей въ парламентъ не жалѣть средствъ на войну и на поддержку поляковъ, ибо Польша это есть Франція (*Artur Śliwiński, Mickiewicz jako polityk*, стр. 61). Возбужденіе распространилось и на Палату депутатовъ, такъ недавно еще заявлявшую въ адресъ королю, что поль-

ская національність не погибнуть. Обвиненія и нападки посыпались на правительство; послѣдовали страстные запросы со стороны членов оппозиціи. Но министерство оставалось чуждо всѣмъ этимъ демонстраціямъ. „Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ!“ таковы были жестокія слова, коими министр иностранныхъ дѣлъ объявилъ Палатѣ о подавленіи возстанія. Нѣмецевичъ съ укоромъ обращался къ Франціи, конечно, оффиціальной, за этотъ холодъ и неблагодарность въ отношеніи къ ея прежнимъ защитникамъ и ихъ заслугамъ:

„O Francyo! wdzięczność kładła na cię prawo
Za Polakami chwycić się do broni...
A ty nieczuła i zimna i twarda
Opuściłaś twych obrońców“...

Симпатіи къ польскому возстанію проявляются не только въ одной Франціи. Польскій вопросъ становится популярнымъ особенно потому, что онъ входитъ въ политическую игру западно-европейскихъ державъ. Въ Англии, Швейцаріи, Бельгіи, Норвегіи, въ Америкѣ возникаютъ комитеты помощи, всюду ведется пламенная агитація въ пользу польскаго дѣла, собираются для поддержки его деньги.

Особенно горячо откликнулись нѣмецкіе поэты, прославлявшіе въ многочисленныхъ гимнахъ и одахъ геройство польскихъ войскъ, ихъ горячую любовь къ родинѣ и высокое самопожертвованіе. Платень пишетъ свои знаменитыя *Polenlieder*, Уландъ, Ленау, Мальтитцъ, Рейхлинъ, Вейссъ, Орлеппъ и мн. др. воспѣваютъ подвиги поляковъ и горькую долю эмигрантовъ (А. Śliwiński, *op. c.*, p. 64). Собраніе такихъ *Polenlieder*, посвященныхъ событіямъ 1831 г., издалъ въ двухъ объемистыхъ томахъ St. Leonhard: *Polenlieder Deutscher Dichter* (I u. II Bd. Krakau-Podgórze, 1911, 1917). Сюда вошли и нѣкоторыя другія стихотворенія о событіяхъ 1830—1831 гг.; въ переводѣ съ русскаго языка здѣсь помѣщены стихотворенія Пушкина: 1. An Russlands Lästere и 2. Der Jahrestag von Borodino; Жуковскаго: *Russisches Lied auf Warschaus Einnahme*; Хомякова: *Der Polenkrieg*, и Тютчева (*Fedor Iwanowitsch*): *Worte eines Russen an die Deutschen. Zur Erinnerung an die vergangene und jetzige Zeit*. Нѣмецкія газеты перепечатаываютъ изъ Газеты Варшавской воззваніе Польши къ Германіи (*Polen an Deutschland*), изъ коего узнаемъ о различныхъ проявленіяхъ симпатій къ полякамъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и городовъ и даже цѣлыхъ областей Германіи, о пожертвованіяхъ и помощи Гамбурга, Саксоніи и т. д. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ органахъ печатаются въ переводѣ польскія „*Nationallieder*“ (напр., въ *Das Ausland*, 1831, S. 357, 449, 577, 629, 633, 637, 673: „*Sammlung verschiedener zur Zeit des Aufstandes der polnischen Nation ausgegebener Schriften*“, Warschau, 1831, и изъ др. изданій). Правда, среди нихъ встрѣтятся и „*Russisches Siegeslied auf den Fall von Warschau*“ (изъ Сѣв. Пчелы, 1831 г.), но лишь какъ исключеніе; преобладающій же тонъ всѣхъ статей и поэтическихъ откликовъ нѣмецкой печати — сочувствующій полякамъ.

О большомъ интересѣ къ русско-польской войнѣ въ Германіи свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что уже въ 1832 г. появилась большая нѣмецкая монографія: „Geschichte des Aufstandes des polnischen Volks in den Jahren 1830—1831“ (3 Bände, Altenburg), принадлежащая перу извѣстнаго переводчика „Papa Tadeusza“ (1836) Д. Рихарда Отто Шпацера (Spazier). Написанная на основаніи богатаго документальнаго матеріала, доставленнаго автору главнымъ образомъ участниками возстанія, исторія эта, при всемъ спокойствіи и видимомъ безпристрастіи изложенія, была въ сильной степени проникнута настроеніемъ, враждебнымъ Россіи. Авторъ обвиняль русское правительство въ стремленіи уничтожить всѣ признаки самостоятельности, дарованной Польшѣ вѣнскимъ конгрессомъ, какъ это говорили и французскіе ораторы.

Враждебныя выступленія противъ Россіи въ радикальной нѣмецкой печати были столь рѣзки и многочисленны, что на нихъ обращала вниманіе правительства русская дипломатія въ Германіи. Баронъ И. О. Анстеть (1770—1835), чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Германскомъ Союзѣ въ Франкфуртѣ на Майнѣ и при дворахъ Штутгартскомъ и Гессенъ-Кассельскомъ, препровождая графу Нессельроде въ началѣ 1832 г. переводъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ (An Russlands Lästere, см. въ назв. сбор. Leonharda: Polenlieder), помѣщенный въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ, какъ отрадное явленіе въ нѣмецкой печати, обращалъ его вниманіе на клеветническія статьи разныхъ газетъ и особенно на зажигательныя писанія баварской Westbote (См. ст. П. Щеголева, Пушкинъ и его современ., VII, стр. 60—64).

Проживавшій въ дни польскаго возстанія въ Парижѣ нѣмецкій писатель Людвигъ Берне съ волненіемъ слѣдилъ за событіями въ Польшѣ и отмѣчалъ въ письмахъ изъ Парижа (Briefe aus Paris) свои переживанія и мысли. Онъ записываетъ во вторникъ 14-го декабря 1830 г.: „Ночь мести въ Варшавѣ должна была быть ужасною... Да, это день пришествія Господня... Но что же станется съ несчастными поляками? Выйдутъ ли они изъ борьбы побѣдителями? Сомнѣваюсь; впрочемъ, это безразлично, — кровь, ими пролитая, не пропадетъ бесплодно“. Въ среду 5-го марта: „Дрожу за судьбу поляковъ и подготовленъ ко всему... Побѣда русскихъ будетъ для нихъ однако бѣдшимъ несчастіемъ, чѣмъ пораженіе“... Въ субботу 5-го марта: „Бѣдныя поляки должны быть теперь мертвы. Съ третьяго дня я не нахожу силъ для писанія; я не могъ ни читать, ни думать, не могъ даже ни плакать, ни молиться; я способенъ былъ только проклинать“... Берне постоянно волнуется судьбою поляковъ; онъ негодуесть на „людоѣдство“ Россіи. Подъ 11 марта онъ отмѣчаетъ „неописуемую“ грусть Парижа. Молодежь съ траурными знаменами шествуетъ по городу. Въ русскомъ посольствѣ выбиты стекла. „Очевидно, правящія сферы изъ трусости начнутъ теперь приносить извиненія. Ни одинъ ребенокъ не боится такъ трубочиста, какъ Луи Филиппъ Николая“ (Выдержки изъ писемъ Л. Берне, писанныхъ въ 1830 и 1831 годахъ, приводитъ Wl. Mickiewicz, Legion Mickiewicza, str. 402—403. Ср. О. Wagner, Bórne a Poláci. Slov. Přehled, II, 175).

Тютчевъ въ послѣдствіи укорялъ „нашу вѣрную союзницу Германію“ за эту моральную поддержку поляковъ, обличая союзницу въ томъ, что она „служила съ большимъ безкорыстіемъ, чѣмъ справедливостью, подкладкой для польской эмиграціи, чтобы возстановлять противъ насъ общественное мнѣніе цѣлой Европы“ (См. его брошюру „Россия и революція“, по-франц. въ Парижѣ 1849, по-русски въ Р. Арх., 1873; Сочиненія 1886, стр. 442).

Борьбѣ поляковъ горячо сочувствовала и Италія, сама переживавшая тяжелые годы подъ австрійскимъ владычествомъ. Даже мадьяры предлагали поставить сто тысячъ войска въ помощь возставшей Польшѣ (Wł. Mickiewicz, op. c., str. 376).

Погодинъ какой-то слухъ объ этомъ мадьярскомъ заступничествѣ, дошедшій до Москвы, записываетъ въ дневникъ своемъ со словъ Геништы (вѣроятно, того чеха-музыканта, который писалъ романсы на слова Пушкина). Онъ сообщаетъ, что „венгерцы подали австрійскому императору адресъ, въ которомъ представили ему всевозможныя причины, по коимъ австрійскому двору слѣдуетъ вступить за Польшу“. Это былъ очевидный отголосокъ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто выступленій мадьяръ. Въ день 3-го мая 1831 г. представители тековского комитета на собраніи въ Араньошъ Маротъ приняли текстъ адреса имп. Францу I, поручая его благоволенію ту Польшу, которая нѣкогда спасла трепетавшую передъ турками столицу Австріи (въ 1683 г.), возвратила Габсбургамъ тронъ, народамъ ихъ свободу и отечеству надежду на лучшее будущее. Мадьярскіе депутаты требовали оказанія немедленной помощи Польшѣ, дабы внуки ихъ когда-нибудь въ подобной опасности не плакали горько, что нѣтъ уже Собѣскаго. Съ подобными адресами выступили также и другіе комитаты Венгрии, Прессбургъ, Земплинь, Арадъ, Боршодъ и др. Въ окруженіи самого императора создавались планы новой тройственной монархіи изъ коронъ венгерской, австрійско-чешской и польской (Szymon Askenazy, *Apel do Austrii*, 1830—1831, въ газетѣ *Kurjer Warsz.*, 1921).

Когда война съ паденіемъ Варшавы кончилась, и части польской арміи потянулись на Западъ, нѣмцы устраивали торжественныя встрѣчи эмигрантамъ. Населеніе выходило на встрѣчу уходившимъ въ изгнаніе, кое-гдѣ встрѣчали ихъ ряды выстрѣлами изъ мортиръ, въ иныхъ мѣстахъ выносили знамена польскихъ національныхъ цвѣтовъ, оркестры играли революционный гимнъ: „*Jeszcze Polska nie zginęła!*“ Клики „*Hoch Polen!*“ раздавались по всей Германіи (Śliwiński, op. c., str. 64). Впрочемъ, и здѣсь по началу разоруженнымъ отрядамъ пришлось кое-гдѣ встрѣтить пріемъ недружелюбный, но общественное сочувствіе къ Польшѣ было велико.

Протестующій голосъ Пушкина раздался не только противъ французскихъ парламентскихъ дѣятелей, враждебно настроенныхъ противъ Россіи и посылавшихъ ей угрозы; повидимому, на выступленіе русскаго поэта повліяли и тѣ произведенія французской политической музыки, съ которыми онъ былъ знакомъ. Они, какъ это ни странно,

были не столь многочисленны, какъ нѣмецкія „польскія пѣсни“, но съ тою же искренней симпатіей и свойственнымъ французамъ жаромъ откликались на событія и защищали польское дѣло.

П. А. Осипова даетъ намъ указаніе на такія стихотворенія, по ея мнѣнію, повліявшія на отвѣтъ Пушкина. Въ письмѣ къ поэту 25 января 1832 г. она увѣдомляетъ его, что отправила въ Варшаву сыну своему Алексѣю стихи, написанные Пушкинымъ „въ отвѣтъ Беранже“, и добавляетъ при этомъ: „Онъ очарованъ ими, какъ и лучшіе изъ его однополчанъ“. И. А. Шляпкинъ (Изъ бумагъ А. С. Пушкина, стр. 159) поясняетъ, что стихи, написанные въ отвѣтъ Беранже, это есть именно стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, а стихотвореніями Беранже, на которыя намекаетъ Осипова, были, какъ онъ доказываетъ: „Hâtons nous“ (отъ февраля 1831 г.) и „Poniatowski“ (отъ іюля 1831 г.). Шляпкинъ находитъ въ первомъ изъ нихъ строфы, которыя, по его мнѣнію, могли вызвать отвѣтъ въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“. Беранже отражалъ, несомнѣнно, общее настроеніе Парижа и Франціи, знакомяя намъ рѣчи Палаты, подѣйствовавшія на Пушкина, какъ обида, нанесенная Россіи, какъ оскорбительное вмѣшательство. Французскій поэтъ говоритъ о томъ, какъ помочь бы онъ полякамъ, если бы онъ былъ могущественнымъ королемъ или хотъ на одинъ день богомъ:

„Pour eux, si j'étais roi puissant
.....
Mes vaisseaux, du Sund au Bosphore
Iraient réveiller le Croissant,
Des Suédois réchauffer le sang;
Criant: Pologne, on te seconde!
Un long sceptre au bout d'un bon bras
Peut attendre aux bornes du monde.
Hâtons nous; l'honneur est là-bas!
Si j'étais un jour, un seul jour,
Le Dieu que la Pologne implore,
Sous ma justice, avant l'aurore,
Le czar palirait dans sa cour:
Aux Polonais tout mon amour“...

Во второмъ стихотвореніи, описывая смерть Понятовскаго, трагически утонувшаго въ Эльстерѣ, Беранже изображаетъ предсмертныя его грезы объ освобожденіи родины:

„Que vois-je? enfin l'aigle blanc se réveille,
Vole, combat, de sang russe abreuvé;
Un chant de gloire éclate à mon oreille
Bien qu'une main Français, je suis sauvé!“

Общаго съ мыслями Пушкина въ приведенныхъ Шляпкинымъ отрывкахъ весьма немного. Быть можетъ, больше совпаденій найдемъ въ нѣкоторыхъ строфахъ „Клеветн. Россіи“ съ стихотв. Делавина „La Varsoivienne“ (Cf. Lednicki, op. c., p. 111 — 112), или даже, при усиліи и съ натяжкой, съ нѣкоторыми стихами Байрона (Донъ Жуана, The

Age of Bronze). Мы опредѣленно знаемъ, что произведенія Беранже были распространены въ русской читательской средѣ, столь же были ей знакомы и стихотв. Делавиня. Однако, пушкинскій отвѣтъ прежде всего направленъ былъ противъ крикуновъ Палаты; поэтому онъ заключалъ возраженія на ихъ рѣчи, и съ этими рѣчами у него должно быть наибольше точекъ соприкосновенія, близость же отдѣльныхъ картинъ и образовъ (они однако не совпадаютъ у обоихъ поэтовъ) можно считать тѣми общими мѣстами, которыя неизбѣжно должны были повториться при воспоминаніи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и лицахъ (Наполеонъ и его походахъ).

Вполнѣ естественнымъ было желаніе поэта, чтобы стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ распространилось прежде всего среди французовъ, членовъ Палаты депутатовъ, къ которымъ оно было обращено, и Пушкинъ искалъ съ этою цѣлью переводчика. Ему хотѣлось имъ дать „щелчокъ по носу“. О. С. Павлицева (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлицева, М. 1890, стр. 258) писала своему мужу въ Варшаву: „Братъ... непременно хочетъ отыскать между истыми русскими патриотами такого знатока французской поэзіи, который могъ бы перевести „Клеветникамъ Россіи“, иначе дальшее Россіи обличеніе это не пойдетъ, чтó и будетъ даромъ потраченной для господъ иностранцевъ риторикой (et cela sera une rhétorique en pure perte pour messieurs les étrangers)“. Поэтъ не хотѣлъ и не могъ взять на себя эту задачу по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ, хотя, вѣроятно, выполнилъ бы ее наилучшимъ образомъ, который вполнѣ удовлетворилъ бы его.

Два наиболѣе раннихъ перевода относятся къ началу октября 1831 г. Относительно одного мы достовѣрно знаемъ, что онъ принадлежитъ С. С. Уварову. Въ письмѣ отъ 8 октября онъ писалъ Пушкину изъ Москвы (Переписка, II, стр. 233): „Инвалидъ, давно забывшій путь къ Парнасу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами вашими, попробовалъ на дѣлѣ сдѣлать имъ подражаніе на французскомъ языкѣ“. Свой опытъ (*Aux calomnieux de la Russie, trad. d' A. Rouchkine*) онъ при письмѣ доставилъ поэту. Второй переводъ, сдѣланный приблизительно около того же времени, слѣдуетъ приписать Е. М. Хитрово, которой Пушкинъ въ началѣ октября писалъ: „Благодарю Васъ за изящный переводъ оды“... Надо полагать, что онъ благодарилъ ее за ея собственный переводъ, а не за чужой, ибо тогда поэту незачѣмъ было бы отмѣчать ей неточности самаго перевода и описки переписчика, — указанія важныя для переводчика, но не для посредника, доставлявшаго чужой опытъ (См. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 131, 133). Эти два перевода, если они распространились какимъ-нибудь путемъ во Франціи, могли удовлетворить горячему желанію поэта. Остальные опыты перевода на французскій языкъ относятся ко времени болѣе позднему, когда острота отповѣди Пушкина притупилась, и выступленіе потеряло уже первоначальное значеніе. Переводъ барона П. А. Вревскаго сдѣланъ былъ, повиди-

тому, не раньше конца 1834 г. (См. Пушкинъ и его соврем., вып. XXI—XXII, стр. 386—388), а кн. Н. Б. Голицыну, музыканту и писателю, ветерану 1812 г., принадлежит переводъ, сдѣланный въ 1836 г. и изданный отдѣльной брошюрой въ 1839 г. въ Москвѣ. Въ письмѣ къ Голицыну Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что переводъ не былъ сдѣланъ во время (*en temps opportun*) и не могъ быть въ надлежашій моментъ посланъ во Францію. Къ 1839 г. относится переводъ А. Цурикова, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ (Москва, 1839); наконецъ, имѣется еще одинъ рукописный французскій переводъ, или свободное подражаніе, сохранившееся въ Тургеневскомъ архивѣ въ библиотекѣ Академіи наукъ (*Lux détracteurs de la Russie. Imitation libre de Pouchkine*), безъ точной даты (См. Письма П. къ Е. М. Хитрово, стр. 132; Сочиненія П., подъ ред. Венгерова, VI, стр. 574, 598).

Стихотвореніе „Бородинская годовщина“, какъ и стихи Жуковского, по свидѣтельству О. С. Павлищевой (въ письмѣ къ мужу отъ 10 сентября 1831 г.), также приводило всѣхъ „въ восторгъ необычайный“, и „нашлось много охотниковъ переводить ихъ по-французски и по-нѣмецки и коверкать ихъ самымъ жестокимъ образомъ“. Въ числѣ этихъ „переводчиковъ или искажителей“ были, между прочимъ, ея бывшій поклонникъ (*mon ex-adorateur*), ближе намъ неизвѣстный Бакунинъ, а на нѣмецкій языкъ „Бородинскую годовщину“ перевелъ какой-то учитель (*Schulmeister*). Экземпляры этого стихотворенія Ольга Сергѣевна, по порученію брата, пересылала „на всякій случай“ мужу для военныхъ друзей поэта, сражавшихся въ Польшѣ.

Въ теченіе 1831 г. появилось еще нѣсколько произведеній русскихъ писателей, откликнувшихся на польское возстаніе. Библиографическое прибавленіе къ Сѣверной Пчелѣ (№ 13 и 14) отмѣчаетъ между прочимъ еще такія изданія: Дверницкій со своими героями, или національная храбрость поляковъ. Комическое сочиненіе Н. Д. М.; Ода на усмиреніе бунта въ Польшѣ. Сочин. А. Волкова, Москва, 1831; На взятіе Варшавы. Чувствованія Русскаго при громѣ кремлевскихъ пушекъ. А. Шишкова, Москва 1831 г.

Повидимому, ни одинъ изъ отмѣченныхъ выше переводовъ не достигъ цѣли, — не сдѣлался извѣстнымъ французамъ. При общемъ сочувствіи польской борьбѣ они не могли, конечно, появиться въ французской печати. По крайней мѣрѣ, объ этомъ распространеніи мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

II.

Пушкинъ не былъ политическимъ дѣятелемъ, — въ его эпоху, съ его складомъ ума и темпераментомъ трудно было и мечтать объ этомъ, но онъ живо и всесторонне откликался на всѣ важнѣйшіе моменты современной жизни и былъ весьма освѣдомленъ въ вопросахъ европейской политики. Онъ былъ политически образованнымъ и „раціонально-мыслящимъ“ русскимъ гражданиномъ, вѣрно слѣдовавшимъ

завѣту, выраженному Рылѣевымъ въ одномъ изъ писемъ къ нему: „Будь поэтъ и гражданинъ“. Всею литературною дѣятельностью, по прекрасному выраженію О. Э. Миллера, онъ былъ „поэтическимъ органомъ нашего народнаго самосознанія“. Справедливо онъ былъ названъ „поэтомъ синтеза общественности и государственности“, воспѣвшимъ русскую государственность, ея героевъ, ея побѣды, ея созданія, вообще — „труды державства и войны“. Онъ глубоко задумывался надъ этими трудами, понималъ ихъ значеніе, и проблемы русской государственной жизни представлялись ему во всей широтѣ и ясности.

Мицкевичъ въ некрологѣ Пушкина авторитетно отмѣтилъ эту широку, всестороннюю отзывчивость генія русскаго друга своего и, зная поэта близко, могъ засвидѣтельствовать, что онъ не былъ представителемъ исключительно т. н. чистаго искусства, что ему противно было артистическое равнодушіе Гете ко всему, вокругъ него происходящему, что онъ презиралъ писателей, не имѣющихъ цѣли, направленія. По словамъ Мицкевича, Пушкинъ изумлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума, былъ одаренъ необыкновенною памятью, вѣрностью сужденій, утонченнымъ вкусомъ. „Когда онъ разсуждалъ о политикѣ иностранной и внутренней, вспоминалъ польскій поэтъ, то казалось, что слушаешь человѣка посѣдѣвшаго въ государственныхъ дѣлахъ и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась и болѣе серьезною. Онъ любилъ разбирать великіе религіозные и общественные вопросы, самое существованіе которыхъ было, повидимому, неизвѣстно его соотечественникамъ“ (Спасовичъ, Сочиненія, II, стр. 265).

Весьма показателенъ въ этомъ отношеніи взглядъ его на историческую роль Константинополя, на особенность его, какъ центра византійскаго христіанства. Въ бесѣдѣ съ фрейлиною А. О. Россетъ онъ высказывался за полную нейтрализацію его (изъ-за св. Софіи), съ освобожденіемъ отъ власти турокъ. Онъ не соглашался съ рѣшеніемъ этого вопроса, какъ оно рисовалось Хомякову (св. Софія должна быть русскою святынею), который, по его мнѣнію, слишкомъ былъ увлеченъ турецкими пашами, а также дунайскими и адриатическими славянами и слишкомъ теоретично и научно разсматривалъ вопросъ о нихъ. „Наше историческое дѣло — оберегать наши политическіе интересы“, вотъ его трезвая, совершенно практическая, реальная политическая программа. По словамъ Россетъ, Пушкинъ умѣлъ трактовать большія проблемы о Римѣ, Царьградѣ, Іерусалимѣ, христіанствѣ съ большимъ увлеченіемъ. Вспоминая одну изъ такихъ бесѣдъ съ нимъ, она говоритъ, что онъ весь тогда горѣлъ, глаза сіяли, блѣдное лицо оживилось румянцемъ. Все лицо представляло сосредоточенный видъ мудреца и философа; въ такой моментъ онъ былъ олицетвореніемъ уравновѣшенности, спокойствія и глубокой исторической мысли.

Очевидно, такая разносторонность Пушкина была плодомъ большихъ трудовъ, усердной книжной работы, изученія прошлаго и посто-

яннаго чуткаго наблюденія современности. Художественное творчество не исключало этой ученой работы.

„Исторія народа принадлежит поэту“, говорил Пушкинъ со-всѣмъ въ духъ своего времени. Слова эти, поясняетъ Котляревскій (Пушкинъ, стр. 180), можно понимать въ томъ смыслѣ, что поэтъ во-ленъ брать свои темы изъ лѣтописи старины, но можно ихъ понять и въ смыслѣ болѣе широкомъ: поэтъ призванъ воскрешать старину, и ему данъ особый даръ ея пониманія и истолкованія. Но была еще и другая исторія, живая, бьющая ключемъ, творившаяся на глазахъ поэта, одинаково увлекательная и даже, быть можетъ, болѣе захватывающая, чѣмъ старина, — волнующая исторія его дней, не нашедшая еще своего истолкователя. Къ дѣламъ и днямъ, коихъ онъ самъ былъ участникомъ, поэтъ относился съ настроеннымъ вниманіемъ, подчасъ болѣзненно реагируя на важнѣйшія событія, удивительно тонко схватывая сущность совершавшагося и анализируя творцовъ исторіи. Онъ изучалъ прошлое потому, что любилъ его, потому, что былъ убѣжденъ, что лишь „дикость, подлость и невѣжество не уважають прошедшаго“, и прошедшее для нихъ не существуетъ; онъ учился русской исторіи у лучшихъ учителей своего времени и дѣйствительно зналъ великія страницы ея, глубоко проникъ въ смыслъ ея и рѣшительно отвергалъ презрительное отношеніе къ прошлому Россіи Чаадаева, всю его концепцію русской исторіи, когда писалъ ему: „Что касается нашего историческаго ничтожества (nullité historique), то я положительно не могу съ вами согласиться... Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, стремленіе къ единству (sa marche vers l'unité), къ русскому, конечно, единству — какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ есть цѣлая всемірная исторія? А Екатерина, которая помѣстила Россію на порогѣ Европы, а Александръ I?...“ Пушкинъ жилъ великими традиціями русской исторіи, цѣнилъ „очарованіе древности“ и хранилъ „благодарность къ прошедшему“. Особенно слѣдуетъ отмѣтить интересъ Пушкина къ исторіи Западной Руси, такъ мало знакомой русскому обществу и въ его годы и въ позднѣйшее время. Еще въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“, писанныхъ юношескою рукою въ Кишиневѣ въ 1822 году и содержащихъ сужденія поэта о новѣйшей русской исторіи (Сочиненія подъ ред. Венгерова, IV, стр. 473), онъ, строго осуждая все царствованіе Екатерины II, ея прегрѣшенія и ошибки, ставитъ все-таки ей въ заслугу возвращеніе исконныхъ русскихъ земель: „Униженная Швеція и уничтоженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа“. Впослѣдствіи этотъ взглядъ свой на „уничтоженную“ Польшу онъ формулировалъ точнѣе въ замѣчаніяхъ, посвященныхъ „Собранію сочиненій Георгія Конисскаго, архіепископа Бѣлорусскаго“, изданному извѣстнымъ археографомъ протоіереемъ Юанномъ Григоровичемъ (СПБ., 1835). О раздѣлѣ 1772 года Пушкинъ выражается такъ: „Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены, — и въ 1773 г. Георгій явился предъ Ека-

териною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи“. Знакомый съ исторіей борьбы Западной Руси за ея національныя и религіозныя права, Пушкинъ правильно оцѣнилъ мужественную борьбу Конисскаго и „диссидентовъ“ за православіе въ бѣлорусской епархіи и назвалъ его однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей XVIII столѣтія, а изъ книги его онъ выбралъ для своихъ замѣчаній, очевидно, съ специальною цѣлью, такія выдержки, которыя особенно убѣдительно могли бы подѣйствовать на читателя и напомнить ему мрачныя страницы тяжелыхъ испытаній русскаго населенія подъ польскимъ владычествомъ (о введеніи униі, о казни Острианицы и др.). На опасность католическаго вліянія для православной Руси Пушкинъ указалъ уже въ „Борисъ Годуновъ“, и Самозванца онъ изобразилъ здѣсь, какъ орудіе папскихъ замысловъ, избранное куріей для насажденія католичества на Руси. Его Димитрій въ этомъ прямо признается :

„Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть намѣстника Петра.“

Современность русская много огорчала поэта; онъ мрачно смотрѣлъ на внутреннее состояніе Россіи и, съ юныхъ лѣтъ „краевъ чужихъ неопытный любитель и своего всегдашній обвинитель“, обличая ея пороки, подобно Хомякову, онъ тѣмъ не менѣе „ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы перемѣнить отечество или имѣть иную исторію, чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какою ее намъ далъ Богъ“. Презираемая и хулимая иностранцами и весьма часто своими собственными дѣтьми, мать Россія была ему дорога въ томъ видѣ и состояніи, какою онъ ее зналъ и видѣлъ, со всѣми ея недостатками; высоко понимая свой гражданскій долгъ, онъ не могъ простить соотечественникамъ равнодушія къ долгу, правдѣ и справедливости, циническаго презрѣнія къ мысли и достоинству человѣческому. Эти общественныя грѣхи были явленіемъ прискорбнымъ.

Пушкинъ не могъ не интересоваться событіями, развивавшимися въ Польшѣ. За ними съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило все русское общество, волновалось ими и съ трепетомъ ждало ихъ конца. Чаадаевъ въ письмѣ къ Пушкину называлъ ихъ всеобщимъ горемъ и погибелью мира. Польское возстаніе было вѣдь не революціонною вспышкой, а настоящею внутреннею русско-польскою войною; это было горестное славянское междоусобіе, въ которомъ гибли сыны двухъ братскихъ народовъ. Погодинъ, отмѣчая чрезвычайное озлобленіе русскаго общества („Наши всѣ въ остервенѣнніи противъ поляковъ“), очевидно, круговъ ему близкихъ, со скорбью записывалъ въ дневникъ своею (въ апрѣлѣ и маѣ 1831 г.): „Боже мой! какое кровопролитіе!“ Оно не могло не огорчать русскихъ людей.

О постоянномъ интересѣ и поразительной осведомленности Пушкина относительно французскихъ дѣлъ, быть можетъ, кое въ чемъ и

односторонне окрашенной, свидѣтельствуя нѣкоторыя строки его писемъ къ Е. М. Хитрово, напр., въ письмѣ отъ 11 декабря 1830 г., въ которомъ онъ высказываетъ свое сужденіе о новомъ французскомъ избирательномъ законѣ; замѣчанія о французской политической жизни, разсѣяныя въ другихъ произведеніяхъ его, обнаруживаютъ знакомство съ политической литературой (См. весьма цѣнныя указанія въ статьѣ Б. В. Томашевскаго, ор. с., стр. 63, 301—361).

Событія въ Варшавѣ приняли къ началу 1831 г. такой оборотъ, что русское общество, задумываясь надъ ними, не могло оставаться лишь равнодушнымъ и спокойнымъ зрителемъ. Уже въ первые дни возстанія, въ декабрѣ 1830 г. вожди его ведутъ переговоры съ австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ Экснеромъ о поддержкѣ поляковъ Австріей и о предложеніи польской короны Габсбургамъ. Были и сторонники французской кандидатуры. На слѣдующій день послѣ взрыва возстанія инженеръ Жираръ, въ французскомъ мундирѣ, окруженный толпой, развѣзжалъ верхомъ по городу и кричалъ: „Да здравствуетъ Наполеонъ II, король польскій!“ Герцогъ Рейхштадскій, пребывавшій въ Вѣнѣ, выдвигался въ качествѣ кандидата на польскій престолъ. Національное правительство (Rząd Narodowy), съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ, вступило въ сношенія и съ Австріей и съ Пруссіей, стараясь расположить ихъ въ пользу поднятаго возстанія, но безъ успѣха. Въ Вѣну былъ посланъ специальный делегатъ кн. Константинъ Чарторыйскій съ порученіемъ вести переговоры. Между тѣмъ 20 января 1831 г. депутатъ Романъ Солтыкъ предложилъ внести въ манифестъ сейма отъ 20 декабря дополненіе: польскій народъ, провозглашавшая свою полную независимость, считаетъ династію Романовыхъ утратившею право на польскую корону и отрицаетъ ея суверенныя права по отношенію къ польскому народу. „Нѣтъ Николая!“ (Niema Mikołaja) воскликнулъ депутатъ Янъ Ледоховскій, и за нимъ повторила этотъ возгласъ вся палата. Сеймъ послѣдовательно объявилъ 8 февраля 1831 г. польскій престолъ вакантнымъ; польская корона ожидала достойнаго претендента.

Мицкевичъ посвятилъ этому отважному и рѣшительному шагу сейма нѣсколько пламенныхъ стиховъ, уже послѣ паденія Варшавы, въ патріотическомъ прославленіи геройскаго подвига защитника одного изъ укрѣпленій Вольскаго предмѣстья, въ стихотвореніи „Reduta Ordona“ (w Lipsku, 1833). Обращаясь къ Николаю I, „государю, мощному, какъ Богъ, и злему, какъ сатана“, онъ говоритъ: „Въ то время, когда оружіе твое уничтожило за Балканами турокъ, когда парижское посольство лизало твои стопы, единственно Варшава воспротивилась твоей силѣ, подняла на тебя руку и сорвала съ твоей мерзкой головы корону Казимировъ, ибо ты укралъ ее и обагрилъ кровью...“

„Gdy turków za Bałkanem twoje zniosły spiże,
Gdy poselstwo paryzkie twoje stopy liże,
Jedna Warszawa twojej mocy się urąga,
Podnosi na cię rękę i koronę ściąga,

Koronę Kazimierzów z ochydnej twej głowy,
Boś ją ukradł i skrwawił, synu Wasyłowy!

Революціонныя выступленія бушевавшей Варшавы тревожнымъ эхомъ отзывались въ Петербургѣ, гдѣ они, конечно, были широко извѣстны изъ разныхъ источниковъ.

Графъ Е. Е. Комаровскій рассказывалъ, что во время возстанія онъ какъ-то встрѣтилъ на прогулкѣ Пушкина, угрюмаго и взволнованнаго. „Отчего вы невеселы, Александръ Сергѣевичъ?“ спросилъ онъ его. „Да все газеты читаю“. — „Что жъ такое?“ — „Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году!“ отвѣтилъ Пушкинъ (Н. Лернеръ, Пушкинъ и Лелевель. Истор. Вѣстн., 1905, авг., стр. 622). Е. М. Хитрово 9 декабря 1830 г. онъ такъ же взволнованно писалъ: „Извѣстіе о польскомъ возстаніи меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будутъ въ конецъ истреблены“... (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 68—69). Онъ предчувствовалъ, что наступающая война будетъ войною до истребленія или, по крайней мѣрѣ, должна быть такою, но онъ сожалѣлъ о роковомъ шагѣ поляковъ, ихъ выступленіе печалило его и потому, что Россіи явуждалась во внутреннемъ покоѣ вслѣдствіе начавшейся холеры и „нелѣпыхъ мятежей“ населенія. Съ глубокимъ пониманіемъ поэтъ оцѣнивалъ значеніе вспыхнувшей усобицы.

Уже съ конца 1830 г. Пушкинъ въ письмахъ къ друзьямъ касается, хотя бы и вскользь, польскихъ дѣлъ. Кн. П. А. Вяземскому во второй половинѣ декабря 1830 г. онъ лаконически, видимо озабоченный отсутствіемъ вѣстей, пишетъ: „О Польшѣ не слыхать“. Очевидно, онъ желалъ бы узнать что-нибудь отъ Вяземскаго. Въ январѣ 1831 г. Пушкинъ опять пишетъ князю изъ Москвы: „О Польшѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre“. Въ обществѣ по этому вопросу спорили, и были такіе, которые бились объ закладъ, что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Отмѣтимъ, что возстаніемъ поляковъ интересовались и въ далекой сибирской ссылкѣ. Увѣренность въ неизбежности побѣды надъ ними сообщили изгнанникамъ-декабристамъ пріѣзжавшіе къ нимъ изъ Россіи. Въ дневникѣ Медокса (запись отъ 9 апрѣля 1831 г.) переданъ разговоръ княжны Варвары Шаховской и жены декабриста А. Н. Муравьева съ ѣхавшей изъ Петербурга въ Петровскъ къ Трубецкимъ Бѣловой. При рѣчи о польскихъ дѣлахъ кн. Шаховская спросила, какъ думаютъ въ Россіи, — покорять ли поляковъ? „Какъ не покорить, — отвѣчала гостя, — совсѣмъ разобьютъ“ (С. Я. Штрайхъ, Провокація среди декабристовъ. Самозванецъ Медоксъ въ Петровскомъ заводѣ. М. 1925, стр. 42). Но успѣхи пришли не сразу.

Какое-то отчаянное „политическое“ письмо, полученное поэтомъ изъ Петербурга, привело его къ заключенію, что неудачи на театрѣ войны произвели, повидимому, на петербургское общество сильное дѣйствіе, и его, очевидно, радовало такое отрезвленіе безцвѣтнаго и равнодушнаго Петербурга. Онъ добавляетъ: „Если бъ я былъ холостъ,

то създилъ бы туда“, т. е. въ Польшу, на театръ войны (Сочиненія Пушкина. Переписка, II, 203, 207, 209).

О такомъ намѣреніи Пушкина имѣется и другое свидѣтельство. Еще въ исходѣ 1830 г., наскучивъ тѣмъ, что свадьба его оттягивалась вслѣдствіе разныхъ препятствій, онъ говорилъ Нащокину, что бросить все и уѣхать драться съ поляками (П. И. Бартеневъ, Деятельный вѣкъ, I, 386). Онъ этого не сдѣлалъ, но хлопоталъ о переводѣ въ армию брата. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ играли роль соображенія особаго свойства.

Извѣстія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ Пушкинъ почерпаетъ не только изъ современной печати, но также изъ частныхъ источниковъ. Онъ повторяетъ въ письмѣ отъ 1 іюня 1831 г. кн. Вяземскому нѣкоторыя подробности о битвѣ подъ Остроленкой, извѣстныя ему изъ писемъ съ театра войны: „Ты читалъ извѣстіе о послѣднемъ сраженіи 14 мая (т. е. 26-го по н. ст.). Не знаю, почему не упомянуты въ немъ нѣкоторыя подробности, которыя знаю изъ частныхъ писемъ и, кажется, отъ вѣрныхъ людей: Крженецкій (т. е. Скржинецкій) находился въ этомъ сраженіи. Офицеры наши видѣли, какъ онъ прискакалъ на своей бѣлой лошади, пересѣлъ на другую, бурую и сталъ командовать; видѣли, какъ онъ, раненый въ плечо, уронилъ палашъ и самъ свалился съ лошади, какъ вся его свита кинулась къ нему и посадила опять его на лошадь. Тогда онъ запѣлъ. Еще Польша не сгинела, и свита его начала вторить, но въ ту самую минуту другая пуля убила въ толпѣ польскаго маіора, и пѣсни прервались. Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи. Но все-таки ихъ надобно задушить, и наша медленность мучительна“. Въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемъ уже мысль, почти буквально повторенную (2 августа) въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“: „Для насъ мятежъ Польшы есть дѣло семейственное, старинная, наслѣдственная распря, мы не можемъ судить ее по впечатлѣніямъ европейскимъ, каковъ бы ни былъ въпрочемъ нашъ образъ мыслей“.

Этотъ взглядъ на чисто внутренней характеръ русско-польскаго спора высказалъ безбоязненно и польскій историкъ Лелевель, который въ своихъ воспоминаніяхъ о 1831 г. (по рукописи варшавскаго Архива старыхъ дѣлъ ихъ цитируетъ Мосцицкій, *Pod berłem sąow, str. 273*, примѣч.) выразилъ, что вслѣдствіе включенія Польшы въ составъ Россійской имперіи польское возстаніе и споръ изъ-за губерній давней Польшы не могли быть въ политикѣ Европы разсматриваемы иначе, какъ только домашній, внутренней въ Россіи споръ и какъ внутренняя война (*powstanie polskie i zatarga o gubernje dawniej Polski nie mogło być w polityce Europy inaczej uważane, tylko jako domowe wewnętrzne w Rosji zatarga i wojna*). Пушкинъ взглядъ свой подкрѣпилъ болѣе широкой исторической основой.

Стоя твердо на русской точкѣ зрѣнія на это роковое наслѣдіе и основныя причины распри и борьбы, Пушкинъ допускаетъ расхожденіе въ „образѣ мыслей“ русскихъ людей по этому вопросу, каковое, какъ ему было хорошо извѣстно, обнаруживалось въ русскомъ обще-

ствѣ. Постоянный борець за свободу, онъ понималъ стремленія свободолюбивыхъ поляковъ, но онъ не могъ примириться съ самымъ способомъ осуществленія этихъ стремленій и съ предѣлами чрезмѣрныхъ польскихъ притязаній. „Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились“, рѣшительно заявлялъ Пушкинъ, и этими словами опредѣляется его отношеніе и къ польскому возстанію. Это былъ бы первый пунктъ его политической статьи о немъ, если бы онъ ее написалъ.

Отмѣтимъ, что Пушкинъ въ тридцатые годы, изобиловавшіе всякими смутами на Западѣ и у насъ, въ цѣломъ рядѣ произведеній разрабатываетъ проблему бунта, революціи: онъ трудится надъ „Исторіей пугачевского бунта“ (1834), пишетъ „Капитанскую дочку“ (1833—1836), „Дубровскаго“ (1832—1833); тотъ же мотивъ бунта содержатъ и „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ (1835) и въ X главѣ „Евгенія Онѣгина“ строки о разговорахъ декабристовъ (1830—1831). Даже скромный герой „Мѣднаго всадника“ — бунтарь противъ державца полуміра (П. Н. Сакулинъ, Пушкинъ и Радищевъ, М. 1920, стр. 49—50).

Извѣстно, что Пушкинъ интересовался французской революціей и задумывалъ было написать о ней даже специальное изслѣдованіе (Письмо къ Хитрову въ іюнѣ 1831 г., стр. 117). Но можно увѣренно сказать, что къ великой революціи, со всѣми ея потрясеніями и ужасами и ко всѣмъ революціямъ вообще, какъ къ проявленію насилія, и къ „мятежнымъ правамъ“ онъ относился отрицательно. Пушкинъ былъ совершенно опредѣленнымъ сторонникомъ эволюціи и мирнаго прогресса и взгляды свой ясно формулировалъ въ „Капитанской дочкѣ“, гдѣ въ гл. VI-ой (Пугачевщина) говоритъ: „Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“. Въ концѣ опущенной части тринадцатой главы онъ еще разъ высказываетъ свое порицаніе революціи, по крайней мѣрѣ русской: „Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердные, коимъ и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка“. Пушкина пугалъ нашъ „русскій бунтъ, безсмысленный, безпощадный“, и онъ сурово осудилъ Радищева за его революціонныя мысли, „дерзкія мечтанія“, за его „сатирическое воззваніе къ возмущенію“. Даже молодой Пушкинъ, въ пору своего декабризма, въ сущности не пѣлъ гимновъ революціи, а только свободѣ. Революціонные акты онъ сопровождаетъ эпитетами „преступный“, „безславный“ и зоветь всѣхъ, а прежде всего царей „подъ сѣнь надежную закона“ (Сакулинъ, *op. c.*, стр. 42, 46).

Взгляды различныхъ круговъ русской интеллигенціи на кровавую русско-польскую трагедію были до такой степени противорѣчивы и непростительно сумбурны, что естественно возникалъ вопросъ, какъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ смотрѣть на эту распрю, какъ опредѣлить отношеніе къ ней русскаго общества. Это отношеніе обнаружилось въ извѣстной части общества уже въ самомъ началѣ войны. Погодинъ

въ дневникѣ своемъ подѣ 7 января 1831 г. записаль: „Къ Пушкину, и занимательный разговоръ, кто русскіе и не русскіе. Какъ воспламенился Пушкинъ, — и видишь восторженнаго“ (Пушкинъ и его соврем., XXIII—XXIV, стр. 111). Нѣсколько словъ этой записи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о глубоко-вдумчивомъ отношеніи поэта-гражданина къ роковымъ событіямъ, раздѣлившимъ русское общество на два лагеря, изъ коихъ одинъ въ пониманіи поэта и его друга-историка представлялся уже нерусскимъ.

Кн. П. А. Вяземскій (Полное собраніе соч., т. VIII, стр. 168) вспоминаетъ объ одномъ эпизодѣ, характеризующемъ гражданскія чувства его друга и идейнаго противника: „Однажды Пушкинъ между пріятелями сильно руссофильствовалъ и громилъ Западъ. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствамъ, а частью и по наклонности. Онъ горячо оспариваль мнѣнія Пушкина“... Этотъ странный космополитизмъ „по обстоятельствамъ и частью по наклонности“ справедливо возмущаль душу поэта, неспособнаго вовсе на такую національную безличность. „Въ Москвѣ нѣтъ народнаго общаго мнѣнія; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ Россіи. Грустно было слышать толки московскаго общества во время возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ“, писалъ онъ съ негодованіемъ. Пушкинъ запечатлѣль эту печальную безличность русскаго общества и въ черновомъ наброскѣ: „Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ“, относящемся къ эпохѣ русско-польской войны. Съ укоризной обращается поэтъ къ неизвѣстному и неразгаданному соотечественнику, который жарко возлюбилъ чуждые народы и возненавидѣль свой; который „пилъ здоровье Лелевеля“ (вѣроятно, за его обращеніе къ русскимъ) въ тотъ моментъ, когда началось возстаніе въ Варшавѣ, и когда на кафедрѣ ревелъ французскій пустомеля; который потираль руки отъ нашихъ неудачъ, слушалъ съ лукавымъ смѣхомъ вѣсти о нихъ, когда гибло знамя нашей чести. Во-истину было отъ чего придти въ содроганіе и ужась!

Надо здѣсь упомянуть еще, что это настроеніе извѣстныхъ общественныхъ слоевъ сообщилося и студенческой молодежи въ Москвѣ. Погодинъ снисходительно и кратко отмѣтилъ въ дневникѣ своемъ (Барсуковъ, ор. с., III, стр. 273, 329) ея выступленія: „У насъ кое-какія шалости случились, вслѣдствіе коихъ нѣсколько студентовъ засадили“. Въ Москвѣ было несовсѣмъ спокойно по случаю холеры, а тутъ еще прибавились какія-то „дурачества“, какъ выразился Максимовичъ въ письмѣ къ Погодину, Петрашкевича (Онуфрія, кандидата философіи виленскаго университета) и другихъ поляковъ, своими выступленіями наводившихъ „новые поклепы на опальный университетъ“. Было „взято“ до шестидесяти студентовъ и два профессора. „Это значить Ежовскій“ (Иосифъ, тоже виленскій кандидатъ философіи), заключаль Максимовичъ. Петрашкевича и классикъ Ежовскій были товарищами Мицкевича по изгнанію; по приговору комитета, разсматривавшаго

дѣла о безпорядкахъ въ виленскомъ университетѣ въ августѣ 1824 г., они были высланы въ Россію и предназначены для педагогической дѣятельности. Подробностей этихъ выступлений въ московскомъ университетѣ мы не знаемъ, но „шалости“ и „дурачества“ молодежи создавали непріятности университету и настроеніе противъ студенчества.

Говорятъ, что Пушкинъ, громогласно и сурово порицая польское возстаніе, совсѣмъ не желалъ вникать въ его мотивы (Котляревскій Н., Пушкинъ, стр. 140). „Если бы его спросили въ частной бесѣдѣ, имѣеть ли народъ культурный, въ продолженіе многихъ вѣковъ жившій самостоятельной жизнью, народъ вложившій свой немалый трудъ во всемірную литературу, имѣеть ли этотъ народъ право на независимую политическую жизнь, — Пушкинъ, конечно, отвѣтилъ бы утвердительно, онъ, который такъ недавно восторгался борьбой Греціи за независимость. Но къ Польшѣ Пушкинъ былъ несправедливо суровъ“. Также и Пыпинъ упрекаетъ Пушкина въ томъ, что онъ не проявилъ сочувствія къ тяжелому историческому положенію поляковъ, родственнаго славянскаго народа; что у него проявляется почти тотъ же, если не совершенно тотъ же, державинскій взглядъ, что Польша есть гидра и „тростаты злобы“; что поэтъ не можетъ забыть Кремля и Праги и продолжаетъ въ своемъ стихотв. историческое преданіе, обзывающее къ отместкѣ! Но при самомъ напряженномъ желаніи найти у Пушкина подобные взгляды и призывы къ мести ихъ добросовѣстно нельзя отыскать, какъ не восторгается онъ и воинственными кликами, штыками, торжествами (Вѣстн. Евр., 1880, февр., стр. 714, 716). Съ обоими заключеніями нельзя согласиться и потому, что они слишкомъ поверхностно касаются серьезнаго, глубокаго взгляда Пушкина на основы русско-польскихъ недоразумѣній и игнорируютъ, какъ это особенно рѣзко замѣтно у Пыпина, смыслъ цѣлаго, строятъ обвиненія шаткія и необоснованныя. Поэтъ былъ прямолинеенъ и рѣзокъ, но онъ говорилъ, хотя бы и рѣзкія слова, обдуманно и убѣжденно.

Въ этомъ отношеніи Пушкинъ оказался болѣе прозорливымъ и основательнымъ въ оцѣнкѣ событій, чѣмъ официальные круги, которые въ своихъ поверхностныхъ освѣдомительныхъ извѣщеніяхъ въ печати не сумѣли подняться выше пустыхъ фразъ и представляли большое національное движеніе какой-то вспышкой, не имѣвшей сколько-нибудь прочныхъ корней ни въ массѣ народной, ни въ широкихъ кругахъ польскаго общества (См. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 271). Пушкинъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ, чтобы не видѣть глубокихъ историческихъ основъ возстанія, его исключительнаго національнаго значенія, — совершенно вѣрно замѣчаетъ М. Д. Бѣляевъ, авторъ статьи „Польское возстаніе по письмамъ Пушкина къ Е. М. Хитрово“. Справедливо также замѣчаніе, что Пушкинъ призывалъ къ рѣшительной борьбѣ съ возстаніемъ, потому что былъ глубоко убѣжденъ въ вредъ его для Россіи и, можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ для общеславянскаго дѣла. Но если принять это положеніе, особенно въ части, относящейся къ Славянству, то никакъ

нельзя согласиться съ тѣмъ, что здѣсь мы встрѣчаемся у Пушкина яко бы съ ясно выраженнымъ убѣжденіемъ въ суровой исторической необходимости уничтоженія Польши, какъ самостоятельнаго государства. Такого убѣжденія Пушкинъ никогда не высказывалъ, и стремиться въ интересахъ общеславянскаго дѣла къ уничтоженію самостоятельности одного изъ важнѣйшихъ факторовъ Славянства было бы безуміемъ. Не объ уничтоженіи думалъ Пушкинъ, и не въ буквальномъ смыслѣ слѣдуетъ принимать его выраженіе въ письмѣ къ Е. М. Хитрово: *delenda est Varsovia* (Письма къ Е. М. Хитрово, стр. 89). Эту фразу онъ повторилъ и въ другомъ случаѣ, въ примѣненіи къ русской цензурѣ, какъ привелъ также и латинскій стихъ „*una salus victis nullam sperare salutem*“, и эти цитаты надо разсматривать лишь, какъ крылатые слова, подсказанныя школьными воспоминаніями, какъ результатъ классическаго образованія. Поэтъ имѣетъ въ виду лишь неизбежное взятіе Варшавы и окончательное подавленіе возстанія. Эта печальная и суровая необходимость была лишь, какъ увидимъ дальше, предпосылкой для будущаго новаго лада и устроенія взаимоотношеній сосѣдей на иныхъ принципахъ.

Пушкинъ отлично понималъ, — и уроки Погодина для него въ этомъ отношеніи не прошли безслѣдно, — что борьба хотя и ведется подъ знаменемъ „за вашу и нашу свободу“, однако имѣетъ истинною цѣлью реставрацію Польши въ границахъ 1772 года. Это поляки заявляли совершенно открыто. Границы Польши 1772 года для нихъ были неприкосновенны. Въ разговорѣ съ отступавшимъ съ русскими войсками в. кн. Константиномъ Павловичемъ въ Сцишковскомъ мон. у Пулавъ посланный къ нему делегатъ Валицкій (5 дек. н. ст. 1830 г.) неожиданно повторилъ общее желаніе поляковъ, чтобы Россія не позволила Европѣ возсоздать прежнюю Польшу между Вислой и Днѣпромъ, какъ плотину противъ сѣвернаго колосса, а сдѣлала бы это сама: „Если независимое политическое положеніе будетъ намъ дано самой Россіей, тогда мы навсегда останемся друзьями и союзниками родственнаго намъ народа, которому нынче мы должны отказать въ нашихъ симпатіяхъ, не вслѣдствіе національной ненависти, которой въ сущности и нѣтъ, но просто потому, что мы должны сохранить свое устройство и свое благосостояніе“ (Русск. Стар., 1878, январь; J. Pergolf, *Os věta*, 1879, стр. 543; ср. К. Военскій, Имп. Николай и Польша въ 1830 г., СПб., 1905, стр. 123). И даже въ тотъ трагическій заключительный моментъ борьбы, когда русскія войска стояли уже подъ Варшавой и готовились брать штурмомъ Вольскія укрѣпленія, поляки не отступили отъ своихъ требованій. Паскевичъ пригласилъ командовавшаго польскими силами ген. Круковецкаго на свиданіе для переговоровъ, — онъ считалъ нужнымъ спросить его объ условіяхъ, на которыхъ поляки согласны прекратить бесполезное кровопролитіе. И что же? Польскій генералъ объявилъ, что единственное условіе капитуляціи есть возстановленіе польскаго государства въ границахъ 1772 г., съ Бѣлоруссіей, Литвой и Украиной. Польскій историкъ этой борьбы (Sokołowski А.,

Dzieje powstania listopadowego, str. 277, 279) подтверждает, что отвѣтъ, выработанный на пропозиции, представленныя Паскевичемъ черезъ ген. Данненберга, приглашавшія прекратить дальнѣйшее сопротивление и гарантировавшія полякамъ сохраненіе конституціи, при условіи оставаться подъ скипетромъ Россіи, былъ отрицательнымъ. Отвѣтъ былъ составленъ однимъ изъ неисправимыхъ и неистовыхъ доктринеровъ, депутатовъ сейма въ такомъ тонѣ, какъ-будто польская армія находилась въ побѣдоносномъ шествіи по меньшей мѣрѣ подъ Оршей, и заключался въ томъ, что поляки взылись за оружіе съ цѣлью завоеванія независимости въ границахъ, нѣкогда отдѣлявшихъ ихъ отъ Россіи.

Такая непримиримая точка зрѣнія раздѣлялась, очевидно, большинствомъ поляковъ. Мицкевичъ въ замѣткѣ 1833 г. (O posiedzeniu Towarzystwa ziem Ruskich i o konstytucji powstańców), какъ одну изъ статей неписанной конституціи возставшихъ, повторилъ: „Między powstańcami i Mikołajem niema żadnych układów, paktów, konwencji, armistycji, korespondencji i t. d.“. Не могло быть рѣчи о переговорахъ и соглашеніи съ противникомъ. Мицкевичъ до конца дней своихъ не переставалъ страстно тосковать, что „не пробилъ еще великій часъ, и польскіе орлы у Храбраго границы побѣдной стаею еще не собрались и кровію враговъ еще не напились“ (Перев. А. Н. Сиротинина, Россія и Славяне, стр. 56). У Храбраго границы — это значило: у Кіева, у Днѣпра, у тѣхъ легендарныхъ желѣзныхъ столбовъ, которые по преданію Болеславъ Храбрый забилъ въ дно Днѣпра, какъ пограничные между Польшей и Русью. Впрочемъ, въ очеркахъ польской исторіи (Pierwsze wieki hist. pol.) Мицкевичъ выразился болѣе осторожно: Болеславъ по обычаю вбилъ столбъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ, обозначая скорѣе свои притязанія на Русь, чѣмъ настоящія границы (wedle zwyczaju wbił słup przy ujściu Suły do Dniepru, oznaczając raczej swoje pretensje do Rusi, niżeli właściwe granice).

Въ лекціяхъ своихъ (II, стр. 221) Мицкевичъ публично свидѣльствовалъ, что тайныя польскія общества имѣли въ виду исключительно эти большія національныя цѣли, и эти именно стремленія разъединили поляковъ съ національно настроенною фракціей декабристовъ. Объ этомъ возстановленіи старыхъ границъ рѣшительно заявлялъ манифестъ обѣихъ палатъ сейма Королевства Польскаго, изданный во исполненіе постановленія отъ 20 декабря 1830 г. и въ числѣ различныхъ прегрѣшеній русскаго правительства, вызвавшихъ возстаніе, отмѣчавшій, что провинціи, ранѣе (т. е. по раздѣламъ) присоединенныя къ Россіи, не только не были возвращены Польшѣ, не только населеніе ихъ (въ воззваніи говорилось вообще „bracia nasi“, очевидно, имѣя въ виду не исключительно поляковъ) не получило національныхъ учреждений, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, но даже національныя воспоминанія, пробудившіяся въ немъ обѣщаніями, поощреніями и потомъ ожиданіями, считались государственнымъ преступленіемъ, а король польскій въ бывшихъ провинціяхъ Польши преслѣдовалъ поляковъ, которые дерзали называть себя поляками.

То, чего такъ не желалъ въ интересахъ русскаго народа Н. И. Тургеневъ, весьма расположенный къ полякамъ и радостно встрѣтившій ихъ конституцію, послѣ рѣчи Александра I въ сеймѣ 1818 г. высказавшій однако опасеніе, что свобода можетъ придти въ Россію „черезъ Польшу“, то теперь совершенно откровенно выдвигалось, какъ цѣль, въ воззваніи польскаго сейма (1830). „Нами, — говорили представители возставшаго народа, — отнюдь не руководила національная ненависть къ русскимъ, великой, какъ и мы, вѣтви славянскаго племени. Напротивъ, мы услаждали первыя минуты вновь вырванной у насъ независимости тою мыслью, что соединеніе подъ однимъ скипетромъ, хотя и вредное для насъ, принесетъ сорокамилліонному (русскому) народу возможность быть участникомъ конституціонныхъ свободъ, которыя во всемъ цивилизованномъ мірѣ сдѣлались потребностью одинаково какъ правителей, такъ и управляемыхъ“. Такъ говорилъ сеймъ. Бродзинскій повторилъ это обѣщаніе: „Въ теченіе столѣтій мы были цитомъ цивилизованной Европы, нынче мы понесемъ цивилизацію милліонамъ братьевъ одного племени.“ (Byliśmy przez wieki tarczą ucywilizowanej Europy, dziś poniesiem cywilizację milionom braci jednego szczepu.)

Но, вопреки заявленію сейма о братствѣ русскихъ и поляковъ, поэтъ революціи и воинъ ея (Rajnold Suchodolski) въ стихотвореніи „Полонезъ Костюшки“ гнѣвно протестовалъ противъ этого братанія съ москалями, угрожая выпалить въ лобъ тому, кто это осмѣлился сказать, что москали — братья лехитовъ:

„Kto powiedział, że Moskale
Są to bracia nas, Lechitów,
Temu pierwszy w łeb wypalę
Pod kościołem Karmelitów“...

Приближеніе роковой развязки естественно должно было радовать Пушкина, не какъ триумфъ оружія и побѣда надъ противникомъ, а какъ прекращеніе бесплоднаго кровопролитія, отдалявшаго возможность братскаго согласія. Окончанія войны жаждали всѣ теченія русскаго общества. Пушкина постоянно тревожило при этомъ опасеніе, какъ бы изъ „домашняго спора“ не возникла война европейская, которая къ испытаніямъ этого года (холера, бунты военныхъ поселеній) присоединила бы еще новыя бѣдствія. „Съ часу на часъ, — писалъ онъ въ іюль 1831 г. Нащокинѣ, — ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ!“ (Переписка, II, стр. 285). Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлится своими тревожными думами о вмѣшательствѣ Европы съ Вяземскимъ. Онъ пишетъ ему 3 августа изъ Царскаго Села, передавая, вѣроятно, общія политическія соображенія: „Кажется, дѣло польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I, дѣло зѣло опасное. А если мы и осадимъ Варшаву, то Европа будетъ имѣть время вмѣшаться не въ свое дѣло. Впрочемъ, Франція одна не сунется, Англіи не для чего съ нами ссориться, такъ авось-ли выкараб-

каемся". Но вскорѣ, подѣ впечатлѣніемъ новыхъ вѣстей изъ Польши, онъ совершенно успокаивается и 14 августа тому же Вяземскому, съ очевиднымъ въ самомъ стилѣ волненіемъ, сообщаетъ: „Наши дѣла польскія идутъ, слава Богу: Варшава окружена, Крженецкій смѣненъ нетерпѣливыми патріотами. Дембинскій, невзначай явившійся въ Варшаву изъ Литвы, выбранъ въ главнокомандующіе. Крженецкаго обвиняли мятежники въ бездѣйствіи. Слѣдственно они хотятъ сраженія; слѣдственно они будутъ разбиты, слѣдственно интервенція Франціи опоздастъ“... (Переписка, II, стр. 29, 301).

Пушкинъ въ концѣ концовъ убѣдился, что для всѣхъ правительствъ все-таки выгоднѣе въ такихъ случаяхъ „держаться правила non-intervention, т. е. избѣгать въ чужомъ пиру похмѣлья“; смущали его только страсти народныя; ему чудилось издавѣка, что „народы такъ и рвутся, такъ и лаятъ, — того и гляди навяжется на насъ Европа“. И онъ считалъ счастьемъ, „что мы прошлаго году (1830) не вмѣшались въ послѣднюю французскую передрагу. А то былъ бы долгъ платежомъ красенъ“. Здѣсь онъ, очевидно, касается тѣхъ же слуховъ о русской интервенціи во Франціи, которые отразились и въ извѣстномъ манифестѣ польскаго сейма (Manifest obu izb sejmowych Król. Polskiego): какъ одну изъ причинъ возстанія онъ отмѣчалъ приказъ о приведеніи польскихъ войскъ на военное положеніе и говорилъ объ отправкѣ ихъ въ походъ и замѣнѣ ихъ русскими частями (Przy coraz mocniej potwierdzających się wieściach o wojnie przeciw swobodom ludów rozpocząć się mającej, nadeszły rozkazy postawienia na stopie wojennej wojsk Polskich, przeznaczonych do wymarszu: a natomiast Rosyjskie wojska kraj nasz zalać miały).

Въ замѣткѣ: „Отклики на событія 1831 года“ (Сочиненія, подѣ ред. Венгерова, V, стр. 432), Пушкинъ также заноситъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ польскихъ дѣлъ: „Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ... Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромаино“. Далѣе Пушкинъ записываетъ „Мнѣніе Жомини о польской кампаніи“, останавливается на ошибкахъ Дибича и причинахъ успѣха Паскевича, ошибкахъ Скржинецкаго и пр.

Вмѣшательства Европы онъ какъ будто опасается и послѣ паденія Варшавы; онъ все еще неспокоенъ, что скажетъ по этому поводу Европа, и откровенно говорить объ этомъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой (17 сент. 1831 г.): „Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? Voilà la question, qui nous occupe“ (Переписка, II, стр. 322).

Однако опасенія его были напрасны: Европа не вмѣшалась активно въ споръ двухъ братскихъ народовъ. Напротивъ, на Западѣ наступило какое-то затишье и невольное успокоеніе. Когда вѣсть о взятіи Варшавы достигла Рима, Шевыревъ, въ это время жившій въ вѣчномъ городѣ, выразилъ свою патріотическую радость въ письмѣ къ

Веневитинову въ Петербургъ: „Какую радостью закипѣла душа при извѣстїи о взятїи Варшавы! Это даетъ какую-то увѣренность въ нашей мощи непобѣдимой и вселяетъ въ Европу уваженіе къ нашей волѣ“. Побѣда русская радовала его потому, что съ этого времени „крикуны“ перестали кричать въ журналахъ и говорить о небывалыхъ побѣдахъ. „Какая-то гора теперь отлегла, и наше будущее яснѣе“ (Барсуковъ, ор. с., III, 332).

Негодованіе Пушкина на тѣхъ русскихъ, которые, выражая свои симпатїи только-что пронесшейся іюльской бурѣ во Франціи, открыто связывали съ польской революціей надежды на русское пораженіе и на неизбѣжный переворотъ и сочувствовали поэтому возстанію Польши, едва ли въ самомъ дѣлѣ можно осуждать.

Герценъ въ воспоминанїяхъ своихъ (Былое и Думы, I, 158) откровенно повѣствуетъ, какъ въ кругу того радикальнаго русскаго общества, въ коемъ онъ, тогда едва девятнадцатилѣтній юноша, вращался, слѣдили „шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами, за рѣзкими отвѣтами, за генер. Лафайетомъ и за генер. Ламаркомъ“; какъ эти революціонно настроенные круги наши не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты. „Среди этого разгара, — вспоминаетъ Герценъ, — вдругъ какъ бомба, разорвавшаяся возлѣ, оглушила насъ вѣсть о варшавскомъ возстанїи. Это ужъ недалеко, это дома, и мы смотрѣли другъ на друга со слезами на глазахъ, повторяя любимое: Nein! es sind keine leere Träume! Мы радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ, и я тотчасъ прибавилъ въ свой иконостасъ портретъ Эаддея Костюшки.“

Какимъ великолѣпнымъ къ этому признанію комментариемъ Пушкина является черновой набросокъ стихотворенїя: „Ты просвѣщенїемъ свой разумъ освѣтилъ“... , обличающаго неизвѣстнаго современника, возлюбившаго чуждые народы и возненавидѣвшаго свой родной, пившаго здоровье Лелевеля, славившаго его имя въ то время, когда русская кровь проливалась въ Польшѣ, и радостно потиравшаго руки при неудачахъ Дибича! Граждански возмутительное пораженчество, преступный дефетизмъ былъ для поэта знаменїемъ грознаго моральнаго развала русскаго общества, упадка его національной совѣсти, и можно было всецѣло стоять за свободу Польши, какъ стоялъ, напрімѣръ, и Погодинъ и др. современники, но недопустимо было для русскаго гражданина злорадствовать надъ неудачами русской арміи. Такія явленїя волновали и глубоко огорчали патріотическое чувство поэта, и онъ безбоязненно высказалъ свои мысли и чувства.

Вспомнимъ, какъ спустя почти три четверти столѣтїя другой великій художникъ и мыслитель Л. Н. Толстой встрѣтилъ вѣсть о паденїи Портъ-Артура. Онъ осудилъ сдачу и предпочелъ бы видѣть крѣпость взорванною, чѣмъ сданною непрятелю. Въ своемъ дневникѣ 31 декабря 1904 г. онъ записалъ: „Сдача Портъ-Артура огорчила меня. Мнѣ

болно. Это патриотизмъ. Я воспитанъ въ немъ, несвободенъ отъ него такъ же, какъ не свободенъ отъ эгоизма личнаго, отъ эгоизма семейнаго, даже аристократическаго патриотизма. Всѣ эти эгоизмы живутъ во мнѣ "... Этимъ эгоизмомъ патриотизма, безъ всякой ненависти къ врагу, проникнуты и кавказскіе „Набѣги“, и „Севастопольскіе рассказы“, и страницы „Войны и мира“.

* * *

Пушкина глубоко возмущала грубо недоброжелательное, вѣрнѣе — какое-то безотчетно враждебное отношеніе Западной Европы къ Россіи. Онъ подчеркнул эту враждебность Европы въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ въ стихъ: „И ненавидите вы насъ“. Не останавливаясь на разсмотрѣніи или выясненіи историческихъ причинъ этого явленія, онъ однако очень тонко опредѣлили одну изъ нихъ, созданную самими же русскими, подмѣтивъ съ удивительною пронизательностью ту печальную страсть къ самоуничженію или, грубѣе выражаясь, самооплеванію, которая въ русской литературѣ нашла столь широкое отображеніе.

Въ письмѣ къ Вяземскому (въ маѣ 1826 г.), рассказывая о пріѣздѣ въ Петербургъ ничѣмъ неизвѣстнаго француза, нѣкоего Ancelot (автора книги *Six mois en Russie, Paris, 1827*) и о чествованіи его обѣдомъ въ кружкѣ тридцати „словесниковъ“, Пушкинъ съ чувствомъ омерзения говоритъ объ отсутствіи достоинства въ русскомъ обществѣ по отношенію къ иностранцамъ, намекая на опредѣленные, конкретные факты, возмущавшіе его. „Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда, — при англичанахъ дурачимъ Василья Львовича (дядя Пушкина); передъ M-me de Stäel заставляемъ Милорадовича отличатся въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко“. И съ изумительною правдою искренняго негодованія поэтъ протестовалъ противъ права такихъ заѣзжихъ иностранцевъ оскорбительно судить о Россіи: „Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“. Такъ же мѣтко и гнѣвно осмѣялъ и Герценъ эту отвратительную черту русскаго общества, въ недостойномъ поклоненіи всему западному доходившаго до полного униженія всего своего предъ лицомъ иностранцевъ, прежде всего французовъ. „Нужно было видѣть, — вспоминалъ онъ, — почтеніе, благоговѣніе, низкопоклонство, изумленіе молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ... На другой же день неприступные бояре, наглецы, грубіяны совершали свое поклоненіе волхвовъ, ухаживали за всѣми знаменитостями, — все равно, какого рода и какого пола, начиная отъ Дезирабоды, зубного врача, до Ма-па, пророка. Самые ничтожные лаццарони литературной Къяйя, всякій фельетонный ветошникъ, всякій

журнальный кропатель внушалъ имъ уваженіе, и они спѣшили предложить ему даже въ десять часовъ утра Редерера или вдовы Кликко и были счастливы, если онъ принималъ предложеніе. Бѣдняги, они были жалки въ своей маніи удивленія. Дома имъ было нечего уважать, кромѣ грубой силы и ея внѣшнихъ знаковъ, чиновъ и орденовъ. Поэтому молодой русскій, какъ только переходилъ границу, былъ поражаемъ острымъ идолопоклонствомъ.“ (Н. Страховъ, Борьба съ Западомъ, I, изд. 2-ое, стр. 60—61.)

Ненависть къ Россіи на Западѣ была явленіемъ давнимъ; она систематически прививалась общественной совѣсти Запада многочисленными псевдо-историческими трактатами и имѣетъ свою весьма для насъ поучительную исторію (см. В. И. Ламанскаго, Объ историч. изученіи слав. міра, СПб., 1872). Это отношеніе къ Славянству германскаго Запада съ негодованіемъ отмѣчалъ Шафарикъ, а Колларъ, перечисливъ культурныя заслуги славянъ, указалъ на неблагодарность Европы, наградившей ихъ „вънкомъ клеветы и презрѣнія“. Русскіе историки и политическіе мыслители также давно подмѣтили и установили этотъ фактъ. Хомяковъ въ статьѣ „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи“ (Сочиненія, I, стр. 4) съ изумленіемъ указалъ на него: „Странно, что Россія одна имѣетъ какъ будто привилегію пробуждать худшія чувства европейскаго сердца...“ Чаадаевъ послѣ революціонныхъ движеній 1848 и 1849 гг. (усмиренія Венгріи) въ письмѣ къ Хомякову объяснялъ это враждебное къ намъ отношеніе Европы тѣмъ, что она „намъ завидуетъ“, и полагалъ, что, если бы она знала насъ лучше, если бы видѣла, какъ счастливы мы дома, — она еще болѣе бы намъ завидовала. Съ этимъ зломъ необходимо было бороться, надо было парализовать его вредныя для насъ послѣдствія.

Укоряя Европу за то, что она не понимаетъ значенія Россіи, не умѣетъ цѣнить ее, Погодинъ (1832 г.) возмущался западно-европейскими невѣждами, „крикунами и болтунами въ парламентахъ и палатахъ“, страшавшими дѣтей Россіею, какъ пугаломъ. Уже тогда онъ попрекнулъ русское общество, что оно не даетъ отвѣта на ихъ дикіе вопли, и далъ ему хорошій совѣтъ: „Пора сражаться намъ съ Европой не на одихъ штыкахъ, а и на словахъ“. И. С. Аксаковъ въ одной изъ статей въ „Днѣ“ (1861, № 1) обращалъ вниманіе на важность этой борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, „державій могущественной и наиболѣе намъ враждебной“. Онъ также находилъ, что для отраженія этого врага Россіи недостаточно одной военной силы, — „тутъ необходимы въ особенности крѣпкія убѣжденія, свободно горящій и свободно творящій духъ жизни, щить нравственной идеи, орудія духовныя — мысль, слово, печать“. Онъ осуждалъ русскую робость предъ общественнымъ мнѣніемъ Запада, упрекалъ русскихъ людей, что мы, какъ грѣха, стыдимся „подозрѣнія въ патріотизмъ“, что съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительнаго благоволенія, всякій сколько-нибудь милостивый отзывъ западнаго писаки и съ восторгомъ перепечатаваемъ данныя ими аттестаты у себя въ газетахъ.

„Что выиграли мы отъ этого обильно расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?“ съ горечью спрашивалъ Аксаковъ.

Погодинъ, постоянно слѣдившій за европейскою печатью и знавшій хорошо ея настроенія, возмущался ея злобною лживостью по отношенію къ Россіи. Въ началѣ Восточной войны въ 1854 г., когда европейскія газеты особенно рѣзко стали нападать на Россію, онъ писалъ гр. А. Д. Блудовой (Историко-политическія письма, стр. 73) объ оскорбительныхъ выходкахъ ихъ и о той, выведившей его изъ терпѣнія особой „западной логикѣ“, которая допускалась въ отзывахъ о Россіи и Славянствѣ. Разбираясь въ теченіяхъ западно-европейской мысли, Погодинъ заключалъ, что есть двѣ Европы: Европа газетъ и журналовъ и Европа настоящая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаетъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и объ акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, не заботится ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ выгодамъ. Что же касается европейской публицистики, то Погодинъ выдаетъ ей весьма нелестную аттестацію и объясняетъ, что она ненавидитъ Россію потому, что не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь въ своихъ сужденіяхъ сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ-трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Они осуждаютъ въ Россіи все: „Церковь, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью, всѣ учрежденія считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною и вся исторія — вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ произволь“.

Какъ и Аксаковъ, Погодинъ понималъ, что съ этимъ зломъ надо бороться самому русскому обществу, что не слѣдуетъ пренебрегать „общимъ мнѣніемъ“, ибо наше молчаніе, глубокое, могильное, лишь утверждаетъ европейцевъ въ ихъ нелѣпыхъ сужденіяхъ: „Они не могутъ понять, чтобы можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными и истинными“.

Шевыревъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ (15 іюля 1859 г.) къ Погодину тоже коснулся этой вражды Европы къ Россіи и опять подтвердилъ давно отмѣченный фактъ: „Когда Наполеонъ (III), по чувству мщенія, довольно низкому, шелъ на Россію за Турцію, Европа ему рукоплескала и сочувствовала“... На презрительное, насмѣшливое и враждебное отношеніе Европы къ русскимъ обратилъ вниманіе и Достоевскій, впрочемъ, не задумывавшійся глубже надъ этимъ печальнымъ давнимъ явленіемъ и пытавшійся объяснить его лишь поведеніемъ самихъ россянъ, странствующихъ по Европѣ. Въ этомъ объясненіи была доля правды, но оно не исчерпывало сложной темы.

Пушкинъ понималъ, что бороться съ этимъ зломъ можно только тѣмъ же оружіемъ, какимъ оно распространялось, и въ своемъ благородномъ стремленіи служить родинѣ онъ обращается во второй поло-

винъ іюля 1831 г. къ гр. Бенкендорфу съ прошеніемъ о разрѣшеніи издавать Политическій и Литературный журналъ. Въ черновомъ наброскѣ прошенія онъ говорилъ: „Нынѣ, когда (общее) справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противу польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ на Россію не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою — конституціонныя правительства хотятъ міра, а молодыя поколѣнія, волнуемая журналами, требуютъ войны. . . Пускай позволяютъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ“.

Въ чистовомъ текстѣ Пушкинъ былъ сдержаннѣе: онъ говорилъ о желаніи соединить вокругъ своего журнала „писателей съ дарованіями“ и такимъ образомъ приблизить къ правительству „людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. Въ журналѣ печатались бы „политическія и заграничныя новости“; строки спеціально о полякахъ и западно-европейской клеветѣ на Россію онъ здѣсь исключаетъ.

Такимъ образомъ, его занимаетъ мысль создать органъ русскаго національнаго общественнаго мнѣнія, онъ ждетъ отъ правительства довѣрія къ писателю и желаетъ, чтобы и писатель въ то же время не пребывалъ въ отчужденіи отъ правительства, не дичился его, не видѣлъ въ немъ врага. Для общественнаго служенія на поприщѣ журнальномъ Пушкинъ стремится создать атмосферу взаимнаго довѣрія, и въ такихъ условіяхъ работа печати могла бы оказать услуги не меньшія, чѣмъ дипломатическія ноты. Однако, планъ созданія журнала русскаго общественнаго мнѣнія поэту не удалось осуществить. Съ запросами русской исторіи, спеціально съ нѣкоторыми сторонами русско-польскихъ и славянскихъ отношеній и недоразумѣній знакомилъ русское общество Погодинъ.

III.

Онъ (род. въ 1800 г.) былъ лишь годомъ моложе Пушкина, и ихъ можно считать ровесниками. Обоихъ связывала близкая дружба со времени ихъ знакомства въ 1826 году. Историческіе труды Погодина имѣли несомнѣнно большое вліяніе на взгляды Пушкина по нѣкоторымъ вопросамъ, занимавшимъ его въ годы сближенія съ московскимъ ученымъ. Погодинъ постоянно интересуется другомъ-поэтомъ и слѣдитъ за его трудами. Пушкинъ читаетъ ему свои народныя пѣсни, записанныя въ Болдинѣ, ведетъ съ нимъ „презанимательные разговоры“ о русской исторіи, о Наполеонѣ, объ Александрѣ I; Погодинъ въ свою очередь читаетъ ему свою „Марю“ и выслушиваетъ его похвалы и замѣчанія. Въ дневникѣ Погодина за 1829, 1830 и 1831 годы находимъ много замѣчаній, относящихся къ Пушкину и трагическимъ событіямъ въ Польшѣ (см. Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина,

III, стр. 226, М. А. Цявловскій, Пушкинъ по документамъ Погодинскаго архива. Пушкинъ и его современники, XXIII—XXIV, стр. 112.—113).

Когда первая вѣсть о ноябрьскомъ возстаніи 1830 г. въ Варшавѣ достигла Москвы, Погодинъ писалъ: „Съ тоскою думалъ о Европѣ, прочтя о Варшавѣ. Какъ ненадежно зданіе Австріи и Пруссіи, а Польша начинается за Смоленскомъ. Страшно. Какъ дорого родъ человѣческой покупаетъ всѣ опыты. Сколько крови еще прольется. Англія и Франція рады будутъ случаю ослаблять Россію“. Это недовѣріе къ западнымъ державамъ, которыя встрѣчали злорадствомъ внутреннія затрудненія Россіи, сообщилося и Пушкину. Въ это время у Погодина явилась мысль, „написать о правахъ Россіи на Литву и послать къ Бенкендорфу“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, III, стр. 271—272).

Познакомившись съ какими-то переводными статьями „Сѣверной Пчелы“, касавшимися, очевидно, польскаго вопроса и написанными въ защиту „нашего дѣла“, Погодинъ рѣшилъ, „какъ русскій, въ общемъ дѣлѣ подать и свой голосъ“, подкрѣпленный исторіей. „И въ самомъ дѣлѣ, — волновался онъ, — доколѣ иностранцы будутъ надомливать насъ, какъ намъ защищать права, добытыя нашею кровью?“ Онъ подошелъ къ острому вопросу безъ предвзятой мысли, какъ безпристрастный ученый, съ честнымъ намѣреніемъ выяснить истину. „Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, — писалъ онъ, — если я подумаю когда-либо святое имя науки умышленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было въ пользу моего Отечества.“ Въ декабрѣ 1830 года Погодинъ записываетъ въ своихъ замѣткахъ: „Къ Пушкину... Говорили о Димитріи, потомъ о Франціи, Польшѣ, литературѣ“. Въ апрѣлѣ 1831 г. задуманная статья о польскихъ дѣлахъ была готова. Въ дневникъ свой Погодинъ заноситъ: „Цензурная поправка статьи о польской исторіи. Пушкинъ отъ нея въ восторгѣ. „Никто нынѣ, — сказалъ онъ, — не тревожитъ души моей, кромѣ васъ“. Статья Погодина напечатана была въ Телескопѣ (1831, № 7, стр. 295—311), подъ заглавіемъ: „Историческія размышленія объ отношеніи Польши къ Россіи“, и появилась „по поводу разныхъ статей о томъ же предметѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ“ (впослѣдствіи она вошла въ сборникъ статей „Польскій вопросъ“. 1831—1867. М., 1867, стр. 1—10).

Размышленія Погодина произвели въ обществѣ сильное впечатленіе. „Я читалъ“, писалъ ему одинъ изъ друзей (Любимовъ) изъ Петербурга, „статью вашу о Польшѣ. Она чудесна! Въ ученомъ отношеніи, конечно, я не судья, но какъ русскій не могу не чувствовать ея достоинства. Съ начала до конца преисполнена она самага чистѣйшаго и священнѣйшаго чувства, которое невольно расшевеливаетъ душу всякаго читающаго. Видно, что неподкупная рука водила перомъ. И какъ она кстати!“... Статью, внимательно читалъ Государь и остался ею доволенъ. „Все, что доселѣ писалось въ этомъ родѣ, какъ будто писалось наемниками, кромѣ того, что не имѣло ученаго достоинства и не основывалось ни на какихъ доводахъ“.

Эти разсужденія, прочитанныя авторомъ Пушкину, очевидно должны были повліять на поэта и открыть ему истинный смыслъ русско-польскаго соперничества, русскую точку зрѣнія на старый семейный споръ, который принялъ теперь столь острую форму.

Погодинъ прежде всего коснулся здѣсь давняго и неизлѣчимаго недуга Западной Европы: ужасающаго невѣжества ея во всемъ, что касается Славянства и упорнаго традиціоннаго предубѣжденія въ отношеніи къ Россіи. Западные писатели, — говорилъ онъ, — не имѣютъ надлежащаго понятія о славянскихъ народахъ; даже крупные ученые въ своихъ историческихъ трудахъ уклоняются отъ славянской исторіи общими мѣстами или даже проходятъ ее молчаніемъ; таковъ, на пр., Гизо, въ своихъ лекціяхъ пропустившій имя Славянъ. Этимъ незнаніемъ и игнорированіемъ Славянства Погодинъ объясняетъ, почему „въ краснорѣчивыхъ выходкахъ палатскихъ членовъ во Франціи и Англии слышатся иногда такія кривыя толкованія, такія грубыя ошибки обо всемъ, касающемся, на примѣръ, до насъ, что поневолѣ краснѣешь за непростительное невѣжество ученыхъ ораторовъ“.

Съ этимъ зломъ русскому національному самолюбію приходилось считать, но трудно было парализовать его. „Однако, — говоритъ Погодинъ, — всего больнѣе бываетъ русскому сердцу, когда сіи заблужденія переносятся къ намъ, приводятъ въ затрудненіе самихъ защитниковъ нашихъ, находятъ неискусныхъ поборниковъ или легкомысленныхъ послѣдователей“. Погодинъ намекалъ, очевидно, и на отдѣльныхъ, знакомыхъ ему легкомысленныхъ представителей русской либеральной или либеральничавшей интеллигенціи и на настроенія извѣстныхъ круговъ московскаго общества. Имѣя въ виду прежде всего „иностранныхъ ораторовъ“, противниковъ Россіи въ польскомъ вопросѣ, Погодинъ поучалъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ, защитниковъ польскихъ притязаній: „И въ 1772, и въ 1793, и въ 1795 г. Россія не сдѣлала никакихъ похищеній, какъ обвиняютъ наши враги, не сдѣлала никакихъ завоеваній, какъ говорятъ наши союзники, а только возвратила себѣ тѣ страны, которыя принадлежали ей искони по праву перваго занятія, наравнѣ съ коренными ея владѣніями, по такому праву, по какому Франція владѣетъ Парижемъ, а Австрія Вѣною“. Что касается соединенія чисто-польскихъ земель Царства Польскаго (въ 1815 г.) съ Россіей, то русская династія на польскомъ престолѣ была для него явленіемъ ничуть не „страннымъ“: вѣдь сидѣли же на польскомъ престолѣ и литовскіе и семиградскіе князья, и французскіе и шведскіе принцы, и саксонскіе курфюрсты; тѣмъ болѣе, что подъ русскимъ скипетромъ, въ періодъ шестнадцати лѣтъ, поляки стали едва-ли не счастливѣе своихъ предковъ, въ эпоху ихъ величія и славы. Ту же мысль Погодинъ повторилъ и въ рецензіи на русскій переводъ „Исторіи Государства Польскаго“ Г. С. Бандтке, напечатанной въ томъ же „Телескопѣ“ за 1831 г.: „Великодушному посредничеству императора російскаго Александра Польша одолжена возвращеніемъ къ политической жизни и такимъ

благоденствіемъ, котораго давно она не имѣла при самыхъ знаменитыхъ своихъ государяхъ, по собственному признанію многихъ благо-разумныхъ гражданъ“. Россія завела въ Польшѣ училища, обучила войска, устроила финансы, установила суды, возбудила промышленность, облегчила судьбу поселянъ (Ср. Польскій вопросъ, стр.11—28).

Въ оцѣнкѣ безспорныхъ заслугъ Александра I по отношенію къ Польшѣ Погодинъ не былъ одинокимъ. Подобные взгляды высказывались неоднократно до него и послѣ него. Въ нихъ совпадали и русскіе, и поляки, съ ними раздѣляли это признаніе и другіе славяне.

Декабристъ М. С. Лунинъ объ отношеніи Александра I къ Польшѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ писалъ въ своей запискѣ (Взглядъ на дѣла Польши): „Польша получила благодѣяніе государственнаго устройства, о которомъ она даже и не мечтала въ 1813 г., когда депутація отъ воеводствъ явилась на Рейнъ умолять императора Александра управлять поляками такъ, какъ онъ того пожелаетъ, только бы они не подпали подъ иго нѣмцевъ, такъ какъ польскій народъ имѣетъ происхождение общее съ русскимъ“. Въ польскихъ журналахъ послѣ 1815 г. восторженныхъ отзывовъ объ Александрѣ I разсѣяно очень много, они раздавались не только изъ устъ поэтовъ, но и государственныхъ мужей. Многое въ переводѣ отмѣчалось и въ русскихъ журналахъ, какъ отрядный голосъ желаннаго примиренія и будущаго соединенія.

Поэтъ-романтикъ Казимиръ Бродзинскій такъ опредѣлялъ заслуги Александра I для польскаго просвѣщенія въ пору медоваго мѣсяца новыхъ русско-польскихъ отношеній (K. Brodziński, Nieznane poezje, Kraków, 1910):

„Pod tarczą Aleksandra miejmy sen spokojny...
W monarsze każdy ojca dobrego posiada,
On daje wolność druku, wszechnice zakłada,
Dobre syny, dajmy się życiu ukołysać;
Wolno pod jego tarczą i działać i pisać“.

Это признаніе отражается и въ одахъ Каэтана Козьмяна и Евсевія Словацкаго, въ знаменитомъ „Гимнѣ“ Алоизія Фелинскаго, въ проповѣдяхъ еп. Воронича и многихъ иныхъ произведеніяхъ тогдашней польской литературы. Пусть въ этихъ хвалебныхъ гимнахъ, одахъ и торжественныхъ словословіяхъ кое-что надо отбросить, какъ неизбѣжную дань требованіямъ риторики, однако основныя мысли ихъ были вѣрны, согласны и создавались дѣйствительностью и реальнымъ пониманіемъ интересовъ эпохи.

Популярная въ Славянствѣ личность Александра I и особенно его отношеніе къ Польшѣ вызывали повсюду отзывы сочувственные. Въ чешской литературѣ встрѣтимъ единодушное признаніе заслугъ Александра I. Шафарикъ въ своей Исторіи славянскихъ литературъ (Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur, 1826, S. 402) причисляетъ его къ величайшимъ благожелателямъ Польши за дарованную ей свободную конституцію. Чешскій историкъ Палацкій, въ молодые годы инте-

ресовавший русской исторіей, въ дневникѣ своемъ (Fr. Palackého Korespondence a zápisky, str. 51 и сл.) восхищается Александромъ I, государемъ вообще весьма популярнымъ въ Чехіи, восхваляетъ его благородство въ отношеніи къ полякамъ и называетъ дарованныя имъ Польшѣ либеральныя установленія дѣянiемъ, неслыханнымъ въ лѣтописяхъ міра. Колларъ въ поэмѣ „Дочь Славы“ (IV, сон. 40) помѣстилъ Александра I въ славянскомъ небѣ не только за то, что онъ сокрушилъ козни Наполеона, но и за то, что „воскресилъ несчастныхъ поляковъ“ (zkřísil oplakané Polachy). Александръ для него — жемчужина Славянства (Slávy perla).

Обращаясь къ судьбѣ славянскихъ государствъ, потерявшихъ свою независимость, Погодинъ въ томъ фактѣ, что только одна Россія устояла противъ всѣхъ ударовъ судьбы, мистически усматривалъ провиденціальное предназначеніе ея къ выполнению особой миссіи въ Славянствѣ: „Искушенная собственными долговременными бѣдствiями, какъ будто искупленная смертію однородныхъ государствъ, она возвышаетъ величественную главу свою надъ ихъ могилами и стремится къ зениту своего могущества, воззывая къ новой жизни тѣ, которыя Провидѣніе къ ней присоединило“. „Дѣйствіе Провидѣнія“ проявилось въ соединеніи Польши съ Россіей. Погодину казалось, что руками колосса, воздвигнутаго надъ противоположными океанами, Оно какъ будто хочетъ разсыпать новыя сѣмена жизни, неизвѣстной въ ветшающихъ государствахъ европейскихъ... „Россія и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственнаго и общаго блага“.

Заслуга Погодина состояла и въ томъ, что онъ тутъ же наставительно преподавалъ урокъ русскому обществу, издавна мало разбиравшемуся въ темномъ для него вопросѣ о западной границѣ русской народности, напомнивъ, что „Волынь, Подолія, Бѣлоруссія издревле принадлежали къ русскимъ владѣніямъ“; что славянскія племена, здѣсь обитавшія, въ самыя первыя времена нашей исторіи вошли въ составъ русскаго государства; что „здѣсь было средоточіе, на этой сценѣ происходила, такъ сказать, наша исторія отъ временъ Владиміра и до монголовъ“; что большую часть населенія губерній минской, могилевской, витебской, волынской составляютъ русскіе; что русскій языкъ былъ въ Литвѣ „до позднѣйшихъ временъ“ языкомъ господствующимъ, гражданскимъ, письменнымъ. „Кто же можетъ сказать, что Россія имѣетъ на Литву меньшее право, чѣмъ Англія на Валлисъ или Франція на Бретань?“

Тѣ основныя мысли, которыя высказалъ здѣсь Погодинъ, были достояніемъ не только національно мыслившихъ историковъ, — ихъ вполне раздѣляли углублявшіеся въ исторію русскаго народа идейные противники ихъ, исходившіе изъ иныхъ принциповъ, но тѣмъ не менѣе оказавшіеся въ національномъ лагерѣ, когда дѣло касалось цѣлости и достоинства Россіи.

Бакунинъ въ своей „Исповѣди“ (Bakuninova zpověď caru Mikuláši I. V Praze, 1926), рассказывая о своемъ знакомствѣ съ Лелевелемъ въ 1844 г.

въ Брюсселѣ, вспоминаеть, какъ здѣсь, въ бесѣдахъ съ польскимъ историкомъ впервые мысль его обратилась къ Россіи и Польшѣ. „Я былъ уже тогда совершеннымъ демократомъ и поэтому смотрѣлъ на Россію и Польшу демократическими очами, хотя доселѣ неясно и неопредѣленно: національное чувство, которое пробудилъ во мнѣ отъ долгаго сна споръ съ польскимъ народомъ, очутилось въ борьбѣ съ демократическими понятіями и заключеніями. Съ Лелевелемъ я часто видѣлся; онъ много излагалъ мнѣ о польской революціи, о ея цѣляхъ, надеждахъ на будущее, планахъ въ случаѣ побѣды, и не разъ мы спорили, особенно о Малороссіи и Бѣлой Руси, которыя согласно польскимъ взглядамъ должны бы принадлежать Польшѣ. Я же утверждалъ, что именно малорусы должны были бы ненавидѣть Польшу, какъ своего прежняго угнетателя“. И. С. Аксаковъ вспоминаеть, что когда Герценъ, кажется, въ 1858 г. печаталъ въ „Колоколѣ“ свои письма къ полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія русскія области, то поляки такъ были поражены этими письмами, что сочинили о Герценѣ слухъ, будто бы онъ подкупленъ русскимъ правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ императрицею (И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, ч. IV, т. II, стр. 260).

Чрезвычайно интересны воспоминанія извѣстнаго галицко-рускаго ученаго Я. Э. Головацкаго, свидѣтельствующія, что не иначе смотрѣли на эти стремленія поляковъ и совершенно юные, но пожалуй болѣе, чѣмъ петербургскіе или московскіе либералы, освѣдомленные въ исторіи своего народа галицко-русскіе гимназисты. Головацкій разсказываетъ, что во время коронаціи имп. Николая I въ Варшавѣ въ 1829 г. поляки были въ восторгѣ, — они говорили: „Царь Николай отниметь у нѣмцевъ Познань и возстановитъ польское королевство по желѣзные столпы (Болеслава Храбраго въ Днѣпрѣ)“. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Познань, но ни за что не хотѣли отдать Польшѣ Волыни, Подолья, Бѣлой и Червонной Руси; мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ порѣшили: „Не отдадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. Поки церкви — все наше!“ (Вспоминки изъ дѣтскихъ лѣтъ. Литер. Сборн. Гал.-Русской Матицы, 1885, вып. II—III, стр. 139).

Статья Погодина была прямымъ отвѣтомъ тѣмъ „постороннимъ ораторамъ“, врагамъ Россіи, которые на весь міръ лицомъ кричали, что „независимость народовъ священна“, однако вовсе не оглядываясь на Западъ и его грѣхи противъ этой заповѣди. Погодинъ къ нимъ обращалъ свой вопросъ: гдѣ же эти независимые народы? „Чѣмъ состояніе Шотландіи, Ирландіи, Ломбардіи, Этруріи, Венгріи, Богеміи, Моравіи, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи отличается въ этомъ смыслѣ отъ Польши?“ Отвѣтъ могъ получиться для нѣкоторыхъ враговъ Россіи въ сильной мѣрѣ неприятный.

Столь понравившаяся Пушкину мыслями своими и сужденіями, статья эта оказала несомнѣнное вліяніе на него, и взглядъ поэта на Польшу создавался и утверждался ею. Въ ней, какъ и въ родственныхъ

идеяхъ Хомякова и декабристовъ, мы безъ всякой натяжки можемъ усмотрѣть предвѣстіе и начальный источникъ мысли Пушкина о главенствующей роли Россіи въ Славянствѣ, о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, о соединеніи славянскихъ народовъ на началахъ свободы и независимости отдѣльныхъ ручьевъ.

Погодинъ искренно искалъ путей разрѣшенія тяжелой, мучительной славянской, русско-польской проблемы и возвращался къ ней неоднократно въ разное время. Въ многообразныхъ попыткахъ освѣтить основы славянскаго единенія онъ доходилъ до мысли прямо парадоксальной и еретической въ его эпоху съ точки зрѣнія государственной: Россія должна отказаться отъ Польши, если долженъ существовать „Славянскій Союзъ“. Польша, по его убѣжденію, есть болѣзнь на нашемъ тѣлѣ. Это — одна изъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ предлоговъ европейской ненависти къ Россіи. Отъ такой жертвы, отъ добровольнаго отреченія отъ Польши онъ ожидалъ только добра для Россіи: въ Европѣ въ общественномъ мнѣніи, въ политикѣ произойдетъ „страшная диверсія“ въ нашу пользу. Поэтому онъ желаетъ возстановленія Польши. „Пусть существуетъ Польша!“ говоритъ онъ. „Прекрасный, святой, братскій даръ, достойный добраго и легкаго сердца русскаго, которое не помнитъ зла, — свободу дадимъ мы полякамъ за ихъ къ намъ слѣпую ненависть“... Но, конечно, Погодинъ не думаетъ о возстановленіи Польши въ томъ видѣ, въ какомъ это хотѣлъ сдѣлать, „неизвѣстно на какихъ основаніяхъ“, чрезмѣрно великодушный Александръ I: ни Литва, ни Волынь, ни Подолія и Бѣлоруссія, чистыя, издревле русскія области, не могутъ быть возвращены Польшѣ. Онъ допускаетъ возстановленіе ея лишь въ предѣлахъ польскаго языка: „Гдѣ говорятъ по-польски, тамъ и Польша, точно такъ, какъ тамъ Россія, гдѣ говорятъ по-русски!“ (См. Польскій вопросъ, стр. 36: Письмо о Польшѣ, 1854). Въ болѣе поздней „Запискѣ о Польшѣ“ (1856 г.) Погодинъ „умолялъ“ государя, доказывая ему необходимость возстановленія „несчастной Польши“, чтобы разъ навсегда рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ Польши и Россіи „на пользу и славу Россіи“.

Вяземскій (Сочиненія, IX, 156, Старая записная книжка) такъ же, какъ Погодинъ, видѣлъ „одно средство“, какъ въ будущемъ, послѣ возстанія 1831 г. разрѣшить польскій вопросъ: ему казалось, что слѣдуетъ „бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни. До побѣды намъ нельзя было такъ поступать, но по побѣдѣ очень можно“... Онъ однако опредѣленно говорилъ о Царствѣ Польскомъ, — не больше.

Много лѣтъ спустя, въ дни назрѣвавшего новаго конфликта И. С. Аксаковъ въ письмѣ къ Н. И. Костомарову 30 октября 1861 г. (И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, ч. II, т. IV, стр. 261) присоединился безъ оговорокъ къ тому, что мы слышали изъ устъ Погодина и Вяземскаго: „Что касается до Польши, то мое мнѣніе и желаніе было и есть, чтобы правительство вывело всѣ войска и всѣ русскія начальства изъ Царства

Польскаго, предоставивъ полякамъ вѣдаться самимъ собою "... Но дальѣ слѣдовала весьма существенная оговорка: „Впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли. Для этого надо было бы опредѣлить границы. Мнѣ хотѣлось давно поднять этотъ вопросъ въ литературѣ и совершить, такимъ образомъ, въ литературѣ полюбовное съ поляками размежеваніе“.

Съ большою искренностью и прямою, но и съ тою же твердостью повторилъ въ газетѣ Аксакова (День, 1861, № 2) русскій взглядъ на условия этого полюбовнаго размежеванія знаменитый славистъ В. И. Ламанскій: „Мы душевно любимъ и уважаемъ глубоко народность Польскую, не посягаемъ на Польскую землю, желаемъ ей всего того блага, какого она себя сама желаетъ, — но мы, Русскіе, не заслуживали бы отъ самихъ Поляковъ никакого уваженія, если бы мы готовили Россіи участь Польши XVIII вѣка. Мы бы заслужили презрѣніе самихъ Поляковъ, отъ нихъ же дождались бы себя страшнаго о нихъ отзыва Фридриха II, если бы отнеслись равнодушно къ идеѣ раздѣла Россіи, если бы сдались на ихъ приманки, признавъ законность дикихъ польскихъ притязаній на Малороссію по Днѣпру съ Кіевомъ“.

Когда въ началѣ міровой войны поднять былъ вопросъ о Польшѣ, русское общественное мнѣніе устами кн. Е. Н. Трубецкого (Смыслъ войны, М. 1914) заявило, что возрожденіе Польши будетъ днемъ свѣтлага воскресенія и для самой Россіи.

Такъ въ русскомъ общественномъ сознаніи не угасала идея взаимнаго примиренія на началахъ полнаго осужденія и забвенія печальнаго прошлаго и утвержденія согласія на основахъ національно для обоихъ сосѣдей пріемлемыхъ и справедливыхъ.

Это разумное и честное размежеваніе выдвигалось постоянно и ближайшими сосѣдями поляковъ чехами, какъ условіе славянскаго мира. Они откликнулись при новой вспышкѣ объективно и спокойно.

Польское возстаніе 1863 г. привлекло вновь напряженное вниманіе и сочувствіе чешскаго общества. Чешскія газеты стояли на сторонѣ поляковъ, молодежь устремлялась въ ряды возстанцевъ, возставшимъ желали успѣха и огорчались ихъ неудачами. Только такіе великіе и дальновидные политическіе дѣятели, какъ Палацкій и Ригеръ, осуждали и второе возстаніе, которое по ихъ убѣжденію, не могло привести къ желанной цѣли. Палацкій считалъ его прямо славянскимъ несчастіемъ и заявилъ, что только революціонеры по инстинкту и враги Славянства, а затѣмъ люди, лишеныя способности самостоятельно мыслить, могутъ радоваться событіямъ на польскомъ театрѣ борьбы. Въ статьѣ „Польскій вопросъ въ наше время“ (1863, въ сб. Radhost, III) онъ осудилъ и воззваніе польскаго революціоннаго правительства къ народу, призывъ не слагать оружія, покуда не будетъ возстановлена Польша въ границахъ 1772 года, и безбоязненно усмотрѣлъ въ этомъ актѣ проявленіе польскаго имперіализма, стремленіе возвратитъ Подолье, Вольны и Украину, на которыя поляки не имѣли права. (Srb Ad., Politické dějiny národa českého, str. 64.) Еще разъ вернулся онъ къ этому

вопросу въ „Послѣсловіи“ къ сборнику своихъ статей (Doslov na místě předmluvy k Radhostu, 1872, стр. 50). О „несчастномъ взаимоотношеніи“ Россіи и поляковъ онъ писалъ здѣсь слѣдующее: „Поляки, или точнѣе — польская шляхта, значительно отойдя отъ Славянства (odslovanivše se valně), не желаютъ ни признать міровыхъ событій, виновниками коихъ въ извѣстной степени были ихъ предки, ни рѣшительно примириться съ русскими, развѣ если бы послѣдніе уступили имъ господство въ большей части исконной русской территоріи (въ такъ называемыхъ „забранныхъ областяхъ“) и сами подчинились бы имъ. Избирая, такимъ образомъ, своеобразную альтернативу, что покориться или погибнуть должны или москали или поляки, и не желая ни въ коемъ случаѣ погибнуть, они приняли и ведутъ предложенную имъ борьбу на жизнь и на смерть“. Палацкаго огорчало это взаимоистребленіе двухъ первѣйшихъ славянскихъ племенъ, и онъ, какъ славянскій историкъ и мыслитель, не могъ не осудить его.

Третій, послѣ Палацкаго и Ригра, выдающійся чешскій дѣятель, участникъ съ ними московскаго Славянскаго съѣзда 1867 г. д-ръ Фр. Браунеръ въ „Отвѣтѣ на открытое посланіе чешскаго эмигранта І. В. Фрича“ (Слав. Заря, Вѣна, 1867, стр. 211), возставшаго въ печати противъ участія чеховъ въ съѣздѣ, столь же рѣшительно осудилъ поляковъ за ихъ „мечтанія о забранномъ краѣ“, гдѣ народа польскаго никогда и не бывало, въ то время, когда они равнодушно смотрятъ на германизацию издревле польскихъ областей по Одрѣ и Вартѣ.

Въ томъ же духѣ высказался о препятствіи къ примиренію поляковъ и русскихъ чешскій ученый І. Первольфъ (Riegrův Slovník Naučný 186, VIII, 532): „Главное и даже единственное препятствіе къ примиренію обоихъ народовъ заключается въ томъ, что поляки хотя бы возстановить прежнее Польское государство въ границахъ его до перваго раздѣла 1772 г. или даже до Андрусовскаго мира 1667 г. (Ср. его позднѣйшую статью: Slovanská myšlenka na Rusi, Osvěta, 1879, стр. 542, гдѣ онъ пространнѣе повторилъ свой взглядъ).

Это настойчивое требованіе поляковъ побудило Погодина еще разъ, въ декабрѣ 1870 г., коснуться волновавшаго его вопроса. Въ письмѣ къ Палацкому („Къ исторіографу Богеміи“, въ Собраніи статей, писемъ и рѣчей по поводу слав. вопроса, М. 1878, стр. 83—97) онъ съ огорченіемъ констатировалъ, что поляки все еще не могутъ исцѣлиться отъ своей мономаніи, отъ старыхъ заблужденій. Погодинъ писалъ тогда: „Вотъ въ послѣднихъ газетахъ читается объявленіе эмигрантовъ польскихъ въ Англіи, которые провозглашаютъ требованіе границъ 1772 г., т. е. порабощеніе поляками десяти милліоновъ русскихъ людей въ Бѣлоруссіи, Волыни, Подолии, Литвѣ... Скажите, есть ли смыслъ человѣчскій и гражданскій въ этихъ притязаніяхъ?“ Погодинъ все-таки желалъ бы найти и теперь путь къ примиренію, звалъ поляковъ къ сближенію съ Россіей, доказывалъ всю неосновательность ихъ прежнихъ надеждъ на Францію и время первой республики, и первой имперіи, и Людовика Филиппа, и второй республики, и второй имперіи и убѣждалъ

въ который разъ : „Только въ соединеніи съ Россією Польша можетъ возродиться, расцвѣсть и прославиться!“ Погодинъ искалъ помощи въ этомъ дѣлѣ у политически испытанныхъ славянскихъ братьевъ — чеховъ; онъ хотѣлъ бы, чтобы братскій безпристрастный голосъ ихъ „во имя Славянства“ оказалъ на поляковъ благотѣльное дѣйствіе и просиль ихъ : „Попытайтесь, а мы отчаялись ! Не будете ли вы счастливые ?“

IV.

Не слѣдуетъ однако думать, что взгляды Пушкина и на Польшу и на ея извѣчное соперничество и борьбу съ Россіей сложился исключительно подъ вліяніемъ уроковъ Погодина. Пушкинъ отражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ по поводу польскаго возстанія, въ значительной степени общественное настроеніе своего времени и среды, традиціонно хранившей пережитки старины.

Польское возстаніе и вызванныя имъ стихотворенія Пушкина встрѣтили въ русскихъ общественныхъ кругахъ различное отношеніе: одни рукоплескали Пушкину, другіе осуждали и хулили его выступленіе, считали стихи его „огромнымъ пятномъ въ его поэтической славѣ“. Извѣстно, что къ польскому возстанію нѣкоторая часть русскаго общества отнеслась съ первыхъ дней движенія сочувственно. Когда въ январѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ Плетневу по поводу толковъ и критическихъ сужденій о „Борисѣ Годуновѣ“, онъ рядомъ съ презрительнымъ словомъ по адресу французовъ тонко выразилъ этимъ сочувствовавшимъ свое сужденіе : „Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши : „Помилуйте-сь!“ (Переписка, II, стр. 211). Раньше другихъ рѣзко осудилъ Пушкина кн. П. А. Вяземскій, и его отзывъ о патріотическихъ стихотвореніяхъ друга, очевидно, былъ предметомъ разговоровъ и споровъ въ кругу людей, обоимъ поэтамъ близкихъ. Вяземскій (Полное собр. сочин., IX, стр. 158) 15 сентября 1831 г. въ записной книжкѣ отмѣтилъ свои наблюденія надъ общественными настроеніями и назвалъ виновниками такихъ выступленій, какія сдѣланы были Пушкинымъ и Жуковскимъ, какъ бы желая найти оправданіе для друзей, тѣ условія русской жизни, ту петербургскую высокую атмосферу, въ которой „невидимыя силы нашептывали мысли, сужденія, вдохновенія, чувства“. Онъ былъ увѣренъ, что „будь у насъ гласность печати, никогда Жуковскій не подумалъ бы, Пушкинъ не осмѣлился бы воспѣть побѣды Паскевича. Во-первыхъ, потому, что этотъ родъ восторговъ — анахронизмъ . . . Во-вторыхъ, потому, что курамъ на смѣхъ быть внѣ себя отъ изумленія, видя, что льву удалось, наконецъ, наложить лапу на мышъ“. Вяземскій словно умышленно не замѣчалъ, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина центръ тяжести лежалъ вовсе не въ строкахъ, относившихся къ побѣдѣ надъ поляками. Черезъ недѣлю (22 сентября) Вяземскій опять возвращается къ стихо-

творенію Пушкина и разсматриваетъ его съ точки зрѣнія цѣлесообразности и пользы такихъ выступленій, какъ будто не желая признать за поэтомъ права на свободный порывъ, на вольное изліяніе чувствъ и мыслей и требуя отъ него холоднаго расчета въ оцѣнкѣ совершавшихся событій. Онъ писалъ: „Пушкинъ въ стихахъ своихъ „Клеветникамъ Россіи“ кажетъ имъ шишъ изъ кармана. Онъ знаетъ, что они не прочтутъ стиховъ его, слѣдовательно и отвѣчать не будутъ на вопросы, на которые отвѣчать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европѣ любить насъ?... Мнѣ также уже надоѣли эти географическія фанфаронады наши „Отъ Перми до Тавриды“ и пр. Что же тутъ хорошаго, чѣмъ радоваться и чѣмъ хвастаться, что у насъ отъ мысли до мысли пять тысячъ верстъ... „Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ“... Неужели Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европою воевать была бы смерть? Зачѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы“.

По этому поводу у Пушкина были съ Вяземскимъ споры и объясненія въ кругу друзей. А. И. Тургеневъ писалъ объ этомъ по выѣздѣ изъ Россіи (2-го октября изъ Мюнхена) брату Николаю Ивановичу: „Твое заключеніе о Пушкинѣ справедливо: въ немъ точно есть еще варварство, и Вяземскій очень гонялъ его въ Москвѣ за Польшу... Пушкинъ—варваръ въ отношеніи къ Польшѣ. Какъ поэтъ, думая, что безъ патріотизма, какъ онъ его понимаетъ, нельзя быть поэтомъ, и для поэзіи не хочетъ выходить изъ своего варварства. Стихи его „Клеветникамъ Россіи“ доказываютъ, какъ онъ сей вопросъ понимаетъ. Я только въ одномъ Вяземскомъ замѣтилъ справедливый взглядъ и на эту поэзію, и на весь этотъ нравственно-политическій міръ (или—безнравственно). Слушалъ споры ихъ, но самъ молчалъ, ибо Пушкинъ началъ обвинять Вяземскаго, оправдывая себя, а я страдалъ за обоихъ, ибо люблю обоихъ“ (Вересаевъ. Пушкинъ въ жизни, III, стр. 57). А. И. Тургеневъ выше ставилъ Жуковскаго и старался въ извѣстной степени оправдать его выступленіе: „Жуковскій — иное дѣло: онъ ошибается исторически и умомъ: душа его точно святая. У насъ была сильная сшибка въ Ганноверѣ наканунѣ разлуки; но его не должно трогать съ сей стороны: онъ страдаетъ и физически и морально и отъ того, что видитъ и слышитъ, въ его стихахъ о Польшѣ тотъ же смыслъ“.

„Споръ, очевидно, шель по вопросу о патріотизмѣ, которымъ были полны оба стихотворенія Пушкина“, — предполагаетъ В. М. Истринъ (Ж. М. Н. Пр., 1913, мартъ, стр. 22). Вяземскій не былъ настроенъ такъ патріотически, какъ Пушкинъ, онъ былъ еще въ періодѣ либерализма. А. И. Тургеневъ въ этомъ письмѣ къ брату вообще рѣшительно высказывается противъ такихъ воинственныхъ выступленій поэтовъ и называетъ „словами“ такого рода стихи. „Я бы спросилъ его, — съ укоризной говорить онъ о Пушкинѣ, — что бы онъ подумалъ о себѣ, если бы энтузіазмъ его къ геройству кровопролитія былъ личнымъ свидѣтелемъ того, что стоитъ намъ и имъ это геройство? Я дѣлаюсь врагомъ поэзіи, когда она не святое дѣло, не человѣчество защищаетъ и перевозно-

силь...“ И Жуковского, и Пушкина онъ безъ основанія причисляетъ одинаково къ сонму тѣхъ русскихъ, которые „ненавидятъ“ европейское просвѣщеніе. Пушкинъ не постигъ будто бы истиннаго смысла его и, по мнѣнію Александра Ивановича, — просто варваръ.

Николай Ивановичъ 17-го сентября изъ Версаля отвѣчалъ на это мнѣніе брата о Пушкинѣ презрительнымъ и полнымъ самомнѣнія отзывомъ о поэтѣ и его взглядѣ на патріотическій долгъ писателя; не желая распространяться на эту тему, онъ напомнилъ только о поведеніи Байрона: „Byron était certes un poète — et bien il n'était ni dans les principes ni dans son habitude de se vautrer dans la boue“. Къ Жуковскому онъ былъ снисходительнѣе, но въ общемъ присоединялся къ мнѣнію брата о русскомъ обществѣ: „il n'y a pas là de lumières, de civilisation!“ Братъ совпадалъ въ презрительной оцѣнкѣ его.

Однако въ черновомъ наброскѣ „Теоріи политики“ (Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. V, стр. 38) Николай Ивановичъ разсуждаетъ о завоеваніяхъ вообще, какъ о необходимости, и оправдываетъ „уничтоженіе Польши“, не понимая, впрочемъ, истиннаго смысла и значенія присоединенія западно-русскихъ земель. Онъ считаетъ завоеваніе справедливымъ, „когда нѣтъ другаго средства сохранить безопасность государства“. Всѣ завоеванія Петра I-го носятъ на себѣ печать справедливости и пользы государственной. Завоеванія Екатерины II-ой также имѣли основаніемъ безопасность и пользу Россіи. Онъ высказалъ далѣе ту мысль, которую мы встрѣчали уже и у Пушкина: „Печально для друга человѣчества видѣть уничтоженіе Польши; но сіе уничтоженіе сблизило тогда Россію съ Европою... Чувство къ отечеству должно быть въ гражданинѣ сильнѣе чувства къ человѣчеству“ (Ibid., стр. 396—397).

Совершенно въ томъ же духѣ высказался и декабристъ Лунинъ по поводу событій 1831 г.: „Конечно, нельзя не согласиться, что русское правительство, хотя и виновное въ происхожденіи безпорядковъ, не могло поступить иначе, какъ строго наказать виновниковъ мятежа и возстановить свою попорченную власть...“ Вооруженное возстаніе дало ему право на насиліе. Лунинъ рѣшительно при этомъ отвергъ „путь легальнаго преслѣдованія“, т. е. репрессіи послѣ войны, военные суды, конфискаціи и т. п. мѣры русской власти по отношенію къ полякамъ.

Спеціально о Жуковскомъ Вяземскій 14 сентября 1831 г. заноситъ въ свою записную книжку (Сочиненія, IX, стр. 155) такую замѣтку: „Охота ему была писать шинельные стихи“... Они напомнили ему тѣхъ стихотворцевъ, которые въ Москвѣ „ходятъ въ шинель по домамъ съ поздравительными одами“, очевидно, снискивая благоволеніе и благодарность поздравляемыхъ. Онъ попрекнулъ пѣвца во станіи русскихъ воиновъ и за самое дерзновеніе сравнить взятіе Варшавы съ Бородинымъ („Тамъ мы бились одинъ противъ десяти, а здѣсь, напротивъ, десять противъ одного“) и находилъ, что если дѣло борьбы съ Польшей весьма важно въ государственномъ отношеніи, то въ немъ все-таки нѣтъ ни на грошъ поэзіи. Упрекъ, конечно, въ равной степени относился и къ Пушкину, который въ стихахъ своихъ защищалъ „не

святое дѣло, не человѣчество“, т. е. измѣнилъ высокому призванію поэта. Вяземскій все это изложилъ было въ письмѣ къ нему, хотѣлъ его „оцарапнуть“, но не послалъ письма по соображеніямъ во всякомъ случаѣ не высокаго достоинства: „не отъ нравственной вѣжливости“, не изъ деликатности по отношенію къ другу-поэту, а единственно страха ради іудейска, „чтобы не сдѣлать хлопотъ отъ распечатаннаго письма на почтѣ“, разумѣется, прежде всего не надѣлать хлопотъ самому себѣ! Однако, онъ какъ будто раздѣлялъ мнѣніе Пушкина о необходимости скорѣйшаго подавленія возстанія: „Можно было дивиться, что оно долго не дѣлается, но почему въ восторгъ приходитъ отъ того, что оно сдѣлалось“, возражалъ Вяземскій. Чрезвычайно странно и неожиданно грубо прозвучала изъ устъ либеральнаго и просвѣщеннаго князя такая мотивировка его мнѣнія: „Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все нѣтъ тутъ вдохновеній для поэта“. Едва ли тѣ, кого князь какъ будто силился оградить отъ обидныхъ патріотическихъ восторговъ Пушкина, могли быть признательны ему за такую своеобразную защиту. Единственно заключительныя слова кн. Вяземскаго: „Зачѣмъ переключивать въ стихи то, что очень кстати въ политической газетѣ“, могли бы быть признаны справедливыми. Они были близки по существу къ извѣстнымъ словамъ Гете, отрицавшаго вообще политическую поэзію и охарактеризовавшаго ее, какъ „Ein garstig Lied! Pfui! ein politisch Lied! Ein leidig Lied!“

Однако, политическая пѣсня Пушкина не была неожиданностью въ литературѣ, — она явилась лишь параллелью къ длинной цѣпи политическихъ стихотвореній нѣмецкихъ и французскихъ, высказывавшихъ симпатіи къ полякамъ, но при этомъ съ большою рѣзкостью и грубымъ непониманіемъ основъ спора отзывавшихся на событія, которыми больно затрагивали русское общество.

Пушкинъ, конечно, не могъ раздѣлять взглядовъ Вяземскаго; они крѣпко запали въ его душу, и спустя годъ (5 іюля 1832 г.) при случаѣ онъ вспомнилъ о нихъ и опять отвергъ ихъ. Н. А. Мухановъ (Изъ дневника, въ Русск. Арх. 1897, 1, стр. 657) рассказываетъ объ этомъ: „Пришелъ Ал. Пушкинъ. Говорили долго о газетѣ его. О Погодинѣ. Онъ его жалуешь. О Вяземскомъ онъ сказалъ, что онъ человѣкъ ожесточенный, айги, который не любитъ Россію, потому что она ему не по вкусу...; (говорили) о несчастномъ уничиженіи, съ которымъ писатели наши говорятъ объ отечествѣ, что въ нихъ оппозиція не правительству, а отечеству. Пушкинъ сіе очень апробовалъ и говорилъ, что надо объ этомъ сдѣлать статью журнальную. Пушкинъ говорилъ долго. Квасной патріотизмъ“. Пушкинъ, конечно, огорчался этой недопустимой „оппозиціей отечеству“, какъ явленіемъ опаснымъ и пагубнымъ.

Вяземскій, какъ и другіе, естественно задумывался надъ вопросомъ, что будетъ послѣ окончанія „кровавой драмы“, какъ уладятся взаимныя отношенія Россіи и Польши. Увы, онъ не видѣлъ впереди ничего хорошаго и мрачно вѣщалъ: „При первой войнѣ, при первомъ

движеніи въ Россіи, Польша возстанеть на насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часового при каждомъ полякѣ“. Онъ находилъ, какъ уже было сказано, только одинъ выходъ изъ этого положенія, одно радикальное средство исправить прежнія наши ошибки: „бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни. До побѣды намъ нельзя было такъ поступить, но по побѣдѣ очень можно“.

Вяземскій предлагалъ такое рѣшеніе польскаго вопроса, которое неоднократно рекомендовалъ и Погодинъ, но ясно, что вольнодумецъ-князь самъ не вѣрилъ въ осуществимость своего государственнаго проекта. Онъ не безъ основанія опасался, что такая идея окажется слишкомъ широкою для головы „какого-нибудь Нессельроде“, для политика и дипломата профессионала, но мысль полюбовнаго „развода“, какъ мы сказали, жила постоянно въ умахъ выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятелей, вплоть до шестидесятыхъ годовъ. Вяземскій однако не давалъ отвѣта на одинъ большой и неотвратимый вопросъ: что можно было и что слѣдовало бы отдать Польшѣ? Онъ говоритъ, правда, о Царствѣ Польскомъ, но умалчиваетъ, что поляки категорически и ясно заявляли о своихъ правахъ на все, что имъ принадлежало до 1772 г. Возразить противъ этого требованія имѣли мужество лишь Карамзинъ, Погодинъ, а подъ ихъ вліяніемъ и Пушкинъ. Вяземскій, какъ можно думать, имѣлъ въ тѣ годы, подобно большинству русскаго общества, недостаточно ясное представленіе объ этнографическомъ западномъ русскомъ рубежѣ, и для него даже Минскъ былъ все еще Польшей.

Полнымъ одобреніемъ и съ чувствомъ удовлетворенія встрѣтилъ пушкинскій протестъ П. Я. Чаадаевъ, привѣтствовавшій въ Пушкинѣ глубокомысленнаго національнаго поэта, обрѣтшаго, наконецъ, свое призваніе. Уже 18 сентября 1831 г. онъ писалъ Пушкину: „Voilà que je viens de voir vos deux pièces de vers. Mon ami, jamais vous ne m'avez fait tant de plaisir. Enfin, vous voilà poète national; vous avez enfin deviné votre mission. Je ne puis vous exprimer la satisfaction que vous m'avez fait éprouver. Nous en reparlerons une autre fois, et beaucoup. Je ne sais si vous m'entendez bien? La pièce aux ennemis de la Russie est surtout admirable; c'est moi qui vous le dit. Il y a là plus de pensées que l'on n'en a dit et fait depuis un siècle en ce pays“... (Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева, подъ ред. М. Гершензона, т. I, Москва, 1913, стр. 166; ср. Русск. Арх., 1881, т. I, стр. 431—5; см. также Переписку Пушкина, т. II, стр. 324—8).

Чаадаевъ предвидѣлъ, что не всѣ будутъ одного съ нимъ мнѣнія, но къ противникамъ относился равнодушо. „Пусть ихъ говорятъ, а мы пойдемъ впередъ“, ободрялъ онъ Пушкина. Его одобрителный отзывъ сталъ широко извѣстенъ въ кругу московскихъ либераловъ и вызвалъ своею неожиданностью нѣкоторое смущеніе въ ихъ средѣ. А. И. Тургеневъ 26 сентября 1831 г. писалъ изъ Москвы брату Николаю: „На прошедшей недѣлѣ мы обѣдали въ Англійскомъ клубѣ съ Чаадаевымъ...“

а послѣ мы и заспорили и крѣпко о достоинствѣ стиховъ Пушкина и другихъ, кои здѣсь во всю недѣлю читались всѣми, — „На взятіе Варшавы“ и „Посланіе клеветникамъ Россіи“. Мы немного нападали на Чаадаева за его мнѣніе о стихахъ“ (Ж. М. Н. Пр., 1913, мартъ, стр. 21).

Вскорѣ, однако, самъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ Вяземскому изъ Франкфурта на М. (27 іюля 1832 г.) выступилъ съ защитой Пушкина. Для этого понадобился внѣшній толчокъ. Онъ познакомился случайно съ „книжкой одного нѣмецкаго якобинца“ Штейнманна (Friedr. Arnold Steinmann, Briefe aus Berlin, 1832), въ которой нашель отвѣтъ нѣмецкаго писателя русскому поэту на его стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“. Штейнманнъ зналъ произведеніе Пушкина по нѣмецкому переводу (Was tobt ihr auf den Rednerbühnen, Woher der Groll, mit dem ihr gegen Russland schäumt?), призналъ его продуктомъ истиннаго поэтическаго воодушевленія (ein Produkt wahrer Dichterbegeisterung), но отвѣтилъ на него рѣзко и грубо въ стихотв.: An Russlands Apologeten (Erwiderung an Puschkin). Тургеневъ назвалъ и книгу нѣмецкаго антагониста Пушкина и его стихи „богомерзкими“ (Архивъ бр. Тургенева, т. VI, стр. 100, 456). Нѣмецкій поэтъ на первые два стиха Пушкина возражалъ ему такими контръ-вопросами:

„Was schiltst du so in dem Gedichte?
Woher der Groll 'gen menschliches Gefühl?“...

На основательное требованіе Пушкина: „Оставьте насъ: вы не читали сіи кровавыя скрижали“ — онъ отвѣчаетъ поэту лишь пустыми фразами, но не по существу вѣрной его мысли:

„O schweig! Nicht sind uns fremd geblieben
Die Bluturkunden jener Zeit,
Die sich vor unsern Augen hat erneut,
Mit Flammenschrift sind sie geschrieben.“

Онъ упрекаетъ Пушкина въ пустой похвальбѣ русской храбростью (Was prahlest du mit Russland's Muthe?) и мощью, не видя никакихъ великихъ русскихъ дѣяній и заканчиваетъ свой отвѣтъ, пользуясь образами пушкинскаго стихотворенія, такими стихами:

„Von Don bis zu Sibiriens Wüsten,
Von China's Mau'r bis zum Ural,
Von Kolchis Hain bis zu des Eismeers Küsten
Millionen seufzen ob des Lebens Quaal,
Des Engels harrend, wen er ruft
Zu Ruh' und Freiheit in der stillen Gruft“.

Пушкинъ получилъ выраженія сочувствія и похвалы своимъ стихамъ не только отъ Чаадаева. Графъ Д. И. Хвостовъ, освѣдомившись о томъ, что стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ поэта подъ свое покровительство и написалъ ему длинное посланіе, озаглавленное: „А. С. Пушкину, члену Россійской Академіи, 1831 года, при случаѣ чтенія стиховъ его о клеветникахъ Россіи“

(Переписка Пушкина, II, стр. 339—340; посланіе напечатано въ „Стихотвореніяхъ“ Хвостова, VII, СПб., 1834, стр. 99). При этомъ однако Хвостовъ, убѣдившись опытомъ въ печальной истинѣ, „что развращенныя сердца завистливыхъ крамольниковъ ожесточены, и слухи ихъ не внемлютъ прелестей гармоніи сыновъ Аполлона“, высказалъ желаніе, чтобы лира Пушкина „предпочтительно воспѣвала богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени“. Графъ, повидимому, имѣлъ здѣсь въ виду тѣхъ соотечественниковъ, которые не одобряли творенія Пушкина и не желали понять его значительнаго смысла.

Слѣдуетъ напомнить, что негодованіе Пушкина повторилъ въ стихотвореніи 1831 года и Лермонтовъ, выступившій вслѣдъ за Пушкинымъ по какому-то опредѣленному случаю враждебнаго заявленія французской палаты. Лермонтовъ вѣрно понялъ смыслъ обличительнаго стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и такъ же, какъ и Пушкинъ, направилъ свое возмущеніе исключительно по адресу французскихъ депутатовъ, не обмолвившись ни единымъ словомъ противъ поляковъ. Онъ началъ свой протестъ почти тѣми же словами, что и Пушкинъ :

„Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена“...

Студентъ московскаго университета въ годы польскаго возстанія (1830—1831), Лермонтовъ отразилъ въ этомъ стихотвореніи чувства извѣстной части русской молодежи, патріотически настроенной и осѣдомленной о направленіи западно-европейской политики въ русско-польскомъ спорѣ. Слѣдуя Пушкину, онъ далъ столь же энергичную отвѣдь французамъ, осудилъ ихъ „надменный вызовъ“ и „бѣшенный призывъ“ на битву, указалъ на причину этой вражды къ Россіи, назвалъ рѣчи ихъ голосомъ „смущенной зависти“, „ехидной хитрой зависти“ Западу русскому величію. Не надо подробнѣе на разсмотрѣніи этой оды останавливаться, чтобы увидѣть ея прямую зависимость отъ оды Пушкина и тождество патріотическаго гнѣва юнаго поэта съ негодованіемъ Пушкина. Но пушкинскія мысли о значеніи и сущности русско-польскаго спора не оставили слѣда въ одѣ юнаго Лермонтова, какъ будто не были имъ поняты.

Восемнадцатилѣтній юнкеръ артиллерійскаго училища, извѣстный впослѣдствіи революціонеръ М. А. Бакунинъ въ восхищеніи писалъ 20 сентября 1831 г. родителямъ изъ Петербурга, посылая имъ стихотвореніе Пушкина: „Эти стихи прелестны, не правда ли?... Они полны огня и истиннаго патріотизма, вотъ каковы должны быть чувства русскаго! Пушкинъ ихъ озаглавилъ сначала: „Стихи на рѣчь, говоренную

генераломъ Лафайетомъ“, но цензура измѣнила этотъ заголовокъ и поставила: „Клеветникамъ Россіи“. Этотъ старикъ Лафайетъ — большой болтунъ и геній-разрушитель: бывъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей революціи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ двухъ французскихъ революціяхъ, онъ хотѣлъ бы поколебать и русскихъ! Но нѣтъ! рускіе не французы, они любятъ свое отечество и обожаютъ своего государя, его воля для нихъ законъ, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины“ (Корниловъ А. А., Молодые годы М. Бакунина, М. 1915, стр. 47; Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 289).

Приведемъ, наконецъ, интересную выдержку изъ письма декабриста Александра Бестужева (Марлинскаго), какъ еще одно указаніе на враждебное отношеніе военной молодежи къ возмущенію Польши. Бестужевъ, недавно еще мечтавшій съ друзьями-единомышленниками объ освобожденіи Польши, теперь писалъ матери (изъ Дербента 5 января 1831 г.): „Третьяго дня, получивъ Тифлисскія газеты, я былъ чрезвычайно огорченъ и раздосадованъ извѣстіемъ объ измѣнѣ варшавской. Какъ жаль, что мнѣ не удастся промѣнять пуль... съ панами добродѣями. Впрочемъ, вѣроятно, когда придуть къ вамъ эти строки, въ Польшѣ уже все будетъ кончено, ибо мятежъ былъ частный. Одно только замѣчу, что Поляки никогда не будутъ искренними друзьями Русскихъ, какъ ни корми волка“... Бестужевъ повторялъ далѣе знакомыя общія мысли о томъ, что Царство Польское никогда не было такъ хорошо управляемо, какъ подъ русскимъ владычествомъ, что массы народныя выиграли отъ этого, но дворянство польское не забыло еще своихъ „своевольныхъ вольностей“ и является постоянною угрозою спокойствію въ странѣ. „Кровь зальетъ ихъ, но навсегда-ли? Дай Богъ“, тревожною мыслью и желаніемъ заканчивалъ онъ письмо. Кровавую борьбу онъ считалъ неизбѣжною, какъ и Пушкинъ, и такъ же, какъ и Пушкинъ, желалъ бы, чтобы цѣною этой крови куплень былъ прочный миръ между обоими славянскими народами (См. статью М. Д. Бѣляева въ изд. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 267—268).

Немедленно послѣ паденія Варшавы Надеждинъ (въ Телескопѣ, 1831, № 16) привѣтствовалъ „достойныя пѣснопѣныя“, плоды патриотической музы Жуковскаго и Пушкина, какъ отрадное явленіе, исполненное благороднаго патриотическаго восторга. Онъ находилъ, что стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ отличается силою мыслей, достойныхъ русскаго духа, а въ „Бородинской годовщинѣ“, по замѣчанію критика, поэтъ счастливо выразилъ истинное свойство русскаго духа, который любить торжествовать кротостію и милосердіемъ. Надеждинъ съ полнымъ признаніемъ возвышенной мысли Пушкина повторилъ стихи:

„Кто уступилъ (sic!), тотъ не вредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали...
Они народной Немезиды
Не узрять гнѣвнаго лица,

И не услышать пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца“.

Наиболѣе существенная сторона этого патріотическаго пѣснопѣнія осталась однако незамѣченной или — не отмѣченной имъ. Странно, что создатель русской исторической этнографіи прошелъ мимо историческихъ мыслей и аргументовъ Пушкина.

Полное высокаго благородства отношеніе къ побѣжденному врагу, столь тонко подчеркнутое Надеждинымъ, есть вообще отличительная черта характера Пушкина. Уже въ стихотв. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ (1814) юный поэтъ прекрасно выразилъ ту же мысль о великодушій побѣдителя къ побѣжденнымъ французамъ, о стремленіи его къ утвержденію благотворнаго мира на землѣ:

„Въ Парижѣ Россі! гдѣ факель мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядеть съ оливою златой...“

Поэтъ „не пылалъ жаждою мести“ къ врагу и за сожженную Москву, великую жертву русскаго народа, и лишь духъ его „вотще пылалъ гнѣвомъ“ къ французамъ. Таково было подлинное проявленіе характера его русской души. Съ такимъ же рыцарскимъ благородствомъ Хомяковъ въ стихотв. „Ritterspruch — Richterspruch“ (1841 г.), написанномъ по поводу извѣстнаго дѣла польскаго революціонера Конарскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ 1839 году, ставитъ строгое требованіе человѣческаго отношенія къ побѣжденному и плѣнному врагу, бившемуся съ дикимъ неистовствомъ, но упавшему и подъежляющему молящія длани. Съ истиннымъ великодушіемъ и Александръ I предавалъ забвенію участіе поляковъ въ войнѣ 1812 г., въ „провозвѣщеніи“ къ жителямъ герцогства Варшавскаго, написанномъ А. С. Шишковымъ, заявлявшій: „Вы опасаетесь мщенья, — не бойтесь, Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ“.

Спустя два съ небольшимъ десятка лѣтъ Вяземскій, столь рѣшительно отвергнувшій оды Пушкина, въ годы новыхъ испытаній Россіи самъ выступилъ съ рядомъ патріотическихъ стихотвореній, въ которыхъ было въ сущности очень мало поэзіи и много тяжеловѣснаго бомбаста, въ которыхъ онъ не поднялъ ни одного значительнаго вопроса европейской политики, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, откликнувшись на русско-польскую усобицу и иностранное вмѣшательство въ нее. Вяземскій счелъ нужнымъ дать энергичную отповѣдь французской, англійской, австрійской и пр. печати, постоянно оскорблявшей Россію, въ Письмахъ ветерана 1812 г. (по-французски), и это была его заслуга. Въ 1854 г. онъ издалъ въ пользу раненыхъ на войнѣ сборникъ стихотвореній: „Къ ружью!“ Тутъ мы встрѣтимъ тѣ „географическія фанфаронады“, которыя ставились имъ въ упрекъ Пушкину, напр., въ стихахъ:

„Со льдовъ Двины до береговъ Дуная,
Съ Алтайскихъ горъ за рубежи Днѣпра
Да грянетъ кликъ по гласу Николая“...

Здѣсь найдемъ и такіе стихи („Пѣснь русскаго ратника“), которые слѣдуетъ признать хуже „шинельныхъ“, ибо они грубая поддѣлка подъ солдатскую пѣсню, никогда нѣ хвастающую кровопійствомъ:

„Мой булатъ, наслѣдство дѣдовъ,
Кровью Крымцевъ, кровью Шведовъ
Распотѣшился въ бою.
Жаждетъ онъ опохмѣлиться,
Кровью свѣжей вновь упиться,
Счистить ржавчину свою“...

Столько же казенной, мнимо-патріотической похвальбы и въ стихотвореніи: „Нахимовъ, Бебутовъ, побѣды близнецы“. Лубочной картинкой въ стилѣ Ростопчина отзывается стихотв. „Современныя замѣтки“, напоминающее „и французу изъ Бордо, и заносчивому лорду, всѣмъ, въ орлиное гнѣздо не спросясь уткнувшимъ морду“, какъ Русь встрѣтила честныхъ гостей, какъ „по русскому уставу банку жаркую гостямъ затопили мы на славу, а потомъ на упокой, чтобъ голубчики остыли, мы березинской водой студено ихъ окатили“... Въ „Дунайскихъ пѣсняхъ“ онъ упомянулъ и „Варшавскаго-Эриванскаго“, который на Дунаѣ третьихъ ждетъ себѣ крестинь: „Братцы! мы пилавъ Дуная русской кашей заваримъ и подъ нозѣ Николая супостатовъ покоримъ“. Въ высокой общей оцѣнкѣ заслугъ Николая I, царя-рыцаря, Вяземскій въ 1855 г. благодарилъ его отъ имени Россіи „за миръ и за побѣды“, какъ будто имѣя въ виду и побѣду польскую.

Строгій, но несправедливый судья Пушкина въ 1831 г. теперъ, въ 1854 г., покраснѣлъ бы передъ своимъ другомъ за эти столь же „шинельныя“ творенія, какими для него были стихотворенія 1831 г.

* * *

Выступленіе Пушкина по польскому вопросу нѣкоторые современники злобно связывали съ мнимымъ утилитаризмомъ поэта, овладѣвшимъ имъ послѣ женитьбы, съ какими-то практическими расчетами его. Н. А. Мельгуновъ (21 декабря 1831 г.), познакомившись съ мнѣніемъ С. П. Шевырева о стихотв. Пушкина на взятіе Варшавы, возражалъ ему: „Мнѣ досадно, что ты хвалишь Пушкина за послѣдніе его вирши. Онъ мнѣ такъ огадился, какъ человѣкъ, что я потерялъ къ нему уваженіе даже какъ къ поэту... Теперешній Пушкинъ есть человѣкъ, остановившійся на половинѣ своего поприща, и который, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ, для принесенія имъ въ жертву своего дара. Упаль, упаль Пушкинъ, и — признаюсь — мнѣ весьма жаль этого. О, честолюбіе и златолюбіе!“ О томъ же мнимомъ любостыжаніи поэта и приспособленіи къ обстоятельствамъ много позже вспоминалъ С. А. Соболевскій въ письмѣ къ Шевыреву: „Пушкинъ столь же уменъ, сколь практиченъ; онъ практикъ и большой практикъ; даже всегда писалъ то, что отъ него просило время и обстоятельства“ (Письмо отъ 14 ноября 1842 г., Русск. Арх., 1909, II, 508).

Пресловутый Булгаринъ говорилъ о какомъ-то ползаніи Пушкина „изъ-за шитаго кафтана“, а другой злой на языкъ современникъ дивился метаморфозѣ, происшедшей съ Пушкинымъ, который „прежде вольность проповѣдалъ, царей съ народомъ звалъ на судъ, но только царскихъ щей отвѣдалъ — и сталъ придворный лизоблюдь“... „Холопскій отсѣдъ“, который Вяземскій находилъ въ стихотв. Жуковского, и сравненіе обоихъ поэтовъ съ дворнею, которая въ лакейской поетъ и поздравляетъ барина съ именинами, съ пожалованіемъ чина и пр., были недостойными выпадами противъ друзей.

Пушкинъ держалъ себя по отношенію къ двору независимо. Въ тягостные для него дни начала 1826 г. онъ писалъ Жуковскому о своемъ желаніи вернуться въ Петербургъ, признавалъ свои вины („былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ“ и др.) и не только не искалъ защиты, но и ставилъ гордо свое условіе: „Мое будущее поведеніе будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства“. Извѣстно, съ какою смѣлостью онъ отстаивалъ „Бориса Годунова“ отъ замѣчаній имп. Николая о „нѣкоторыхъ слишкомъ свободныхъ и шутовскихъ мѣстахъ“ и не соглашался на исключеніе мнимо предсудительныхъ мѣстъ. Въ письмѣ къ Бенкендорфу (черновикъ отъ 16 апр. 1830 г.) онъ говорилъ: „Я понимаю, что оппозиція поэта очень забавна, но клянусь вамъ, что это дѣло задѣваетъ меня за живое“ — и просилъ разрѣшить напечатать трагедію такъ, какъ онъ ее понимаетъ (Шляпкинъ, ор. с., 79—80).

О Пушкинѣ усердно плели ту скверную сплетню, какую сочинили вполсѣдствіи о Гоголѣ, попрекая его по поводу „Переписки съ друзьями“ намеками на стремленіе попасть въ воспитатели къ наслѣднику. „Гимнъ властямъ предержавшимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора“, безъ нужды ссызвилъ о немъ Бѣлинскій. Но тому же Гоголю онъ писалъ, очевидно, осуждая порицателей Пушкина: „Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви“. Въ Пушкинѣ не было ни малѣйшаго прихлебательства, никакого недостойнаго угодничества, лира его и въ дни тяжелыхъ личныхъ переживаній оставалась свободною, неподкупною. Онъ несъ ее чистую, незапятнанную и съ полнымъ сознаніемъ могъ отнести и къ себѣ тѣ строки, которыя въ апрѣлѣ 1825 г. написалъ А. А. Бестужеву къ чести русской литературы: „Наша словесность, уступаа другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы“...

Говорятъ и часто повторяютъ, что Пушкинъ искалъ сближенія съ дворомъ, что онъ, такъ сказать, продалъ свою свободу и добровольно надѣлъ на себя то ярмо, которое потомъ его столь тяготило. Многіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые его друзья, толковали это сближеніе, какъ измѣну идеаламъ юности. Въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ нѣкоторые біографы его, весьма значительную и при этомъ отрицательную

роль сыграло его сближеніе съ Жуковскимъ, подъ вліяніемъ коего яко бы сложилось міросозерцаніе поэта, какъ оно выразилось къ началу тридцатыхъ годовъ. П. Е. Щеголевъ (Дуэль и смерть Пушкина, Петроградъ, 1916, стр. 032—035. Ср. Дневникъ Пушкина, изд. Румянцовскаго Музея, стр. 95—99) изображаетъ Пушкина столь слабодушнымъ, что онъ во всемъ подчиняется вліянію Жуковскаго — и въ чисто житейскихъ дѣлахъ своихъ, и въ политическихъ и нравственныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Первые мѣсяцы своей женатой жизни по отъѣздѣ изъ Москвы Пушкинъ провелъ въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Жуковскимъ и подвергся длительному вліянію его личности, его политическаго и этическаго міросозерцанія. . . Вмѣстѣ съ Жуковскимъ Пушкинъ дышалъ воздухомъ придворной атмосферы. Въ томъ освѣщеніи, которое создавалъ прекраснодушный Жуковскій, воспринималъ Пушкинъ и личность императора. Подъ его вліяніемъ, по его совѣтамъ Пушкинъ сталъ искать разрѣшенія житейскихъ задачъ и затрудненій около двора и отъ государя. Жуковскій былъ инициаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія. Онъ докладывалъ государю о Пушкинѣ и говорилъ Пушкину о государѣ. . . Жуковскій мощно вліяло и на политическое міросозерцаніе Пушкина. Такъ широко и сильно было его вліяніе! Щеголевъ увѣряетъ, что въ 1831 г. убѣжденія Пушкина достигли зенита своей правизны; послѣ 1831 г. они подвергались колебаніямъ, но всегда влѣво. Политическія обстоятельства этого года дали большую пищу для размышленій на политическія темы; мысли Жуковскаго и Пушкина совпали удивительнѣйшимъ образомъ. Не даромъ ихъ политическія стихотворенія появились въ одной брошюрѣ. Очевидно, безъ Жуковскаго такого поворота Пушкинъ не совершилъ бы.

Впрочемъ, Щеголевъ полагаетъ, что въ политическихъ взглядахъ Жуковскаго и Пушкина были общія черты и раньше, но не было полного тождества: оно было создано подчиненіемъ Пушкина политической мысли Жуковскаго. Но такое преувеличенное мнѣніе о предѣлахъ вліянія Жуковскаго не оправдывается ни характеромъ Пушкина, ни извѣстными намъ моментами его біографіи. Щеголеву справедливо возражаютъ, что Пушкинъ по природѣ своей не принадлежалъ къ натурамъ, отличающимся легкой внушаемостью: взгляды и убѣжденія его могли съ теченіемъ времени измѣняться, иногда даже весьма рѣзко, но эти измѣненія всегда бывали результатомъ сложной внутренней работы, въ которую постороннія вліянія входили лишь на правахъ сопутствующихъ ингредиентовъ.

Насколько невольное приближеніе ко двору, а затѣмъ обидное для его возраста назначеніе камеръ-юнкеромъ (въ концѣ 1833 г.) были для поэта тягостны, мы видимъ изъ его писемъ. Считаая оскорбительнымъ для себя новое званіе, онъ съ омерзеніемъ думаетъ о предстоящихъ придворныхъ обязанностяхъ, напр., ходить въ церковь „парами, какъ институтки“; онъ избѣгаетъ придворныхъ торжествъ и предпочитаетъ сидѣть дома, чтобы не показываться въ придворномъ мундирѣ, не исполнять этой для него „несчастной роли“. Съ очевиднымъ сознаніемъ своего

бесилья бороться против создавагося положенія онъ пишетъ женѣ (въ январѣ 1834 г.): „Видѣлъ я трехъ царей: первый (Павель I) велѣлъ съ меня снять картузь и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подѣ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфиороднымъ своимъ тезкой; съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ“. Въ этихъ словахъ выражена дѣлая трагедія личности Пушкина, безпомощно, съ какимъ-то фатализмомъ примирившагося съ обстоятельствами. И это ему ставилось въ вину.

Когда Наталія Николаевна пожелала пристроить при дворѣ своихъ сестеръ, Пушкинъ рѣшительно воспротивился такому намѣренію. „Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ“, съ укоризною писалъ онъ. Онъ боялся „скверныхъ толковъ“ общественныхъ круговъ „свинскаго Петербурга“ и совѣтовалъ Наталіи Николаевнѣ „быть подаль отъ двора: въ немъ толку мало“. Если бы его матеріальное положеніе было лучше, если бы Полотняные заводы (имѣніе Гончаровыхъ) были его, въ Петербургъ его бы „не заманили и московскимъ калачомъ“. Петербургскій свѣтъ былъ ему противенъ, и онъ открыто выражалъ свое презрительное къ нему отношеніе: „Я золь на Петербургъ и радуюсь каждой его гадости“. Ему хочется „плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить баринкомъ! Непріятна зависимость, особенно, когда лѣтъ двадцать человекъ былъ независимъ“. Служебная зависимость его особенно тяготила: „Зависимость, которую мы налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды унижаетъ насъ“.

Уже въ юности (1817), прощаясь съ Лицеємъ и друзьями въ стихотв. „Промчались годы заточенья“, Пушкинъ высказываетъ свое полное равнодушіе ко всякой чиновничьей карьерѣ. И этой карьеры онъ не могъ сдѣлать до конца своей жизни, ибо къ ней не стремился; ему, какъ Чацкому, было тошно прислуживаться, а принципомъ его было: „для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи“. Особенно его терзало то, что наверху на него, въ его маленькомъ положеніи смотрѣли, „какъ на холопа“, съ которымъ можно поступать, какъ угодно. Опала была для него „легче презрѣнія“, и онъ, какъ Ломоносовъ, не хотѣлъ „быть шуткомъ ниже у Господа Бога“.

Пушкинъ сдѣлалъ было попытку выйти изъ мучительнаго положенія: въ концѣ іюня 1834 г. онъ подалъ въ отставку, но просьба его была принята имп. Николаемъ съ неудовольствіемъ (Сочиненія, изд. Венгерова, VI, стр. 130, особенно письмо къ Жуковскому); поэтъ „вструхнулъ“ и Христомъ Богомъ просилъ, чтобы отставки не давали. Вообще, послѣдніе годы жизни поэтъ живетъ „въ тревогѣ пестрой и бесплодной большого свѣта и двора“, но выходъ изъ этого положенія нелегко было найти. Онъ рвется вонъ изъ душной петербургской атмосферы и жаждетъ одного: „Ухъ, какъ бы мнѣ удрать на чистый воздухъ“.

Мы знаемъ, что невольное приближеніе Пушкина къ имп. Николаю началось много раньше женитьбы поэта. Мицкевичъ приписалъ пагубное вліяніе на Пушкина уже катастрофѣ съ декабристами: поэтъ потерялъ де съ этого времени прежнее мужество и пылъ (*odwagę i zapał*), — онъ началъ упадать. Онъ не признавался еще самому себѣ въ своихъ заблужденіяхъ, но это видно уже въ его твореніяхъ (*poematach*). Иногда даже въ интимномъ кругу (*w zaufanem towarzystwie*) онъ осмѣивалъ своихъ прежнихъ друзей, по крайней мѣрѣ — ихъ идеи. Впрочемъ, онъ искренно желалъ бы ненавидѣть царя, но не зналъ, какъ убѣдить себя, какъ обосновать эту ненависть. Вскорѣ начали обвинять его въ измѣнѣ прежнимъ идеаламъ. Николай призывалъ его къ себѣ. Со времени существованія Россіи, впервые государь изволилъ бесѣдовать съ человѣкомъ, который по своему положенію не имѣлъ никакого права на такое отличіе... Пушкинъ ушелъ глубоко растроганный. Мицкевичъ передаетъ дальше нѣчто, какъ-будто лично отъ поэта слышанное. Своимъ друзьямъ-чужеземцамъ, — ибо русскимъ онъ въ этомъ не дерзнулъ признаться, — Пушкинъ передавалъ, что послѣ бесѣды съ царемъ онъ не могъ не подчиниться ему. „Ахъ, какъ я желалъ бы его ненавидѣть, повторялъ онъ, но что мнѣ дѣлать? За что я буду его ненавидѣть?“ Съ этого времени онъ становится какъ-будто болѣе прозаичнымъ (*niejako prozaiczniejszym*) въ своей поэзіи, высмѣиваетъ энтузіазмъ, философію и либерализмъ. О немъ кричали, что онъ продалъ себя правительству, и это наполняло горечью его душу, — онъ началъ ненавидѣть общество, бросалъ въ лицо ему и друзьямъ ядовитыя эпиграммы, считалъ себя покинутымъ, всѣми преданнымъ (*zdradczonym*), поссорился со всѣмъ свѣтомъ (Лекція 28-ая, 7 іюня 1842 г.).

Оковы царскаго благоволенія были для Пушкина тяжеле тѣхъ оковъ, въ которыхъ нравственно мучился польскій поэтъ-изгнанникъ, не испытывавшій этого порабощенія мысли и слова. Мицкевичъ въ обращеніи „Къ друзьямъ-москалямъ“ (*Do przyjaciół Moskali*) говоритъ о себѣ: „Пока я былъ въ оковахъ, я ползалъ молча, какъ змѣй, и обманывалъ деспота, но вамъ я открылъ тайны, сокрытыя въ моей душѣ, и къ вамъ относился съ голубиной чистотой“. Пушкинъ, по словамъ Мицкевича, могъ повѣдать терзавшія его муки только друзьямъ-чужеземцамъ, въ томъ числѣ и ему самому, — польскому поэту; въ положеніи Пушкина невысказанно было играть игру мудрой молчащей змѣи.

V.

Свое отношеніе къ полякамъ Пушкинъ высказывалъ уже въ годы молодости, всегда открыто и прямо, не скрывая своего нерасположенія къ нимъ, какъ къ цѣлому, но въ то же время онъ умѣлъ быть выше предубѣжденій и не переносилъ своихъ чувствъ на отдѣльные лица, съ которыми его сводила судьба. Въ стихотв. „Графу О.“, отрывкѣ, посвященномъ графу Густаву Филипповичу Олизару, скромному поэту, члену общества Соединенныхъ славянъ, кievскому губернскому маршалу,

человѣку прогрессивнаго образа мыслей, искавшему въ 1823 г. руки Маріи Николаевны Раевской, онъ какъ будто впервые коснулся этой щекотливой темы (Сочин. Пушкина, подъ ред. Венгерова, II, стр. 261).

„Единственная“ любовь Пушкина вышла, какъ извѣстно, замужъ за декабриста кн. С. Г. Волконскаго. Старикъ отецъ, по причинамъ религиознымъ и національнымъ, не могъ принять предложенія Олизара, который былъ пламеннымъ польскимъ патриотомъ, игралъ роль посредника между русскими и польскими тайными обществами на югѣ и, вѣроятно, не скрывалъ своихъ политическихъ взглядовъ. Пушкинъ познакомился съ нимъ въ семьѣ Раевскихъ и, естественно, не питалъ къ своему сопернику, какъ и онъ, впрочемъ, отвергнутому, никакого расположенія, но мысли, высказанныя Пушкинымъ въ этомъ отрывкѣ, надо признать не только личнымъ достояніемъ поэта, но и отраженіемъ тѣхъ общественныхъ взглядовъ или предрасудка, которые не позволили Раевскому отцу выдать дочь за поляка. Полякъ для поэта есть „народный врагъ“, и съ болью душевной Пушкинъ долженъ былъ констатировать исконность этой вражды между сосѣдями и братьями. Онъ говорилъ Олизару :

„Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозю“.

Пушкинъ сильно и, можетъ быть, съ излишней даже рѣзкостью повторилъ въ обращеніи къ сопернику-поляку предрасудокъ, но не одинокую въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ мысль о несочетаемости сердецъ, раздѣленныхъ религіей и національными историческими антипатіями :

„И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ жень.
(И наша дѣва молодая),
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ гордою душою
Любовь народнаго врага“...

Съ этою мыслью въ болѣе широкой постановкѣ, какъ съ выраженіемъ взгляда извѣстнаго общественнаго круга, мы встрѣчаемся и у Хомякова въ стихотвореніи „Иностранкѣ“ (А. О. Россетъ, 1832 г.). Поэтъ-славянофилъ распространяетъ взглядъ Пушкина вообще на всякую иностранку, и хотя онъ способенъ восторженно созерцать красоту ея, однако „никогда онъ дѣвѣ милой своей любви не посвятитъ“, ибо ей чужда Россія, милѣе страны другія, другія лучше небеса, и сердце ея не задрожитъ глубокимъ трепетаніемъ при словахъ: „Русь Святая!“ Пушкинская недостаточно обоснованная мысль выражена Хомяковымъ мягче, но столь же рѣшительно, и мотивировка его глубже и убѣдительнѣе.

По разсказу П. И. Бартенева, Пушкинъ уже въ Одессѣ избѣгалъ польскаго общества и не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ

полякамъ. Онъ вообще отзывался о Польшѣ дурно, очевидно, подъ вліяніемъ стараго и рокового наслѣдственнаго предрасудка. Тутъ могло, конечно, сказаться вліяніе воспитанія и той семейной обстановки, о которой вспоминаетъ и Л. Н. Толстой въ разговорѣ съ Гусевымъ („Во мнѣ съ дѣтства развивали ненависть къ полякамъ“). Когда началось польское возстаніе, этотъ взглядъ еще болѣе утвердился въ поэтѣ, какъ будто находя себѣ поддержку въ дѣйствительности (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлицева, Москва, 1890, стр. 256). Ольга Сергѣевна Павлицева въ письмѣ къ мужу, Николаю Ивановичу Павлицеву, вспоминала объ этомъ упорномъ нерасположеніи своего брата къ Польшѣ: „Александръ точно такъ же, какъ я, очень сквернаго мнѣнія о Польшѣ; называетъ онъ ее краемъ сумасшедшихъ; надѣется, что мятежниковъ скоро усмирять“... Неоднократно въ письмахъ она повторяетъ нелестныя, очевидно, общія семейныя сужденія о Польшѣ и полякахъ. Когда она собиралась въ Варшаву къ мужу, Пушкинъ совѣтовалъ сестрѣ „пока туда ноги не ставитъ“, даже въ томъ случаѣ, если бы мужъ ея, попавшій въ Польшу на службу, и болѣе года не являлся оттуда. Онъ писалъ ей: „Пусть твой мужъ рисуетъ тебѣ, сколько ему угодно, счастье проживать въ Польшѣ, вдали отъ родины; не вѣрь заманчивымъ картинамъ, самъ не знаетъ, что говорить. Уѣхать на время изъ Петербурга, гдѣ климатъ, правда, никуда не годится, — другое дѣло, но разстаться съ Россіей навсегда — не допускаю и повторяю правило Вольтера: *le mieux est l'ennemi du bien*“.

Пушкинъ, впрочемъ, не былъ противникомъ упорнымъ: онъ искалъ пути, чтобы примириться съ поэтомъ-полякомъ, не желалъ вообще переносить національную вражду двухъ славянскихъ народовъ въ отношенія личныя и счастливо нашелъ поле, на которомъ враждующіе могутъ сойтись безъ злобы и взаимнаго отвращенія; это поле — поэзія, и „огнь поэзіи чудесной“ можетъ примирить враждебныя сердца. Тогда же (1824) въ отрывкѣ изъ посланія къ Языкову онъ повторилъ ту же высокую мысль, какъ будто вспомнивъ о неприятной встрѣчѣ съ Олизаромъ:

„Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью“...

И другъ поэта кн. П. А. Вяземскій раздѣлялъ этотъ взглядъ на поэзію и на литературу вообще, какъ на моральную силу, которая умиротворяетъ страсти и приводитъ народы къ единенію. Онъ писалъ: „Есть высшіе умственные слои, куда не должны достигать неистовыя страсти семейныхъ междоусобій... Политика есть сила разъединяющая, а поэзія должна быть всегда примиряющею и скрѣпляющею силою“. Говоря о „семейныхъ междоусобіяхъ“ и опредѣляя различіе между политикою и поэзію, Вяземскій какъ будто повторялъ свой укоръ политической музѣ Пушкина. Эту мысль столь же естественно,

просто и съ такою же глубокою вѣрою въ умиротворяющую силу литературы высказалъ впослѣдствіи и Мицкевичъ, имѣя въ виду спеціально славянскіе народы и ихъ взаимоотношенія, въ первой своей лекціи (22 декабря 1840 г.) въ Парижѣ: „Литература есть поле, куда всѣ славянскіе народы несутъ плоды своей моральной и умственной дѣятельности, безъ отталкиванія другъ друга, безъ взаимнаго отвращенія. Дай Богъ, чтобы эта мирная встрѣча на этомъ прекрасномъ поприщѣ была символомъ ихъ объединенія въ другой области“. Объединеніе славянское мыслилось, какъ широкое культурное соединеніе. Съ обѣихъ сторонъ былъ такъ выразительно и искренно указанъ высокій путь и нравственный долгъ поэзіи и литературы вообще.

Исполненный этою вѣрою въ возвышенную роль литературы и высокое призваніе писателя, Пушкинъ сохраняетъ неизмѣнно теплое, благожелательное отношеніе къ великому польскому поэту; съ одинаковыми чувствами говорилъ и Мицкевичъ о своемъ русскомъ другѣ. Раздѣляла политика и примиряла литературу.

Отношенія между обоими поэтами въ годы ихъ знакомства, съ начала 1827 г. въ Москвѣ и до марта 1829 г. въ Петербургѣ, были самыя дружественныя. Во время пребыванія своего въ Москвѣ и въ Петербургѣ Мицкевичъ нерѣдко видался съ Пушкинымъ. Пушкинъ принималъ его въ Петербургѣ и у себя, въ Демутовой гостиницѣ, встрѣчалъ его и у общихъ знакомыхъ, напр., у бар. Дельвига, у К. А. Собаньской, у графа И. С. Лавалы, вѣроятно, и у Жуковского и у Козлова. Познакомившись съ Мицкевичемъ, Пушкинъ слышалъ, конечно, изъ устъ поэта живую, вдохновенную поэтическую родную рѣчь его. Онъ интересовался польскимъ языкомъ и, повидимому, занимался имъ. Подъ вліяніемъ Мицкевича онъ могъ расширить этотъ интересъ на польскую литературу и на всю вообще польскую культурную жизнь. Увлеченіе польскимъ языкомъ у Пушкина было вполне естественнымъ развитіемъ его прежнихъ славянскихъ интересовъ, особенно пробудившихся въ періодъ невольнаго пребыванія на югѣ, гдѣ онъ познакомился съ южными славянами, съ сербской пѣсней. Польскій языкъ былъ вообще въ модѣ; имъ занимались и другіе писатели: Карамзинъ раньше другихъ изучалъ его, чтобы познакомиться съ историческими трудами Нарушевича; Рылѣевъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцевичемъ, читалъ его „Историческія пѣсни“ и подражалъ имъ; А. Бестужевъ-Марлинскій учился польскому языку у Сенковского. Мицкевичъ въ одной изъ лекцій въ Парижѣ (14 дек. 1841 г.), говоря о ростѣ славянской идеи, о развитіи сознанія славянскаго единства, констатировалъ общее отрадное явленіе—распространеніе знанія славянскихъ языковъ и литературъ у братскихъ сосѣднихъ народовъ („Odtąd nie uchodź już literatom dwóch krajów nieznać narzecza pogranicznego i utworów mających z sobą styczność“). Онъ могъ имѣть въ виду тѣ факты, которые его, несомнѣнно, радовали въ русской литературной средѣ, близко ему знакомой. Въ библіотекѣ Пушкина сохранились книги на разныхъ славянскихъ языкахъ: польскія, чешскія, сербскія, даже лужицко-сербская

грамматика; однѣ изъ нихъ — подношенія почитателей славянскихъ (на нѣкоторыхъ книгахъ есть надписанія библіотекаря Чешскаго Музея Вячеслава Ганки), другія, вѣроятно, — приобрѣтенія самого поэта. Изъ польскихъ книгъ въ сохранившемся собраніи имѣются: Konrad Wallenrod, петербургское изданіе 1828 г., Poezye Adama Mickiewicza, Petersburg 1829 г., парижское изданіе стихотвореній Мицкевича (1832 г.); далѣе отмѣтимъ двѣ грамматики польскаго языка (краковское изданіе 1794 г. для народныхъ школъ, грамматика на нѣмецкомъ языкѣ Карла Поля, 1829 г.), знаменитый Словарь польскаго языка Линде, словарь М. А. Троща (въ трехъ экземплярахъ); есть книги историческаго содержанія (напр., Г. С. Бандтке, Исторія государства Польскаго, русскій переводъ 1831 г.), а также и специально касающіяся русско-польскаго вопроса, напр.: Schnitzler J. H., La Pologne et la Russie, Paris, 1831, съ motto: Jechtché Polska nié rjépadła. Non, la Pologne n'est pas encore perdue, № 1358 и 1359, оп. с., р. 331), Адама Гуровскаго La verité sur la Russie et sur la révolte des Provinces Polonaises (Paris, 1834) и др.

Можно предполагать, что нашъ поэтъ изучилъ родственнѣе славянскій языкъ въ такой мѣрѣ, что разбирался въ польскомъ поэтическомъ текстѣ, но едва ли онъ могъ знать этотъ трудный языкъ основательно. Извѣстно, что Пушкинъ принялся за переводъ „Конрада Валленрода“ тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1828 г. и мастерски перевелъ начало его („Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ“); онъ зналъ и другія произведенія своего друга, и русскій изслѣдователь (П. О. Морозовъ) усматриваетъ, напр., въ „Русалкѣ“ реминисценціи изъ „Rybki“ и „Świtezianki“ Мицкевича, а отраженіе „Конрада Валленрода“ находитъ Третьякъ въ замыслѣ „Полтавы“. Мицкевичъ перевелъ (1828) пушкинское „Воспоминаніе“ (Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день), а въ эпиграммѣ „Na Jana Czuńskiego“ (1832—1834) явно вспомнилъ извѣстное четверостишіе Пушкина на гр. Воронцова (Полугерой, полуневѣжда). Въ эти годы Пушкинъ подарилъ Мицкевичу свою „Полтаву“, какъ только она появилась въ печати; вѣроятно, въ это же время онъ получилъ отъ Мицкевича экземпляръ сочиненій Байрона, изданія 1826 г., съ надписью на польскомъ языкѣ: „Байрона Пушкину посвящаетъ поклонникъ обоихъ — А. Мицкевичъ“ (См. каталогъ Пушкинскій библ. въ изд. Пушкинъ и его соврем., вып. IX—X. Ср. Пушкинъ въ міровой литерат., 1926, статья Н. Яковлева, Изъ разысканій о литературныхъ источникахъ въ творествѣ Пушкина, стр. 118 и сл.). Это — прочные свидѣтели несомнѣннаго интереса Пушкина къ Славянству и взаимнаго расположенія обоихъ поэтовъ.

Съ необыкновенно цѣннымъ документомъ для исторіи этихъ взаимоотношеній, съ смѣлымъ ходатайствомъ нашего поэта за изгнанника и друга познакомилъ насъ Б. Л. Модзалевскій въ замѣткѣ „Пушкинъ — ходатай за Мицкевича“ (Пушкинъ и его соврем., вып. XXXVI, 1923 г., стр. 26—33). Оно относится къ 7 января 1828 г. Для характеристики нравственной личности Пушкина, принявшаго въ судьбѣ польскаго поэта живѣйшее сердечное участіе, оно имѣетъ большое значеніе.

Среди бумаг фонь-Фока, управлявшаго III Отдѣленіемъ канцеляріи Е. В., Модзалевскій нашель записку Пушкина, представленную поэтомъ, вѣроятно, при личномъ ходатайствѣ въ качествѣ памятной записки и написанную „не безъ дипломатической ловкости“, въ выраженіяхъ весьма осторожныхъ, но явно внушающихъ мысль о разрѣшеніи Мицкевичу вернуться на родину. Достигнуть этой цѣли Пушкину, правда, не удалось, но ходатайство его все-таки помогло Мицкевичу, какъ думаетъ Модзалевскій, освободиться отъ столь несвойственной ему роли чиновника гражданской канцеляріи московскаго генераль-губернатора.

Эти дружескія отношенія оставались неизмѣнными до самаго конца пребывания польскаго поэта въ Россіи, и только отъѣздъ Мицкевича за границу въ маѣ 1829 года прервалъ личныя его связи съ русскими друзьями, а разразившееся въ ноябрѣ 1830 г. возстаніе неизбежно привело Мицкевича въ станъ противниковъ и отдалило его отъ прежнихъ друзей окончательно. Но и война не могла уничтожить въ памяти обоихъ друзей тѣхъ высокихъ, добрыхъ чувствъ и радостныхъ воспоминаній, которыми оба были исполнены.

Вспыхнувшій въ Польшѣ пожаръ застигъ польскаго поэта въ Римѣ, гдѣ онъ въ первыя числа декабря получилъ депешу о началѣ войны. Поэтъ рѣшилъ ѣхать въ Польшу. Весною 1831 г. С. А. Соболевскій, узнавши отъ Мицкевича, что возставшіе зовутъ его на родину, рѣшилъ помочь непрактичному и неопытному въ житейскихъ дѣлахъ польскому поэту. Онъ размѣнялъ ему деньги, устроилъ его паспортныя дѣла, закупилъ для него дорожныя вещи и самъ сѣлъ съ нимъ въ дилижансъ. Они выѣхали изъ Рима 19-го апрѣля въ обществѣ еще нѣсколькихъ русскихъ друзей Мицкевича (А. К. Виноградовъ, Просперъ Мериме, стр. 251, гдѣ воспроизведена страница дневника Соболевскаго). Поэтъ, какъ извѣстно, на театрѣ военныхъ дѣйствій опоздалъ и участія въ нихъ не принялъ. Пушкинъ уже въ началѣ 1831 г. имѣлъ, повидимому, какія-то непосредственныя свѣдѣнія о Мицкевичѣ и его сборахъ, когда съ тревогой за судьбу его и грядущія горестныя переживанія писалъ Е. М. Хитрово (21 января): „Изъ всѣхъ поляковъ меня интересуеетъ только Мицкевичъ. Онъ былъ въ Римѣ въ началѣ возстанія. Боюсь, какъ бы онъ не пріѣхалъ въ Варшаву — присутствовать при послѣднихъ судорогахъ своего отечества“ (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 14 и 82).

Разгромъ возстанія и взятіе Варшавы глубокою болью отозвались въ сердцѣ польскаго поэта, но на событія 1830—1831 г. Мицкевичъ откликнулся непосредственно лишь спустя нѣкоторое время и то только по частному случаю: онъ воспѣлъ, какъ мы видѣли, геройскій подвигъ Ордона, взорвавшаго Вольскій редутъ и не сдавагося русскимъ войскамъ. Какъ бы опомнившись отъ придавившихъ его ужасныхъ потрясеній, поэтъ коснулся затѣмъ событій молодости своей въ предисловіи къ III-ей части „Dziadów“, посвященной памяти друзей и товарищей по заточенію и изгнанію, погибшихъ отъ тоски по родинѣ въ Архангель-

скѣ, Москвѣ и Петербургѣ, излиль здѣсь свои мысли о Россіи въ знаменитомъ „Отрывкѣ“ (Ustep), посвященномъ „друзьямъ москалямъ“, и трогательно помянулъ русскаго поэта, своего друга Пушкина (Pomnik Piotra W.). Въ первомъ стихотвореніи „Отрывка“ (Do przyjaciół Moskali), обращенномъ ко всѣмъ русскимъ друзьямъ, Мицкевичъ, нѣкогда дѣлившійся съ ними завѣтными мыслями, вспомнилъ, какъ полагають польскіе комментаторы этого обращенія, не только о русскихъ друзьяхъ вообще, но имѣлъ въ виду въ частности Пушкина. Стихотвореніе содержитъ естественный въ такую минуту вопросъ: вспоминають ли польскаго поэта его прежніе русскіе друзья, какъ онъ вспоминаеть ихъ на далекомъ Западѣ? Гдѣ они теперь?

„Wy czy mnie wspominać? — Ja ilekroć marzę
O mych przyjaciół śmierciach, wygnaniach, więzieniach;
I o was myślę; wasze cudzoziemskie twarze
Mają obywatelstwa prawo w mych marzeniach.
Gdzież wy teraz?...“

Но далѣе слѣдовалъ еще другой, болѣе тягостный и мучительный вопросъ, на который поэтъ, ушедшій на Западъ, потерявшій связь съ Петербургомъ и русскими друзьями, желалъ бы имѣть отвѣтъ. Онъ вспомнилъ погибшаго на висѣлицѣ Рылѣева и прикованнаго къ тачкѣ въ сибирскихъ рудникахъ Бестужева, — обоихъ постигла жестокая судьба; но тѣ, кто уцѣлѣлъ въ бурѣ, можетъ быть, испытали еще болѣе суровую кару небесъ, муки не физическія, а душевныя: можетъ быть, кое-кто изъ нихъ, опозоренный служебнымъ положеніемъ или орденномъ, продалъ на вѣки свободную душу благоволенію царя и нынче отбиваетъ поклоны на его порогахъ?

„Innych może dotknęła sroższa niebios kara —
Może kto z was, urzędem, orderem szanbiony,
Duszę wolną na wieki sprzedał w łaskę cara,
I dziś na progach jego wybija pokłony.“

Можетъ быть, среди нихъ есть и такіе, которые продажнымъ перомъ прославляютъ царскіе триумфы и радуются мученичеству своихъ друзей; можетъ быть, они въ отчизнѣ поэта обагрятъ себя его кровью и гордятся передъ царемъ проклятіями, словно заслугами?

„Może płatnym językiem tryumf jego sławi,
I cieszy się ze swoich przyjaciół męczeństwa;
Może w ojczyźnie mojej moją krwią się krawi,
I przed carem, jak z zasług, chlubi się z przekleństwa...“

Мицкевичъ обѣщаетъ русскимъ друзьямъ радостную вѣсть: „Если къ вамъ издалека, отъ вольныхъ народовъ донесутся на сѣверъ эти печальныя пѣсни, то пусть онѣ принесутъ вамъ предвѣстіе свободы, какъ журавли возвѣщаютъ весну“... Третякъ (Puszkín i Mickiewicz, str. 249—250) полагаетъ, не безъ нѣкоторыхъ однако колебаній и сомнѣній, что Мицкевичъ имѣлъ здѣсь въ виду Пушкина и Жуковскаго, хотя Мицкевичъ до написанія посвященія „Отрывка“ (Ustepu), т. е. вступитель-

наго стихотворенія „Do przyciążać Moskali“, не зналъ торжественныхъ гимновъ Пушкина русскимъ побѣдамъ (Ibid., p. 263). Подозрѣнія или опасенія Мицкевича относительно своихъ русскихъ друзей возникли, такимъ образомъ, безъ этого внѣшняго импульса, путемъ глубокой интуиціи поэта. Новѣйшій польскій изслѣдователь, подвергшій стихотв. „Do przyciążać Moskali“ анализу „изнутри“ (Rafał Blüth, „Do przyciążać Moskali“. Geneza od wewnątrz. Ruch literacki, 1927, № 2, str. 40), ставитъ вопросъ Мицкевича въ тѣсную связь съ воспоминаніями, которыя поэтъ сохранилъ о томъ днѣ (3-го апрѣля 1829 г.), когда русскіе друзья торжественно прощались съ нимъ въ Москвѣ, передъ его отъѣздомъ изъ Россіи. Съ большими усиліями, на основаніи двухъ незначительныхъ записей въ дневникъ Погодина о прощальномъ завтракѣ и о томъ „хаотическомъ разговорѣ“, который велся тогда присутствовавшими, о какомъ-то диспутѣ Пушкина съ Мицкевичемъ, о „холодномъ предубѣжденіи“ одного и „горячей вѣрѣ“ другого участника собранія и на основаніи болѣе ранней отмѣтки Погодина о посѣщеніи имъ 21 марта 1829 г. Мицкевича, о бесѣдѣ съ нимъ „о нашемъ просвѣщеніи“, о томъ, что Россія безусловно должна поддерживать „всѣ славянскія партіи“, ибо этимъ она привлечетъ народы больше, чѣмъ военными захватами, — Блюгъ старается доказать, что польскій поэтъ, потрясенный кровавыми событіями 1831 г., невольно долженъ былъ вспомнить о недавнихъ увлекательныхъ и возвышавшихъ душу бесѣдахъ друзей, о чувствахъ расположенія къ нему, которыя такъ прекрасно выражены были въ мастерскомъ стихотвореніи И. В. Кирѣевского, поднесенномъ польскому поэту вмѣстѣ съ серебрянымъ стаканомъ на память; онъ долженъ былъ, быть можетъ, вновь прочесть, и самые стихи и предъ лицомъ горестныхъ событій вознегодовать и отвѣтить прежнимъ друзьямъ то-стомъ изъ той же чаши, наполненной нынѣ ядомъ, который долженъ разѣдать и жечь ихъ окопы, но не ихъ самихъ. Поэтъ только съ болью сердечною могъ написать такіе стихи :

„Teraz na świat wylewam ten kielich trucizny —
 Żrąca jest i paląca mojej gorycz mowy,
 Gorycz wyszana ze krwi i z łez mej ojczyzny;
 Niech żyje i pali — nie was, lecz wasze okowy“...

Эти слова Мицкевича, думается, не должны были имѣть оскорбительнаго смысла для друзей, — это не могло входить въ его намѣренія.

Пушкинъ въ половинѣ 1833 г. уже читалъ „Ustęp“, и въ черновикахъ его имѣются переписанныя имъ части: „Oleszkiewicz“, „Pomnik Piotra Wielkiego“ и „Do przyciążać Moskali“. Венгеровъ (Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 466) въ комментаріѣ къ этому стихотворенію склоненъ думать, что едва ли Мицкевичъ свой ядовитый намекъ на тѣхъ, кто продалъ себя царю, относилъ къ Пушкину, но соображенія его неубѣдительны: приводимые имъ факты дружественнаго отношенія къ памяти Пушкина относятся ко времени болѣе позднему, послѣ смерти поэта, когда Мицкевичъ не считалъ быдостояннымъ, во имя обязательнаго „de mortuis“ ...,

дѣлать какіе-либо намеки на недалекое прошлое, относительно котораго ихъ взгляды разошлись. Но мы имѣемъ еще нѣкоторое подкрѣпленіе въ пользу перваго мнѣнія (Третьяка и др.), усматривающаго здѣсь намеки именно по отношенію къ Пушкину.

Послѣ четырехъ лѣтъ разлуки Пушкинъ получилъ впервые извѣстіе о Мицкевичѣ отъ вернувшагося изъ-за границы въ концѣ іюля 1833 г. С. А. Соболевскаго. Онъ разсказалъ Пушкину о своихъ заграничныхъ знакомствахъ, о встрѣчахъ съ Мериме, о Пѣсняхъ западныхъ Славянъ, о выходѣ книжки Мицкевича „Книги народа польскаго и польскихъ скитаній“ и вручилъ ему по секрету III-ю часть „Dziadów“, въ которой Пушкинъ прочелъ какъ бы упрекъ себѣ въ первомъ же стихотвореніи „Отрывка“, т. е. „Do przujació! Moskali“. Но въ томъ же „Отрывкѣ“ Пушкинъ нашелъ другое замѣчательное по мысли стихотвореніе Мицкевича: „Pomnik Piotra Wielkiego“, напомнившее ему о недалекомъ прошломъ, объ искренней дружбѣ съ польскимъ поэтомъ, о бесѣдахъ на волновавшія друзей темы, о попыткахъ рѣшенія большихъ проблемъ, о Петрѣ Великому и „каскадѣ тиранній“ въ русской исторіи. „Однажды вечеромъ, — вспоминаетъ Мицкевичъ, — двое юношей, взявшись за руки, стояли на дождѣ подъ однимъ плащомъ: одинъ былъ странникъ, пришелецъ съ Запада, невѣдомая жертва царскаго насилія; другой былъ поэтъ русскаго народа, прославившійся своими твореніями на всемъ сѣверѣ. Они были знакомы другъ съ другомъ недолго, но много и съ недавняго времени они уже были друзьями. Ихъ души, возносясь надъ земными препятствіями, были двѣ родственныя вершины Альпъ, хотя и разѣединенныя на вѣки воднымъ потокомъ: онѣ едва слышать шумъ своего недруга, склоняя другъ къ другу свои поднебесныя верхушки...“

Эти стихотворенія оживили въ памяти еще не столь далекіе минувшіе, болѣе радостные дни. Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку: по мнѣнію проф. А. Брикнера (A. Brückner, *Historja lit. rossyjskiej*, 1922, I, 536), вполне принятому и В. Ледницкимъ (Puszkina, str. 398), разговоръ у памятника Петра В. могъ вести Мицкевичъ съ Рылѣевымъ, но никакъ не съ Пушкинымъ. Не входя въ обсужденіе ихъ соображеній въ пользу такого шаткаго предположенія, укажемъ, что Мицкевичъ едва ли могъ бы назвать Рылѣева поэтомъ, въ его пору прославившимся своими пѣснями на всемъ сѣверѣ (ślawny pieśniami na całej północy). Къ тому же рѣчь о Петрѣ Вел., вложенная Мицкевичемъ въ уста русскаго поэта въ „Памятникъ Петра В.“ и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ нашедшая свое ясное отраженіе, могла быть знакома и понятна только Пушкину, только ему напомнить о прежней дружбѣ съ польскимъ поэтомъ и вызвать, такимъ образомъ, его отповѣдь-реплику въ цѣломъ большемъ произведеніи.

Пушкинъ не могъ оставить безъ отвѣта хотя бы только намекъ, достаточно обиднаго по формѣ и содержанію. Но отвѣтить было нелегко, — разсуждаетъ Третьякъ. Нетрудно было, правда, не измѣняя разъ занятой точки зрѣнія, отвѣтить Мицкевичу тономъ официальнаго не-

годованія, — это былъ бы даже удобный случай снискать царское благоволеніе! Но Пушкинъ, продолжаетъ снисходительно Третьякъ, былъ слишкомъ искрененъ и благороденъ, чтобы удовлетвориться такою отвѣдью, — онъ чувствовалъ, что она была бы фальшью. Нѣтъ, онъ хотѣлъ излить все волненіе чувствъ и мыслей, вызванныхъ потрясающимъ ударомъ, и въ этомъ изліяніи найти облегченіе для сердца и отвѣтъ великому противнику-другу. Такъ возникъ „Мѣдный Всадникъ“, по единодушному въ настоящее время взгляду литературныхъ изслѣдователей, какъ отвѣтъ, какъ выраженіе взгляда Пушкина на Петра и какъ оправданіе русскаго пѣвца.

Въ каждой строкѣ „Отрывка“ Пушкинъ читаль укоризну столицъ Петербургу, обличеніе мертвящей и холодной, величавой русской дѣйствительности, обреченной на вѣчное роковое принесеніе въ жертву частныхъ интересовъ интересамъ огромнаго, но никому не дающаго счастья государства. И вотъ получились три отклика поэта: первый — „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ (1833). Въ этомъ стихотвореніи чувствуется головокруженіе, охватившее Пушкина при мысли о русской свободѣ, о той свободѣ, къ которой звалъ и которую предвѣщаль Мицкевичъ. Второй откликъ: „Онъ между нами жилъ“, посвященный воспоминанію о Мицкевичѣ, написанъ былъ 10 августа 1834 г., т. е. годъ спустя послѣ полученія отъ Соболевскаго III-ей части „Dziadów“ и подлинныхъ, непосредственно отъ близкаго лица вѣстей о Мицкевичѣ. Третій, болѣе ранній отвѣтъ, касающійся прямо той части, которая называется „Pomnik Piotra Wielkiego“, данъ былъ Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ (1833). Интересно, что въ Болдинѣ въ эту пору (1833) онъ занялся переводомъ двухъ балладъ Мицкевича: „Воевода“ (Czaty) и „Будрысь и его сыновья“ (Trzech Budrysów), постоянно возвращаясь мыслью къ далекому другу, входя съ нимъ этимъ путемъ въ духовное общеніе и не прерывая связи съ нимъ.

Не будемъ касаться подробностей генетической связи „Мѣднаго Всадника“ Пушкина и частей „Отрывка“ (Олешкевичъ, Памятникъ Петра Вел.) Мицкевича, вызвавшего своимъ тезисомъ о „каскадѣ тиранніи“, какъ характерномъ признакѣ русской исторіи отъ Петра до времени Николая, отвѣтъ русскаго поэта; изложимъ лишь вкратцѣ взглядъ Третьяка на эту тему. Чѣмъ является „Мѣдный Всадникъ“ по отношенію къ „Олешкевичу“ и „Памятнику Петра Вел.“? Въ отношеніи къ первому произведенію онъ есть только нѣкоторое эхо его; по отношенію ко второму онъ есть не только эхо, но и прямой отвѣтъ на него. Въ произведеніи Мицкевича Пушкинъ встрѣтился съ вызовомъ: помнить ли онъ тѣ времена, когда онъ смотрѣлъ на русское государство, какъ на каскадъ тиранніи, и остался ли онъ вѣренъ этимъ взглядамъ? А можетъ быть, онъ примирился съ этимъ каскадомъ и прославляетъ его триумфы? Отвѣтъ, данный Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, можно изложить приблизительно такъ: да, я былъ и остаюсь исповѣдникомъ свободы, былъ и остаюсь врагомъ тиранніи, но развѣ не было бы безуміемъ вступать въ открытую борьбу съ нею? Живя въ Россіи, необходимо подчиниться

всесильной, всепокоряющей идеѣ государства, въ противномъ случаѣ — она будетъ меня преслѣдовать, какъ преслѣдовала безумца Евгенія.

Такъ понимаетъ поэму глубокаго затаеннаго смысла польскій критикъ. Это толкованіе Третьяка принимаетъ безъ оговорокъ А. К. Виноградовъ (ор. cit., p. 254) въ новѣйшей работѣ, посвященной отчасти взаимоотношеніямъ: Мицкевичъ—Пушкинъ—Соболевскій. Онъ признаетъ, что въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ нашъ поэтъ строчка за строчкой возражаетъ Мицкевичу. Его Евгеній, грозящій кулакомъ гиганту на бронзовомъ конѣ, это протестъ личнаго страданія, принесеннаго въ жертву ледяной и мертвящей идеѣ императорской Россіи. Пушкинъ увидѣлъ въ этомъ индивидуальномъ обывательскомъ протестѣ безуміе. Маленькій герой „Мѣднаго Всадника“ Евгеній сходитъ съ ума. И тѣснѣйшимъ образомъ связано съ „Мѣднымъ Всадн.“ написанное въ одно время съ нимъ въ Болдинѣ (октябрь 1833 г.) стихотв. „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, являющееся дополненіемъ и поясненіемъ поэмы. Пушкинъ боится мысли о томъ, что его могло бы постигнуть такое бѣдствіе, ибо оно привело бы его за рѣшетку, на цѣпь. Онъ и безъ того, очевидно, узникъ, свободное творчество его стѣснено, и онъ съ мольбою грезить:

„Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.“

Но поэтъ лишень счастья пѣть объ этихъ грезахъ, мечтать о свободѣ. Безуміе, о коемъ говоритъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи, есть безуміе поэта, который желалъ бы пѣть о свободѣ въ Россіи, — поясняетъ Третьякъ (ор. cit., p. 281). И онъ, Пушкинъ, сумѣлъ бы пѣть такъ же, какъ поетъ Мицкевичъ, какъ поютъ свободные поэты, но развѣ онъ можетъ это сдѣлать? Практической разумъ велитъ ему не забывать, гдѣ онъ живетъ, и настраивать лиру свою не согласно своимъ желаніямъ, а сообразуясь съ обстоятельствами. И здѣсь та же мысль, чтó и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“: то же, какъ и тамъ, безуміе, то же отступленіе и безпомощность передъ мощью „каскада тиранніи“.

Мицкевичъ счастливо избѣжалъ этого конфликта. Въ дни невольнаго пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ онъ, „рожденный въ неволѣ, скованный еще въ пеленкахъ“, вынужденно мудро молчалъ, лишь наблюдая русскую дѣйствительность отъ ея верховъ и до низу и не участвуя въ ней активно; но, уѣхавши за границу, въ минуту, когда нельзя было уже молчать, онъ высказался чистосердечно, не боясь упрековъ въ двуличіи, ибо онъ никогда не скрывалъ своихъ чувствъ передъ друзьями, съ голубиной простотой открывая имъ свое сердце; инымъ было его отношеніе къ деспоту, котораго онъ обманывалъ, ползая предъ нимъ, молча, какъ змѣй:

„... Pókim był w okuciach,
Pełzając milczkiem jak wąż, ludziłem despote,
Lecz wam odkryłem tajnie zamknięte w uczuciach
I dla was miałem zawsze gołębią prostotę“.

Пушкинъ не могъ прибѣгнуть къ этому способу поведенія, къ этой утонченной тактикѣ затаеннаго молчанія мудраго змѣя. Онъ весь былъ наружу, даже въ связывавшихъ его узахъ, по существу еще болѣе тягостныхъ, чѣмъ муки и въ изгнаніи внутренне болѣе свободнаго и независимаго въ творческой работѣ Мицкевича.

Все, что пережило поэтъ въ Болдинѣ въ осенніе дни 1833 г., прочитывая строки драгоцѣннаго подарка Соболевскаго и задумываясь надъ тяжкими упреками и подозрѣніями польскаго поэта, вѣроятно, долго волновало его мысль, но не нарушило его душевнаго равновѣсія. Онъ страдалъ много, но про себя. Въ августѣ 1834 г. онъ излилъ наболѣвшія чувства и простился съ великимъ другомъ въ замѣчательномъ величіемъ духа и красотою слова стихотворенія, полнымъ сердечной грусти, кротости и всепрощенія :

„... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питаль онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взираль на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили“...

Невольно чувствуется при чтеніи этихъ стиховъ, что Пушкинъ воспроизводитъ въ нихъ живую рѣчь дружеской бесѣды и дѣйствительные моменты своей жизни.

Очевидно, что здѣсь недостаетъ начала отвѣта Пушкина, что поэтъ какъ-будто не пожелалъ вспоминать объ огорченіи, пережитомъ по прочтеніи обращеннаго къ русскимъ друзьямъ стихотворенія Мицкевича. Съ грустью повторяетъ Пушкинъ слова Мицкевича: „в а ш и ч у ж е з е м н ы я л и ц а“ (wasze cudzoziemskie twarze), сказанныя польскимъ поэтомъ о его московскихъ и петербургскихъ друзьяхъ, и сожалѣетъ, что всѣ они были для Мицкевича „чужимъ племенемъ“, а не родственнымъ, близкимъ, если ужъ не братскимъ. Реплика Мицкевичу была элегіей, полной задушевныхъ воспоминаній о прекрасномъ невозвратномъ прошломъ, когда лучшіе люди съ обѣихъ сторонъ полагали основанія сближенію двухъ славянскихъ народовъ и вѣрили въ приходъ его, въ его возможное осуществленіе. Съ чужихъ словъ, конечно, П. П. Дубровскій (Отеч. Зап., 1858, сент., стр. 39) свидѣтельствуешь,

что мысль о той далекой эпохѣ вождельной любви, которая нѣкогда должна связать народы въ единую семью, выражена была Мицкевичемъ въ его рѣчи на французскомъ языкѣ, которую онъ однажды импровизировалъ въ дружескомъ кругу русскихъ литераторовъ въ Петербургѣ. Мицкевичъ, какъ онъ изображенъ Пушкинымъ, срисованъ съ натуры. Анненковъ подтверждаетъ, что всѣ подробности этого стихотворенія отражаютъ дѣйствительность.

Изъ словъ: „Мирный, благосклонный, онъ посѣщалъ бесѣды наши...“, бесѣды, въ коихъ друзья мечтали „о временахъ грядущихъ“, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, польскій комментаторъ этого отрывка (Ruch liter., 1927, 43) дѣлаетъ свободное предположеніе, что Мицкевичъ въ острыхъ спорахъ мирилъ антагонистовъ, своихъ русскихъ друзей, и въ то же время выдвигалъ свою идеологию славянскаго объединенія, болѣе широкую и возвышенную, чѣмъ частичныя концепціи спорившихъ. Польскій поэтъ будто бы излагалъ свои мысли о будущей федераціи свободныхъ и независимыхъ славянскихъ племенъ, но эта идея въ русскомъ обществѣ получила уже раньше свои начала, свою достаточно ясную формулировку, смѣлое выраженіе и развитіе. Этого не слѣдуетъ забывать.

Стихотв. Пушкина напечатано было въ посмертномъ изданіи 1838 г. въ редакціи Жуковскаго. Печатный текстъ значительно отличается отъ рукописнаго (Исторію текста далъ М. Л. Гофманъ въ изд. Пушкинъ и его соврем., XXXIII—XXXIV, стр. 367—371. Ср. возраженія Гофману Ледницкаго, Puszkín, p. 194 и сл.). Чтеніе Жуковскаго, какъ оказывается, значительно строже отзывается о Мицкевичѣ, чѣмъ чтеніе чистоваго автографа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинала Пушкинъ былъ мягче: въ печатномъ текстѣ „угодникъ черни буйной“ поетъ ненависть въ своихъ стихахъ; въ рукописи (и въ черновой и въ чистой) польскій поэтъ „въ угоду черни буйной“ (что не совсѣмъ одно и то же) ядомъ напоетъ свои стихи; повидимому, и вмѣсто „озлобленная душа“ Пушкинъ имѣлъ намѣреніе выразиться: „незлюбивая“. Только въ послѣднихъ строкахъ Пушкинъ какъ будто вспоминаетъ о прочитанномъ „Отрывкѣ“ (Ustępie), о гнѣвныхъ стихахъ нѣкоторыхъ частей его, о безотрадныхъ, леденящихъ душу картинахъ русской жизни, о томъ каскадѣ тиранній, которую яко бы наполнена новая русская исторія. Едва ли можно отвергнуть предположеніе, что именно эти стихотворенія, составляющія „Отрывокъ“ (Ustęp), поэтъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ о Мицкевичѣ: „Издалека знакомый голось злобнаго поэта доходитъ къ намъ!“

Пушкинъ, говорятъ намъ (Tretiak, op. c., 300), не оправдался передъ Мицкевичемъ въ тѣхъ упрекахъ или подозрѣніяхъ, которые высказалъ его польскій другъ въ стихотвореніи: „Къ друзьямъ москалямъ“. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ и въ стихотв. „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ онъ оправдывалъ свое пассивное отношеніе къ деспотизму сокрушающею мощью послѣдняго, признаваясь, такимъ образомъ, въ своемъ безсиліи бороться съ нимъ, но ни въ одномъ изъ нихъ, по мнѣнію Третьяка, онъ не очистилъ себя отъ обвиненія самаго тяжкаго, которое

умышленно или бессознательно бросил Мицкевичъ, а именно — что продажнымъ перомъ (płatnym językiem) онъ возславилъ торжество царя надъ народомъ, борющимся за свободу и пораженнымъ въ борьбѣ за эту свободу

Нѣтъ спора, — говоритъ польскій ученый, — трудно требовать отъ Пушкина, чтобы онъ на польское возстаніе смотрѣлъ очами польскаго поэта; легко простить, что польскія притязанія относительно границъ независимой Польши русскій поэтъ считалъ преувеличенными; легко понять, что нельзя же было русскому поэту радоваться поражению русской арміи; что конфликтъ слѣпого національнаго эгоизма съ чувствомъ справедливости могъ привести его въ скорбное настроеніе. Но польскій критикъ, высказавши такія чистыя признанія и найдя столько вѣскихъ мотивовъ для оправданія Пушкина, желалъ бы, чтобы величайшій русскій поэтъ и другъ Мицкевича удержался по крайней мѣрѣ на той высотѣ, съ какой взирали на возстаніе менѣе выдающіеся поэты той же эпохи, какъ, напр., Тютчевъ и Хомяковъ, проклявшіе братоубійственную войну. Третякъ упустилъ однако изъ виду, что и Тютчевъ, и Хомяковъ, и многіе другіе, сочувственно къ полякамъ настроенные русскіе писатели, въ одинаковой мѣрѣ, хотя и въ различное время, считали первопричиною неразрѣшимости или трудной разрѣшимости тяжелаго семейнаго спора, прежде всего, территоріальныя притязанія поляковъ, такъ наз. историческія права Польши. Необходимо еще разъ подчеркнуть, что Пушкинъ по существу меньше всего славословилъ побѣду, что онъ главнымъ образомъ обращалъ свой голосъ противъ вмѣшательства чужеземцевъ („Клеветникамъ Россіи“) и дальновидно, съ поразительною ясностью подчеркнул важность такого рѣшенія спора, при которомъ не были бы нарушены національныя права Россіи („Бородинская годовщина“).

На упреки и вопросы Мицкевича онъ не отвѣтилъ сразу и немедленно и поступилъ осторожно, мудро и тактично, — отвѣтъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, въ моментъ раздраженія нанесенною обидою, могъ бы получиться нежеланный, а Пушкинъ глубоко уважалъ и любилъ („мы его любили“) своего недолговременнаго друга. Онъ проявилъ нравственную выдержку, хотя рѣзкое выступленіе Мицкевича должно было глубоко огорчить его. „Огнь поэзіи священный“ примирилъ его и съ острымъ укоромъ польскаго генія.

Мицкевичъ въ тѣхъ собраніяхъ, въ коихъ въ Петербургѣ и Москвѣ онъ и русскіе друзья его дѣлились и чистыми мечтами и пѣснями, въ поэтическіе бесѣдахъ о временахъ грядущихъ, когда народы забудутъ старыя распри и соединятся въ одну семью, могъ узнать, конечно, истинное настроеніе и подлинныя взгляды того круга, въ коемъ онъ вращался (Погодинъ, Хомяковъ, С. Т. Аксаковъ, И. В. Кирѣевскій, Веневитиновъ, Боратынскій, Венелинъ и др.); онъ могъ убѣдиться, что всѣ его знакомые и друзья серьезно и искренно мечтали о славянскомъ единеніи, мирѣ и братствѣ, что идея эта не угасала въ русскомъ передовомъ обществѣ, несмотря на гибель ея глашатаевъ-декабристовъ, —

и у него должно было сложиться вполне определенное представление о тѣх формахъ и основахъ, на которыхъ думали строить новыя между-славянскія отношенія его русскіе друзья, хотя бы, напримѣръ, декабристы. Мицкевичъ именно объ этомъ согласіи и братствѣ народовъ мечталъ постоянно, и его каведра въ Collège de France была, по его собственному заявленію, „эмблематическимъ ковчегомъ будущаго соединенія славянскихъ народовъ“. Поэтому, выливая на міръ чашу яда (Do przujació! Moskali), который долженъ жечь оковы его русскихъ друзей, поэтъ вмѣсто стиха, въ коемъ говорится „о разѣдающей и палящей горечи его словъ“ (Zraça jest i pałaca mojej gorycz towy), имѣлъ иной, болѣе мягкій и высокій вариантъ: „Dla zgody ludów stawiam ten kielich godowy“, т. е. поднимаю эту пиршественную чашу во имя согласія народовъ (R. Blüth, Ruch liter., 1927, № 2, стр. 44), и этотъ стихъ болѣе отвѣчалъ бы истинному настроенію поэта. Выше мы видѣли, что такъ же мучился и Пушкинъ подысканіемъ наиболѣе отвѣчающихъ его мыслямъ словъ.

Пушкинъ напомнилъ въ обращеніи къ Мицкевичу объ общемъ стремленіи къ миру и согласію, о чистыхъ мечтахъ русскихъ друзей поэта и его самого. Мицкевичъ живо вспомнилъ бы и собранія и высокія рѣчи ихъ участниковъ, читая эти стихи. И Пушкину не въ чемъ было оправдываться передъ другомъ, съ которымъ онъ простился такъ сердечно, нѣжно и тепло, пожалѣвъ только, что гнѣвные стихи его проникнуты ненавистью. Онъ, несомнѣнно, читалъ ихъ и субъективно могъ, конечно, воспринять ихъ, какъ личную обиду себѣ. Теперь онъ лишній разъ могъ съ горечью вспомнить о дружбѣ, вообще не впервые заплатившей ему обидой „за жаръ души довѣрчивой и нѣжной“ (1835 г.).

Ничто однако въ личныхъ отношеніяхъ друзей не измѣнилось. Пушкинъ помнить всегда о польскомъ поэтѣ, при случаѣ справляется о немъ и даже на балу въ Аничковскомъ дворцѣ заводитъ разговоръ съ камергеромъ полякомъ А. О. Лѣнскимъ о Мицкевичѣ и о Польшѣ (Дневникъ Пушкина, 18 декабря 1834 г.). Русское общество продолжало связывать съ именемъ Мицкевича тѣ отрадные воспоминанія и хранить въ памяти неизмѣнно тѣ высокія, привлекательныя черты характера его, о которыхъ говоритъ Пушкинъ.

Послѣ трагической смерти русскаго поэта распространился въ кругахъ друзей его фантастическій, но чрезвычайно показательный слухъ, что Мицкевичъ рѣшилъ вызвать на дуэль Дантеса и даже будто бы объявилъ о своемъ намѣреніи въ французскихъ газетахъ. Со словъ А. И. Тургенева объ этомъ записалъ 13 марта въ своемъ дневникѣ В. А. Мухановъ. Самъ Тургеневъ 20 марта 1837 г. писалъ изъ Петербурга другу своему А. Я. Булгакову, московскому почтъ-директору: „Кажется, вѣрно, что Мицкевичъ вызывалъ письмомъ Дантеса на дуэль“. Слуху хотѣли вѣрить, какъ трогательно проявленію высокаго благородства польскаго поэта, и уже въ совершенно категорической формѣ его повторилъ вскорѣ Хомяковъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову (14 апрѣля): „Мицкевичъ вызвалъ Дантеса на дуэль“ (См. Московскій

Пушкинистъ, I. Никитинскіе субботники, стр. 40, 66; ср. P. Ettinger, Mickiewicz a Rosja. I. Mickiewicz — mściciel Puszkina, Wiadom. Liter., 1928, № 6; дополнит. замѣтка *ibid.*, 1928, № 9, письмо А. Елагина). А. А. Елагинъ шель еще дальше и сообщалъ въ письмѣ къ матери нѣкоторыя подробности, что Мицкевичъ прислалъ Дантесу „картель“, при этомъ будто бы писалъ ему, что считаетъ себя обязаннымъ драться съ убійцею Пушкина, своего перваго друга, что если онъ не трусь, то поэтъ явится къ нему въ Парижъ. „Письмо напечатано въ иностранныхъ журналахъ, и убійца уже ѣдетъ въ Парижъ. Передъ глазами всей Европы нельзя было ему никоимъ образомъ отказаться отъ дуэли“, увѣренно заканчивалъ Елагинъ свое письмо (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, СПб., 1927, стр. 264; Русск. Арх., 1905, кн. 11, стр. 607). Для характеристики неизмѣнно добраго отношенія русскихъ друзей Мицкевича къ поэту и къ памяти его интересно напомнить, что много лѣтъ спустя, въ августѣ 1857 г. кн. Вяземскій, какъ товарищъ министра народнаго просв., ходатайствовалъ передъ государемъ о признаніи за наслѣдниками польскаго поэта правъ литературной собственности въ Ц. Польскомъ (Дѣло Канц. Министра, 21 авг. 1857 г., № 1390. Объ отношеніи Вяземскаго къ полякамъ и Мицкевичу см. Спасовича, Сочиненія, VIII).

Когда два года спустя послѣ смерти Пушкина Погодинъ, совершавшій вторую заграничную (1839 г.) поѣздку, пріѣхалъ 4-го іюня въ Парижъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ, тоже давнимъ знакомымъ Мицкевича, особенно сблизившимся съ нимъ въ Римѣ, то оба они сочли долгомъ посѣтить поэта, жившаго въ отдаленной части города, за Palais de Luxembourg. Мицкевичъ встрѣтилъ московскихъ друзей чрезвычайно привѣтливо и удивился, какъ они нисколько не перемѣнились, очевидно, имѣя въ виду ихъ внѣшній обликъ. На это Погодинъ ему сказалъ: „Да, мы не перемѣнились, а зачѣмъ же вы перемѣнились?“ Онъ намекалъ, понятно, на ту внутреннюю перемѣну, совершившуюся въ польскомъ другѣ, о которой скорбѣлъ Пушкинъ въ знакомомъ, конечно, всѣмъ тремъ собесѣдникамъ стихотвореніи.

Уже въ Римѣ Погодинъ узналъ отъ кн. З. А. Волконской, что Мицкевичъ „раскаивается“. Погодинъ не договариваетъ, въ чемъ раскаивался польскій другъ его, но, судя по дальнѣйшимъ строкамъ, это раскаяніе касалось его отношенія къ Россіи. Погодинъ пожелалъ лично въ этомъ убѣдиться при свиданіи, въ бесѣдѣ съ поэтомъ. Объ этой встрѣчѣ онъ писалъ: „Ахъ, какъ бы я желалъ броситься къ нему на шею и сказать ему, чтобъ онъ предался великодушію Русскаго Государя, но не могъ выговорить и рѣшился въ умѣ написать когда-нибудь къ нему письмо въ защиту русской исторіи передъ польскою и доказать ему необходимость соединенія Польши съ Россіей“ (Барсуковъ, ор. с., V, стр. 279). Но этого письма онъ никогда не написалъ. Русскій историкъ, такимъ образомъ, собирался повторить бесѣду на ту тему о примиреніи и соединеніи славянъ, которая бывала предметомъ дружескихъ дебатовъ при участіи Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, которая давно увлекала поэта и тревожила до конца дней.

Въ 1854 г., подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ извѣстія о выступленіи Мицкевича въ рядахъ турецкой арміи, Погодинъ (Польскій вопросъ. 1831—1867. М., 1867, стр. 43: Посланіе къ полякамъ), какъ старый служитель исторіи, „душою Русскій и Славянинъ“, вновь заговорилъ на тему онеобходимости примиренія русскихъ и поляковъ, вновь звалъ поляковъ на Востокъ, убѣжденный въ томъ, что только на Востокъ можетъ загорѣться для нихъ звѣзда спасенія. Онъ признавалъ, что въ взаимномъ спорѣ вины были на обѣихъ сторонахъ, такъ какъ обѣ стороны находились попеременно въ счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ... „Вы завоевали у насъ прежде всю страну почти до Москвы, — мы возвратили ваше завоеваніе и пошли далѣе. Явленія обыкновенныя въ исторіи всѣхъ смежныхъ государствъ!“ Погодину, повидимому, не были тогда извѣстны Записка (Nota) Мицкевича о положеніи г. Риги, представленная Наполеону III въ 1854 г., и латинская ода на взятіе Бомарсунда (Ad Napolionem III. Ode in Bomarsundum captum), которыя еще болѣе могли бы удручить его славянское сердце.

Въ пламенныхъ бесѣдахъ Пушкина и Мицкевича, Погодина и большой группы русскихъ славянофиловъ, писателей и ученыхъ, говорили много и честно, смѣло и откровенно о томъ, что волновало и мучило обѣ стороны, и сердечно желали найти пути и средства для разрѣшенія великой славянской проблемы.

* * *

Одновременно съ Пушкинымъ откликнулись на польскія событія Тютчевъ и Хомяковъ. Ихъ отклики обыкновенно сравниваются съ стихотв. Пушкина, и всегда выводы изъ сравненія получаются для него неблагоприятные. Между тѣмъ, по существу взгляды всѣхъ трехъ поэтовъ на первопричину и суть русско-польской распри не расходятся.

Ө. И. Тютчевъ (род. въ 1803 г.) былъ нѣсколькими годами моложе Пушкина. Съ юныхъ лѣтъ (съ 1822 г.) онъ служилъ за границей и пережилъ непосредственно революціонныя вспышки тридцатаго года на Западѣ. Отвергая первоначально всякіе вообще революціонные замыслы и въ частности осудивъ декабристовъ („О, жертвы мысли безразсудной!“), онъ подъ впечатлѣніемъ событий 1830 года измѣняетъ это отношеніе къ революціи. Мы видѣли, что Пушкинъ отрицалъ революцію въ принципѣ, будучи сторонникомъ мирныхъ путей прогресса. Для Тютчева въ самой сущности ея, въ ея глубинныхъ нѣдрахъ таилось нѣчто, глубоко его привлекавшее. Схваченная внѣ ея текущихъ и временныхъ проявленій, революція въ своемъ метафизическомъ планѣ соотвѣтствовала какой-то коренной сущности его души и полнымъ тономъ отвѣчала на ея завѣтнѣйшіе вопросы (Л. Гроссманъ, Три современника, стр. 30). Зрѣлый взглядъ свой онъ высказалъ при первомъ случаѣ съ изумительною смѣлостью и прямою.

Къ польскому возстанію 1831 г. Тютчевъ отнесся уже съ безспорнымъ сочувствіемъ, какъ къ радостному предвѣстію, и въ стихотвореніи

„На взятіе Варшавы“, глубоко потрясенный послѣднимъ актомъ кроваваго спора, онъ излилъ свою печаль о страданіяхъ Польши. Защищая свершеніе того, что представлялось ему однако исторической необходимостью, онъ оплакиваетъ роковой ударъ, нанесенный „горестной Варшавѣ“, и, не ликуя, а съ отчаяніемъ Агамемнона, несущаго богамъ „дочь родную на закланіе“, обращается къ истекающей кровью Польшѣ съ словомъ утѣшенія:

„Ты палъ, орель одноплеменный,
На очистительный костеръ!“

Польскій орель, пронзенный братскою стрѣлою, принесенъ въ жертву во имя сохраненія мира и цѣлости государства („Да купимъ сей цѣной кровавой Россіи цѣлость и покой“), для того, чтобы „Славянь родныя поколѣнья подъ знамя русское собрать и вестъ на подвигъ просвѣщенія единомысленную рать“, чтобы соединить въ единомысліи славянскихъ братьевъ, и пепель этой жертвы будетъ залогомъ грядущаго радостнаго объединенія и общей свободы, общаго счастья. Поэтъ даетъ клятву отъ имени русскаго народа:

„Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепль мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!“

Тютчевъ страстно желаетъ примиренія Польши съ Россіей, — онъ считаетъ это примиреніе необходимымъ, какъ основу, какъ *conditio sine qua non* общаго славянскаго умиротворенія и устроенія:

„Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вождельный водворится,
Какъ съ Русью Польша примирится.“

А „помирятся эти двѣ“, по его убѣжденію,

„Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...“

Съ Москвою и Петербургомъ въ исторіи взаимоотношеній Руси и Польши связано было много тягостныхъ воспоминаній, и Тютчевъ не питаетъ довѣрія къ обѣимъ столицамъ. Впрочемъ, его сложная мысль въ подробномъ развитіи насъ въ данный моментъ не занимаетъ.

Пушкинъ былъ прямолинейнѣе и реальнѣе смотрѣлъ на разыгравшуюся на его глазахъ трагедію: онъ, быть можетъ, нѣсколько холодно и сухо отнесся къ ней, поставивъ просто и рѣзко, безъ лишннихъ словъ тотъ же вопросъ о сохраненіи цѣлости государства, о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, объ объединеніи свободнаго Славянства подъ главенствомъ Россіи. Тютчевъ оплакиваетъ польскую жертву, оказавшуюся необходимою для осуществленія той же идеи цѣлости Россіи и единства Славянь. Русско-польская война есть не

только борьба за независимость Польши, но и борьба России за ее целостность, за ее существование.

Увы, Тютчеву пришлось пережить горечь тягчайшего разочарования в своих славянских надеждах и мечтаниях. Когда через тридцать два года (в 1863 г.) Польша возстала вновь, поэту, взволнованный и потрясенный общей ненавистью к России, всемирным кличем к „неистовой борьбе“, увидевший слепое сочувствие к возставшим и угрозы его родине, страшнущаясь себя кошмарный сон и призывала Россию к твердости, мужеству и одолжению:

„Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ...“

О, край родной! — такого ополченья
Миръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!“

Тяжелые страдания причинило возстание Польши и сердцу другого поэта-славянофила. А. С. Хомяковъ осудилъ обѣ воевавшія стороны и предалъ проклятію братоубійственную усобицу, бессмысленный позоръ старой, в поколѣніяхъ прочно живущей, традиціонной вражды в извѣстномъ стихотвореніи „Ода (На польскій мятежъ)“, относящемся къ самому началу польскаго возстанія в 1830 г.:

„Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды бессмысленной позоръ.
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!“

Объ этой неисцѣлимой или, по крайней мѣрѣ, не залѣчивавшейся в течение первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. ранѣ съ скорбнымъ чувствомъ вспомнилъ Мицкевичъ в первой лекціи в Парижѣ, 22 декабря 1840 г., в поэтически набросанной яркой картинѣ неутомимаго состязанія польскаго орла съ русскимъ, начиная съ постояннаго участія поляковъ в походахъ Наполеона и кончая послѣднимъ возстаніемъ. Не углубляясь в минувшіе вѣка этого историческаго соперничества и кровавой борьбы, Мицкевичъ изобразилъ только времена ближайшія, когда одну славянскую армію, русскую, видѣли на всѣхъ поляхъ битвъ, во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Эта армія повсюду, куда ни направляла она стопы свои, встрѣчала другую славянскую ар-

мію, польскую, которая, какъ мстительная тѣнь, появлялась изъ-подъ земли, вставала передъ нею въ Италіи, шла за нею потомъ отъ Нѣмана до Москвы, преграждала ей дорогу у Березины и подъ стѣнами Парижа; когда же кумиръ вѣка палъ, когда все успокоилось, она, какъ полчище, свалившееся съ облаковъ, нападаетъ на врага въ тихихъ обиталищахъ, начинается ужасную борьбу, наполняетъ міръ шумомъ, потрясаетъ братскіе и чужіе народы, воспламеняетъ ихъ чувства горячей ненависти, но еще большей симпатіи къ себѣ, наконецъ исчезаетъ, оставляя по себѣ долгое эхо страданій и славы. Всюду орелъ имперіи Россійской встрѣчался съ орломъ Польши, постоянно послѣ русскаго ура раздавался военный кличъ поляковъ, и если мы обратимъ слухъ нашъ къ прошлому, то многократно повторится намъ эхо этой борьбы, взаимныхъ нападений, вѣчнаго преслѣдованія, которое одинъ русскій поэтъ называлъ *Эиваидой безъ конца*. И для Мицкевича и для русскаго поэта (кн. Вяземскаго) эта *Эиваида*, это взаимное истребленіе братскихъ народовъ было явленіемъ печальнымъ, и къ устраненію этого славянскаго бѣдствія должны были направляться общія усилія.

Въ тяжелыя минуты изгнанничества, въ дни душевныхъ мукъ и тяжелыхъ думъ о будущемъ своей отчизны, Мицкевичъ невольно возвращался къ этой безконечной славянской трагедіи. Ему хотѣлось вѣрить, что устраненіе взаимной распри и вражды и устроеніе новой лучшей жизни двухъ сосѣднихъ родственныхъ народовъ вполне осуществимо. Путей къ этому миру должны были искать обѣ стороны, и иного выхода не было. Мы можемъ отмѣтить наканунѣ тѣхъ роковыхъ событій, которыя вновь и надолго углубили пропасть между поляками и русскими, два если не значительныхъ, то во всякомъ случаѣ знаменательныхъ факта, свидѣтельствующихъ о такомъ стремленіи одной стороны.

Жуковский въ 1829 г. представилъ Государю записку о томъ, что для вел. кн. Александра Николаевича „настало время имѣть при себѣ человѣка, знающаго хорошо польскій языкъ, польскую литературу и вообще Польшу“. Онъ писалъ объ этомъ съ большимъ расположеніемъ къ Польшѣ, убѣжденный въ великомъ значеніи своего плана: „Дѣло важное. Будущаго царя Польши надобно познакомить съ Польшею и заставить полюбить ее; надобно, чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣждений, безъ односторонности; надобно, чтобы онъ узналъ, чтó она теперь, чего ей недостаетъ, чтó ей имѣть можно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугою союза“.

Обученіе наслѣдника русскаго престола польскому языку, какъ радостное славянское знаменіе, привѣтствовалъ львовскій полякъ, большой чехофилъ Адамъ Юноша Росцишевскій въ письмѣ къ Ганкѣ 19-го апрѣля 1830 г. Онъ писалъ ему: „Въ нашей львовской газетѣ *Rozmaitości* № 16 с. г. я прочелъ отрадное сообщеніе, что выходящая въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газета *Tygodnik* съ нѣкотораго времени

принадлежить къ числу журналовъ, предназначенныхъ для чтенія на слѣдникомъ престола, который говорить по-польски. . . Слѣдуетъ надѣяться, что всѣ славянскіе языки найдутъ въ немъ сильную поддержку, что онъ ихъ возвыситъ и распространитъ“.

Въ это же время имп. Николай I заявилъ о своемъ расположеніи къ польскому народу, уваженію къ его историческимъ героямъ, о стремленіи способствовать сближенію обоихъ народовъ. Будемъ вѣрять искренности его словъ и намѣреній въ этотъ моментъ. Послѣ взятія русскими войсками Варны (въ 1828 г.), въ рескриптѣ на имя гр. Воронцова онъ высказалъ желаніе почтить память своего „предшественника“ на польскомъ тронѣ и въ освободительной борьбѣ съ турками, короля Владислава III, т. н. Варненчика, погибшаго подъ Варной въ 1444 г. Съ этою цѣлью онъ предписалъ отправить въ Варшаву для постановки памятника „мужественному сыну Ягайла“ двѣнадцать орудій изъ взятыхъ въ Варнѣ въ распоряженіе Константина Павловича. Онъ писалъ брату о своемъ намѣреніи: „Я жалуя Варшавѣ двѣнадцать орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другого польскаго короля. Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій разума. Быть можетъ, подаренныя пушки покажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами“ (Н. Шильдеръ, Имп. Николай I и Вост. вопросъ. Русск. Стар., 1901, янв., стр. 41—42). Слова эти остались, къ сожалѣнію, только словами, а мысль о памятникѣ пришла въ забвеніе. Историческія ближайшія событія разбили и самый проектъ памятника и мечты о сближеніи и мирѣ.

Съ другой стороны былъ сдѣланъ геройскій и, несомнѣнно, искренній шагъ нѣсколько позже. Мы имѣемъ исторически-значительное письмо друга Мицкевича Андрея Товяньскаго (отъ 15 августа 1844 г.) къ имп. Николаю I, написанное подъ отвѣтственностью поэта, освященное его авторитетомъ и содержащее обращеніе Польши къ Россіи, не какъ къ исконному врагу, а какъ къ славянскому народу, убивающему духъ свой извѣчнымъ своимъ отношеніемъ къ Польшѣ. Обращеніе воистину знаменательное. Шагъ къ примиренію былъ сдѣланъ.

Объ умиротвореніи Славянъ, прежде всего поляковъ и русскихъ, о согласіи ихъ и соединеніи всѣхъ въ дружномъ полетѣ къ одной великой цѣли, но непременно съ старшимъ „Сѣвернымъ Орломъ“ во главѣ, думаютъ одинаково и Хомяковъ и Тютчевъ. Но неожиданно ода Хомякова, имѣвшая въ заголовкѣ, какъ оберегавшее отъ покушеній цензуры motto : „Прошу васъ поляковъ не ненавидѣть“, слова имп. Николая, не была разрѣшена, „какъ относящаяся къ перемѣнамъ въ Царствѣ Польскомъ“. Мотивировка цензурнаго запрещенія выражена недостаточно ясно; повидимому, признавалось одинаково нежелательнымъ и прикасаться къ сочившейся кровью ранѣ и возбуждать несбыточные надежды на какую-то славянскую федерацію, ибо, какъ извѣстно, мысль о соединеніи славянъ считалась самимъ государемъ преступною (См.

Пушкинъ и его соврем., XXIX-XXX, 1918, стр. 128—130. Литературныя дѣла архива Ценз. Комитета. А. И. Егоркина и И. А. Шляпкина. Дѣло о стихотв. Хомякова начато 30 декабря 1830 г., кончено 23 января 1831 г. Судя по помѣткѣ карандашомъ: „№ 144 Сѣв. Пч.“, стихотвореніе предназначалось для этой газеты).

Еще ярче эта мысль о руководящемъ призваніи „Орла Полночи“ выражена въ знаменитомъ стихотв. Хомякова „Орель“. Здѣсь нѣтъ рѣчи о полякахъ и оплаканной имъ преступной русско-польской уособицѣ. Кровавый споръ кончился, поэтъ предаль его проклятію и къ больной темѣ уже не хочетъ возвращаться (въ 1832 г.). Но онъ ни на минуту не поколебался высказать свое отношеніе къ тѣмъ историческимъ польскимъ притязаніямъ, которыя столь рѣшительно отвергъ и Пушкинъ. Вспомнимъ стихотв. „Кіевъ“ (1839 г.), обнимающее цѣлую политическую программу Хомякова, изумительнымъ образомъ также подвергнушуюся гоненію цензуры, но совершенно совпадающую съ извѣстными намъ взглядами нашихъ историковъ Карамзина и Погодина.

Поэтъ собираетъ у кіевскихъ святынь „полкъ молящихся дѣтей“, сыновей разныхъ концовъ Руси, но, озираясь вокругъ и не видя всѣхъ ихъ въ сборѣ, скорбно вопрошаетъ :

„Братцы, гдѣ жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?“

Поэтъ даетъ отвѣтъ для его русскаго сердца горестный, напоминающій о мрачныхъ страницахъ исторіи Западной Руси, на которыхъ какъ-то остановился и Пушкинъ :

„Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.
Мечь и лесь, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими править чуждый гласъ!“

Кіевъ, колыбель русской славы, долженъ вновь проснуться и созвать отторженныхъ дѣтей на свое святое лоно, въ свой родительскій пріютъ. „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью“, писалъ Хомяковъ М. А. Максимовичу, для сборника коего онъ эти стихи написалъ. Скорбь поэта о дѣтяхъ, нѣкогда отторженныхъ унией отъ православной церкви и нынѣ возвратившихся на лоно ея національно сильно обезличившимися (1839), сочеталась въ этомъ стихотвореніи съ мыслью о тѣснѣйшемъ не только духовномъ сляніи ихъ въ общей старой вѣрѣ, въ отчемъ домѣ съ остальными сынами Руси, но и о необходимомъ прочномъ ихъ объединеніи подъ русскимъ національнымъ знаменемъ. Вопросъ о западныхъ національныхъ рубежахъ, о „строѣ твердынь“ русскихъ и о ихъ прочной установкѣ раньше и съ большею ясностью и рѣшительностью былъ поставленъ Пушкинымъ въ „Бородинской годовщинѣ“. Теперь къ нему пришелъ и Хомяковъ.

Позже других могъ откликнуться на событія 1831 г. декабристъ кн. А. И. Одоевскій, въ далекой Сибири сблизившійся съ ссыльнымъ полякомъ Адольфомъ Янушкевичемъ и не перестававшій интересоваться вопросомъ объ устроеніи русско-польскихъ взаимоотношеній, занимавшихъ у декабристовъ въ ихъ программахъ будущаго преобразования Россіи столь видное мѣсто. Подробности о ноябрьской вспышкѣ въ Варшавѣ, о томъ, какъ польская молодежь молитвенно помянула его казенныхъ друзей, онъ могъ узнать только отъ ссыльныхъ поляковъ, участниковъ событій 1830—1831 гг. Онъ встрѣтилъ извѣстіе о польскомъ возстаніи съ чувствомъ прежняго, общаго декабристамъ живого участія въ судьбахъ Польши:

„Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ,
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны —
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились...
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!
И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ!
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, пролившихъ лучъ святой
Въ спасенье русскому народу“...

Для Одоевскаго возстаніе поляковъ было тоже предвѣстіемъ освобожденія, но не только одной Польши, — оно сулило спасеніе и русскому народу. Къ этому освобожденію стремились одинаково и декабристы и возставшіе подъ знаменемъ „за вашу и нашу свободу“ поляки. Однако, и Одоевскій представлялъ себѣ освобожденіе лишь средствомъ къ достиженію такого объединенія обоихъ народовъ, въ которомъ первенствующая роль должна принадлежать Россіи. Какъ Хомяковъ поэтически рисовалъ согласный полетъ славянскихъ орловъ во главѣ съ „Орломъ Сѣвернымъ“, такъ Одоевскій мечтаетъ о дружномъ славянскомъ хороводѣ, со старшей сестрой единой семьи славянской впереди его. Слѣдуетъ признать, что по существу мечта обоихъ поэтовъ была одна и та же, и Пушкинъ съ ними въ основной части ихъ мысли всецѣло совпадаетъ, когда ставитъ вопросъ о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ во имя общаго славянскаго блага объединенія. Необходимо глубже вникнуть во внутреннее значеніе вопроса и отрѣшиться отъ той формы, въ которую онъ былъ облеченъ. Теперь вѣдь Пушкинъ передъ нами не участникъ прежняго мирнаго обсужденія въ дружескомъ кругу темы о грядущемъ братствѣ народовъ, о соединеніи ихъ въ единой семьѣ, а выразитель охватившаго общество негодованія, оскорбленный рѣчами французскихъ депутатовъ, угрожающихъ Россіи, вторгающихся въ споръ внутренній и давній, который сосѣди и братья могутъ и должны рѣшить полюбовно. Если вѣра ихъ на время пошатнулась отъ пережитыхъ испытаній, то это не значитъ, что они отказываются навсегда отъ мысли примиренія и согласія. Славянская идея живетъ и не прерывается.

Естественно было бы ожидать, что оба стихотворения: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, привлекутъ преимущественное вниманіе польскихъ литературныхъ критиковъ, найдутъ откликъ въ современной польской литературѣ. Но этого не случилось. Старыхъ откликовъ на нихъ мы не знаемъ; не отозвался на нихъ и Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ (1840—1843), быть можетъ, не желая бередить старыя раны. Только въ значительно болѣе позднее время сдѣланы были попытки подойти ближе къ названнымъ произведеніямъ и дать имъ оцѣнку съ польской точки зрѣнія.

Подробному разбору подвергъ оба стихотв., прежде всего, В. Спасовичъ въ лекціи „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“. Она появилась въ двухъ текстахъ, русскомъ и польскомъ (первый: Сочиненія, т. II, стр. 225; второй: Pamiętnik Tow. im. Mickiewicza, I), въ которыхъ мѣстахъ сильно отличающихся другъ отъ друга; повидимому, изъ уваженія къ русскому литературному міру, къ коему онъ самъ принадлежалъ, авторъ предусмотрительно сдѣлалъ нѣкоторые пропуски и измѣненія въ русскомъ изданіи своей рѣчи.

Сборникъ „На взятіе Варшавы“, изданный въ концѣ 1831 г. и сохранившій три стихотворенія: одно Жуковскаго и два Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, былъ, по мнѣнію Спасовича, истиннымъ выраженіемъ тогдашняго настроенія обоихъ поэтовъ. Къ написанію послѣднихъ двухъ произведеній, говоритъ Спасовичъ, привели Пушкина разнообразныя побужденія: раздраженный патріотизмъ, вспышка этого чувства въ русскомъ обществѣ, солидарность поэтовъ и народа въ этомъ отношеніи съ правительствомъ, которое даже тогда, когда они находились въ либеральной оппозиціи къ нему, не переставало быть для нихъ правительствомъ своимъ, національнымъ; наконецъ, по ничѣмъ не подкрѣпленной догадкѣ Спасовича, тутъ сыгралъ роль и извѣстный расчетъ на то, что такимъ выступленіемъ можно будетъ достигнуть нѣкоторыхъ льготъ, большей свободы для литературы, систематически испытывавшей стѣсненія въ эпоху Николая I. Стихи эти были написаны Пушкинымъ въ первые дни начинавшагося изгнанничества и скитаній побѣжденныхъ поляковъ, и этотъ моментъ особенно учитывается Спасовичемъ при нравственной оцѣнкѣ ихъ.

Спасовичъ признаетъ, что Пушкинъ чрезвычайно бережно, съ большою деликатностью (z wielką delikatnością) касается ранъ поляковъ, но далѣе неожиданно дѣлаетъ поэту нѣсколько незаслуженныхъ упрековъ. Въ истолкованіи отдѣльныхъ мѣстъ стихотвореній онъ допускаетъ при этомъ промахи, которыхъ при болѣе внимательномъ чтеніи долженъ былъ бы избѣгать. Такъ, стихъ: „Мы не сождемъ Варшавы ихъ“ Спасовичъ считаетъ самымъ неподходящимъ въ мірѣ намекомъ (najniestosowniejszą w świecie aluzją) на сожженіе въ 1812 г. Москвы. По его мнѣнію, это — или lapsus calami, простая описка, или, что хуже, — явная несообразность (niedorzeczność), ибо Пушкинъ не разъ съ гор-

достью признавалъ (въ отрывкѣ „Рославлевъ“, одѣ „Наполеонъ“, 19 октября 1831 г. въ годовщину Лицея: „Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу...“), что русскіе сами спалили Москву. Удивительно, что Спасовичъ не вчитался внимательно въ слова Пушкина, совершенно ясно касающагося русско-польскихъ взаимоотношеній въ далекомъ прошломъ. Поэтъ говорить, имѣя въ виду поляковъ:

„Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ,
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ“.

какъ сожгли поляки въ апрѣлѣ 1611 г. Москву, начавъ съ Бѣлаго и Земляного города. Москва, какъ извѣстно, выгорѣла тогда вся какъ разъ передъ приходомъ земской рати кн. Пожарскаго. Пушкинъ, усердно изучавшій эпоху Смутнаго времени, производившій для „Бориса Годунова“ настоящія ученые разысканія, съ привлеченіемъ весьма многихъ источниковъ (Н. А. Котляревскій, Пушкинъ, стр. 181), не могъ сдѣлать того промаха, о которомъ говорить Спасовичъ. И стихъ: „Для васъ безмолвны Кремль и Прага“, обращенный къ французамъ, которые едва ли понимали что-либо въ сути исконной семейной вражды, которымъ ничего не говорили „кровавыя скрижали“ печальныхъ русско-польскихъ взаимоотношеній, имѣетъ такое же значеніе указанія на отдаленное прошлое, на древность спора. Спасовичъ утверждаетъ далѣе, что въ душѣ Пушкина задолго до 1830 г. таились сѣмена тѣхъ чувствъ, которыя онъ излилъ потомъ въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, не замѣчая или не желая замѣтить, что здѣсь меньше всего можно говорить о какихъ-либо злобныхъ чувствахъ поэта по отношенію къ полякамъ, и что не въ этихъ чувствахъ, если и признать ихъ проявленіе, сущность и сила гнѣвнаго стиха поэта. Защищая Пушкина отъ нападковъ кн. Вяземскаго, онъ однако справедливо подчеркиваетъ тотъ безспорный моментъ, что поэтъ и послѣ войны 1831 г., послѣ борьбы и побѣды никогда не переставалъ признавать въ побѣжденныхъ людей близкихъ и родныхъ, что онъ скорбѣлъ объ этой борьбѣ, считалъ эту войну однимъ изъ эпизодовъ той вѣковой семейной вражды, которая должна кончиться когда-нибудь исцѣленіемъ ранъ и примиреніемъ. Удивительно, что при этомъ Спасовичъ (слѣдуемъ здѣсь польскому тексту его рѣчи) все-таки упрекнулъ Пушкина въ отсутствіи безпристрастія и такта, въ особенности въ отношеніи къ врагамъ-полякамъ: „Воспѣвая русскую побѣду, нельзя было не оскорбить знаменъ противника, нельзя было не обрызгать грязью тѣхъ, которые не отдали ихъ Россіи и уносили на груди своей въ изгнаніе окровавленные ихъ полотнища, скорбя о томъ, что сами они остались въ живыхъ и не пали за отечество“. Въ русской редакціи этой рѣчи онъ выпустилъ цѣлую тираду упрековъ Пушкину. „Побѣжденные противники, говорить онъ, не были въ дѣйствительности тѣмъ полкомъ, который „въ прахъ бросаетъ стягъ кровый“. Ради своихъ отношеній къ Мицке-

вичу Пушкинъ могъ бы въ своемъ триумфальномъ гимнѣ пощадить са-
молюбіе поляковъ и не рисовать имъ призракъ Суворова, обагреннаго
братскою кровью въ пражской рѣзнѣ. Безвкусной въ опредѣленіяхъ
и эпитетахъ антитезой, яко бы долженствующей характеризовать обѣ
борющіяся за существованіе стороны, онъ считаетъ выраженія Пуш-
кина „кичливый ляхъ“ и „вѣрный россъ“; возражая противъ эпитета
„кичливый“, являющагося, быть можетъ, только отраженіемъ извѣстнаго
пренебрежительнаго народнаго мнѣнія о полякахъ, Спасовичъ весьма
тонко подчеркиваетъ причины спора и говоритъ о томъ, что обѣ сто-
роны въ одинаковой степени, до трагизма были вѣрны въ этой борьбѣ
своимъ историческимъ принципамъ. Это — весьма важное признаніе,
и совершенно трудно при такой постановкѣ вопроса понять, почему
весь этотъ стихъ Пушкина можетъ служить будто бы убѣдительноѣ-
шимъ указаніемъ, на чьей сторонѣ было превосходство въ кичливости.
Въ дальнѣйшемъ Спасовичъ позволяетъ себѣ со стихами и выраже-
ніями Пушкина совершенно недопустимыя въ толкованіи ихъ извраще-
нія. Мы, — говоритъ онъ, — не имѣемъ къ Пушкину никакой претензіи
за то, что, изображая отечество свое въ видѣ огромнаго дикаго кабана
(w postaci olbrzymiego dzika), сверкающаго стальной щетиной на про-
странствѣ отъ Кремля до неподвижнаго Китая, и справедливо гордясь
тѣмъ, что на пожарщицѣ Москвы русскіе не признали самовластия На-
полеона, сокрушили мощь этого кумира и искупили свободу, честь и
миръ Европы, поэтъ рѣзко и выразительно опредѣлилъ, изъ-за чего
бились противники на поляхъ Грохова и Остроленки въ этомъ смерт-
номъ бою. Борьба велась за политическое бытіе обоихъ. Пушкинъ, въ
самомъ дѣлѣ, безъ колебаній поставилъ открыто и ясно вопросъ: „За
кѣмъ останется Волынь, за кѣмъ наслѣдіе Богдана“ и т. д., безъ коле-
баній формулировалъ въ этихъ стихахъ всю сущность историческаго
спора и заслуживаетъ поэтому, какъ честный противникъ, полного ува-
женія, а не снисходительнаго „мы не имѣемъ претензій...“

Подмѣнивъ картину Пушкина (русская земля сверкаетъ стальною
щетиною штыковъ) своимъ грубымъ измышленіемъ и сравнивъ Россію
съ дикою свиньей, Спасовичъ позволилъ себѣ безцеремонное обра-
щеніе со стихомъ поэта, вольность въ истолкованіи его образовъ и
большое безвкусіе, какъ критикъ. На него, очевидно, повліялъ разсказъ-
анекдотъ о Брюлловѣ, который, яко бы, конечно — въ шутку, выразился,
что слова: „стальною щетиною сверкая“ напоминаютъ ему свинью! Это
оригинальное толкованіе Спасовичъ, къ чести его, посовѣстился под-
нести русскому читателю его литературныхъ очерковъ, сохранивъ его
только въ польскомъ изданіи своего чтенія. Разсматривая оба стихо-
творенія Пушкина, какъ одно цѣлое, и перенося свободно стихи изъ
„Бородинской годовщины“ въ „Клеветникамъ Россіи“, Спасовичъ упре-
каетъ Пушкина, что его вопросы („Что взяли вы? Еще ли россъ—боль-
ной, разслабленный колоссъ? Еще ли сѣверная слава пустая притча,
лживый сонъ? Скажите, скоро ль намъ Варшава предпишетъ гордый
свой законъ?“) въ сущности являются только ловкимъ діалектическимъ

ухищрениемъ (wybiegiem dyalektycznym); что поэтъ, протестуя противъ чужого вмѣшательства, не указываетъ выхода изъ тягостной русско-польской распри (waśni), словно не желаетъ ея рѣшенія на основѣ, приемлею для обоихъ враждующихъ народовъ. Междуплеменная рознь, семейная, хроническая, неизлѣчимая, не поддающаяся даже въ мысляхъ разрѣшенію при помощи взаимнаго искренняго согласія, по необходимости становится вопросомъ внѣшнимъ, касающимся и сосѣдей. Когда братъ,— развиваетъ Спасовичъ свои основанія для чужого вмѣшательства во внутреннее, какъ полагалъ Пушкинъ, славянское семейное дѣло,— одолѣлъ брата и держитъ ногу на выѣ побѣжденнаго, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія установить болѣе достойной *modus vivendi* и угрожая окрикомъ: „не смѣйте вмѣшиваться въ нашъ домашній споръ“, — то такое братство перестаетъ быть братствомъ, становится лишь покровомъ, прикрывающимъ совершенно небратское обхожденіе, ловкимъ средствомъ избавиться отъ вмѣшательства сосѣдей. Обвиненіе по отношенію къ Пушкину несправедливое, ибо поэтъ вѣрилъ искренно въ грядущія времена, когда народы, позабывъ раздоры, соединятся въ одну семью, мечталъ объ этомъ примиреніи такъ же, какъ вѣрилъ въ это радостное будущее и Мицкевичъ, которому эту вѣру въ высокія достиженія человечества Спасовичъ ставитъ въ похвалу, забывая, что то же самое онъ сказалъ о Пушкинѣ.

Статья Спасовича, написанная знатокомъ русской литературы, вызвала неожиданныя глоссы совершенно случайнаго критика Пушкина, краковскаго профессора, извѣстнаго историка польской литературы графа Станислава Тарновскаго. Въ осужденіи Пушкина онъ пошелъ много дальше Спасовича. Его вниманіе привлекъ, прежде всего, извѣстный отзывъ кн. Вяземскаго о стихотвореніяхъ Пушкина, и Вяземскій заслужилъ признательное одобреніе польскаго критика. Онъ становится въ позу строгаго, но весьма шаткаго въ своихъ основаніяхъ моралиста и глубокомысленно и пресерьезно поучаетъ: „Намъ отлично извѣстно, что москаль не можетъ мыслить и чувствовать такъ же, какъ полякъ! Намъ говорили много разъ, и мы убѣдились собственнымъ опытомъ, что людей слѣдуетъ мѣрить мѣрою, употребляемою въ ихъ странѣ и средѣ. Хотя мы и не усвоили еще въ совершенствѣ здравомыслія и разсудительности, которыя сдѣлались столь модными въ концѣ XIX вѣка, однако мы въ этомъ отношеніи уже сдѣлали (за это мы ручаемся) значительные успѣхи. Но все-таки намъ постоянно приходится на мысль, что кромѣ этой временной и мѣстной мѣры, которую мы согласны признать и которою мы стараемся, по возможности, пользоваться, существуетъ еще другая мѣра, абсолютная и неизмѣнная, которую также можно примѣнять къ людямъ и дѣяніямъ, когда приходится судить о ихъ нравственныхъ достоинствахъ и нравственномъ значеніи. Эта мѣра основывается, главнымъ образомъ, на различіи между добромъ и зломъ, между моимъ и твоимъ и ставитъ непремѣннымъ требованіемъ, кромѣ другихъ условій, чтобы дурные поступки отнюдь не смѣшивались съ хорошими, чтобы зло признавалось зломъ, даже

въ томъ случаѣ, если оно наше“. Не смотря на то, что Пушкинъ въ отвѣтъ на стихи Мицкевича „Къ друзьямъ-москалямъ“ откликнулся благороднѣйшимъ по мысли и тону обращеніемъ къ польскому поэту-другу, и не взирая на множество другихъ стихотвореній, достаточно опредѣляющихъ нравственныя воззрѣнія русскаго поэта, гр. Тарновскій тѣмъ не менѣе не соглашается, хотя бы отчасти, приложить указанное имъ высокое мѣрило къ Пушкину. Онъ, нимало не обинуясь, стараясь лишь морально унижить русскаго поэта, утверждаетъ: „Разумѣется, мы не ожидали встрѣтить въ немъ тотъ здравый смыслъ и ту честность, съ какими капитанъ Рыковъ (въ „Panie Tadeuszu“) заявлялъ: „Moskwa dla Moskala, Polska dla Lacha“, но мы полагали, что одинъ, надо думать, изъ глубочайшихъ мыслителей своего народа, поэтъ, уже по самому существу своему обязанный обладать возвышенными чувствами, долженъ былъ бы думать и судить о польскомъ вопросѣ иначе, чѣмъ большинство его соотечественниковъ. Мы были въ правѣ дѣлать такое предположеніе, ибо во всякой другой странѣ, если ужъ не кто иной, такъ несомнѣнно поэтъ почувствовалъ бы, что раздѣлъ Польши былъ безправіемъ, и что управленіе въ ней было самое безсовѣстное и жестокое“. Но Пушкинъ ничего иного и не желалъ, какъ только справедливаго опредѣленія и утвержденія правъ Москвы и Польши, чѣмъ положенъ былъ бы конецъ всѣмъ историческимъ раздорамъ.

Удивительно, что только статья Спасовича, какъ признается гр. Тарновскій, раскрыла ему глаза, объяснила ему истинную моральную цѣнность величайшаго русскаго поэта. Къ сожалѣнію, онъ использовалъ эту статью непозволительнымъ для большого ученаго способомъ. „Все, что г. Спасовичъ сказалъ о Пушкинѣ, все, что онъ изъ Пушкина приводитъ, показало, что Пушкинъ былъ дѣйствительно поэтъ глубоко-національный, совершеннѣйшій выразитель понятій и чувствъ своего народа, которыя онъ всецѣло раздѣлялъ“. Въ этомъ, — желаетъ убѣдить насъ безмѣрно строгій судья поэта, — его великій недостатокъ, тутъ онъ морально столь же ничтоженъ, какъ и его народъ! Польскій ученый уходитъ въ область опасныхъ сравненій и заключаетъ свой отзывъ о Пушкинѣ такимъ, вызывающимъ изумленіе выпадамъ: „Онъ былъ народнымъ поэтомъ въ томъ же смыслѣ, какъ Катковъ былъ народнымъ публицистомъ, и чувства у него были тѣ же, что и у Каткова, съ тою только разницею, что въ его время уровень національной вражды стоялъ нѣсколько ниже“ (Статья гр. Тарновскаго о польскомъ чтеніи Спасовича въ ж. Kwartalnik Histor., 1887; отчетъ о ней: Любопытный отзывъ польскаго критика гр. Тарновскаго о Пушкинѣ, въ Изв. Слав. Благотв. Общ., 1888, мартъ, стр. 170—175).

Тарновскій многого не прощаетъ Пушкину, особенно — мнимой его измѣны убѣжденіямъ, его отношеній къ декабристамъ и Николаю I. Впрочемъ, прикрываясь ссылкой на Спасовича, онъ оговаривается: „Мы не обвиняемъ Пушкина въ подлости и въ холопствѣ, — мы только склонны думать, на основаніи словъ г. Спасовича, что послѣ 14-го декабря поэтъ пережилъ глубокое душевное потрясеніе, подобное тому,

какое выпало на долю героя его „Мѣднаго Всадника“, о которомъ такъ пространно трактуетъ статья Спасовича“. Въ заключеніе онъ не находитъ въ Пушкинѣ даже сколько-нибудь человѣческихъ чувствъ, ибо поэтъ безъ содроганія вспоминаетъ о дѣтяхъ, поднятыхъ на штыки и брошенныхъ въ огонь во время штурма Праги Суворовымъ; онъ не видитъ въ Пушкинѣ и „высокой благородной души“, ибо образъ поэта, какъ начерталъ его въ своемъ чтеніи Спасовичъ, не только не вызываетъ никакихъ симпатій къ поэту, но даже не даетъ возможности, при всемъ желаніи, вызвать въ польскомъ ученомъ уваженіе къ нему. Мѣшаетъ ученому критику въ этомъ его несчастное, но авторитетно высказываемое предубѣжденіе, что въ русскомъ народѣ „все, даже души и характеры поэтовъ, все иное, чѣмъ въ нашемъ (т. е. польскомъ) мірѣ“. Это та самая, знакомая намъ теорія двухъ полярно-противоположныхъ міровъ, та система глубокаго контраста Польши и Россіи, міра добра и свободы и міра рабства и зла, которую выставлялъ уже въ началѣ своихъ чтеній Мицкевичъ, смотрѣвшій на Польшу, какъ на вмѣстилище всѣхъ творческихъ цѣнностей славянской души, и отрицательно относившійся къ Россіи, какъ къ прямой антитезѣ Польши (См. А. Э. Гильфердинга статью: За что борются русскіе съ поляками; ср. Z. Kłagówna, *Słowianofilstwo polskie*, стр. 175, 183 и др.).

Большой ученый признался въ заключеніе, къ стыду своему, что онъ въ сущности не знаетъ сочиненій Пушкина, ибо читалъ изъ нихъ лишь кое-что, да и то въ переводахъ. Весь его выпадъ противъ Пушкина построенъ, такимъ образомъ, исключительно на польской, академически задуманной, но тенденціозно окрашенной лекціи Спасовича, не доведшаго, однако, своихъ разсужденій до тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ какимъ пришелъ гр. Тарновскій.

Онъ нашель, однако, вѣрнаго послѣдователя своихъ поразительныхъ по смѣлости измышленій и хулы на великаго русскаго поэта. Анонимный авторъ брошюры „*Mickiewicz i Puszkina oraz społeczeństwa polskie i rosyjskie*“ (Kraków, 1899), изобилующей политическими экскурсами, выпадами и параллелями изъ эпохи новѣйшихъ русско-польскихъ отношеній, повторяетъ совершенно неосновательное мнѣніе о томъ, что послѣ 1830 г. Пушкинъ яко бы вполнѣ вступаетъ на путь реакціи, и все чаще въ твореніяхъ его будто бы слышится нота шовинизма, все чаще прославляетъ онъ царя и штыкъ. Его неодолимо влечетъ къ себѣ государственная русская идея (*idea państwowo-rosyjska*), культъ Петра, соединившаго азіатскій деспотизмъ съ внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ и на чухонскихъ болотахъ построившаго твердыню этого деспотизма. Эта идея господствуетъ въ умѣ поэта. Культъ дикой силы и щекотаніе хвастливаго шовинизма проявляется въ поэмкахъ его отъ „Полтавы“ до „Мѣднаго всадника“, въ лирикѣ отъ „Стансовъ“ до оды на взятіе Варшавы. По увѣренію анонима, правительство Николая I для возбужденія (*rozgzazania*) московскаго шовинизма готово было прибѣгнуть къ крайнему средству: оно желало вѣрить Пушкину ту роль, которую съ такимъ успѣхомъ во время слѣдующаго возстанія 1863 г. исполнялъ Кат-

ковъ, — роль гонителя (szczwacza) поляковъ и носимыхъ ими либеральныхъ идей. Съ политическимъ памфлетомъ анонима, явившимся въ юбилейный годъ своеобразнымъ знакомъ почитанія геніальнаго русскаго поэта, едва ли слѣдуетъ серьезно считаться, но отмѣтить его надо, какъ одинъ изъ голосовъ судей предвзятыхъ, не ищущихъ разумныхъ и объективныхъ аргументовъ для своихъ сужденій и приговоровъ.

Весьма строго отнесся къ Пушкину и другой польскій ученый проф. І. Третьякъ въ большомъ трудѣ, основанномъ на тщательномъ знакомствѣ съ твореніями Мицкевича и Пушкина (Józef Tretiak, Mickiewicz i Puszkín, Warszawa, 1906). Критикъ хочетъ доказать, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина („Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“) отразилось не столько преклоненіе (uwielbienie) его передъ Россіей, сколько раздраженная національная честь, чувство коей было весьма сильно, но въ то же время очень односторонне развито въ поэтѣ. Пушкинъ, правда, уважалъ героевъ и великихъ людей Польши (вспомнимъ его эпиграмму на Булгарина, гдѣ жалкой фигурѣ этого писателя противопоставляются высокіе образы Костюшка и Мицкевича), но онъ тѣмъ не менѣе не удержался на высотахъ благороднаго безпристрастія. Третьякъ, какъ и другіе поляки, утверждаетъ, что оба стихотворенія въ высокой мѣрѣ насыщены духомъ шовинизма. Поэтъ, пѣвецъ свободы, прославляя триумфъ оружія своего народа, не задается вопросомъ о правотѣ дѣла, во имя котораго это оружіе было поднято, не обращаетъ вниманія на то, что этотъ триумфъ является торжествомъ деспотизма надъ свободой, и для того, чтобы угодить царю, отъ котораго ожидаетъ благъ для себя лично и либеральныхъ облегченій для народа, восхваляетъ штыкъ русскаго солдата, забывая, что этотъ штыкъ въ одинаковой степени является тюремщикомъ подъяремныхъ народовъ, какъ и опорой деспотическаго строя Россіи. Источникъ офиціально-патріотическихъ восторговъ поэта слѣдуетъ искать въ Царскоельскомъ лицѣѣ, воспитывавшемъ молодежь въ духѣ преклоненія передъ Екатериной, блескомъ ея побѣдъ и ея вождями, въ восхваленіи подвиговъ 1812 года. Пушкинъ выросъ въ этой атмосферѣ. Послѣднее замѣчаніе, конечно, въ основѣ своей вѣрно. Вяземскій въ стихотв. „Пушкинъ“ давно отмѣтилъ это вліяніе Царскаго Села и связанныхъ съ нимъ воспоминаній о Екатеринѣ и ея времени на лицейскую молодежь :

„Той эпохи величавой
Блескъ еще тамъ не потухъ,
И поэзіей и славой
Все питало юный духъ“...

Однако, дальнѣйшія заключенія Третьяка слишкомъ поверхностно связаны съ этой предпосылкой. Въ дни польскаго возстанія, говоритъ онъ, въ Пушкинѣ проснулись школьныя воспоминанія, а близость его послѣ женитьбы къ двору, „когда ему прямо въ глаза засіяло солнце царскаго благоволенія“, привела его на этотъ старый путь. Поэтъ вступилъ со дворомъ „въ тѣсный союзъ“, выразилъ готовность служить ему

по мѣрѣ своихъ способностей, готовъ былъ создать политическую и литературную газету, чтобы въ ней объединить талантливыхъ писателей, которые сторонились правительства, и прежде всего желалъ бороться съ злобной клеветой разгнѣванной Европы, защищавшей польскихъ „бунтовщиковъ“, противъ которыхъ всѣхъ русскихъ людей объединило нынѣ справедливое возмущеніе и старая національная вражда. Поэтъ исполнилъ свое обѣщаніе и написалъ стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. Столь простымъ представляется Третьяку генезисъ твореній Пушкина, въ коихъ поэтъ яко бы прославляеть побѣду Россіи, величаетъ мощь царя и, главнымъ образомъ, на разные лады угрожаетъ той самой либеральной Европѣ, воздухомъ которой еще такъ недавно онъ жаждалъ подышать, куда такъ недавно еще бесплодно порывался. О Пушкинѣ Третьякъ находитъ возможнымъ повторить слова Л. Н. Толстого о томъ внутреннемъ переворотѣ, который произошелъ въ немъ на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ лѣтъ жизни: все, что было по лѣвой сторонѣ его пути, вдругъ оказалось на правой, а все, бывшее справа, оказалось съ лѣвой стороны. Поэтъ измѣнилъ либеральнымъ идеямъ и увлеченіямъ своей молодости, потому что либерализмъ не наполнилъ всей духовной сути его и способенъ былъ удивительнымъ образомъ сжиматься; съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ уживался грубый національный эгоизмъ, коему совершенно чуждо нравственное правило: не дѣлай другому того, что тебѣ непріятно. Съ этимъ взглядомъ на отсутствіе въ русскомъ поэтѣ твердыхъ нравственныхъ принциповъ мы уже встрѣчались у польскихъ судей его.

Спасовичъ (О Пушкинѣ. Рѣчь 31 января 1887 г. Сочиненія I, стр. 209, 213), подобно Третьяку, который утверждаетъ, что въ Пушкинѣ не было того духовнаго матеріала, изъ котораго могъ бы создаться великій гражданинъ, также разрушаетъ обычное представленіе о Пушкинѣ, не хочетъ видѣть въ немъ образецъ великаго гражданина, образецъ героя, ибо для героизма необходимы два условія: устойчивость въ убѣжденіяхъ и рѣшимость отстаивать свое убѣжденіе до конца, хотя бы пришлось очутиться въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ усматриваетъ всѣ признаки смѣлаго героическаго протеста въ дѣйствіяхъ Чаадаева, но Пушкинъ, по его мнѣнію, по натурѣ не былъ способенъ плыть противъ теченія, его уносила съ собою всякая поступательная общественная волна. Въ гражданскомъ смыслѣ онъ всегда былъ вѣренъ тому, что написалъ было въ одномъ изъ своихъ первоначальныхъ набросковъ „Памятника“: „въ слѣдъ Радищеву возславилъ я свободу.“

Третьякъ желалъ бы уразумѣть и объяснить причину протестующаго выступленія Пушкина, но онъ, какъ и всѣ польскіе комментаторы, не можетъ сойти съ позиціи, споръ о которой можетъ быть рѣшенъ только обѣими враждующими сторонами, ихъ доброй волей, согласными усилями, — онъ просто отвергаетъ точку зрѣнія русскаго поэта. Пушкинъ смотрѣлъ, по его мнѣнію, на Польское государство, какъ на узурпатора Литвы и Руси, забывая при этомъ, что если Русь досталась Литвѣ путемъ завоеванія, то Литовско-русское государство

соединилось съ Польшей добровольно. Пушкинъ, однако, не говоритъ нигдѣ ни о какой узурпаціи, ибо онъ знаетъ исторію. Третьякъ увѣряетъ, что въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ Пушкинъ будто бы выдвигаетъ, какъ самый сильный аргументъ въ пользу правоты дѣла, которое онъ защищаетъ, огромныя пространства Россіи, отъ финскихъ хладныхъ скаль до пламенной Колхиды ошетилившіяся штыками (pa-jeżone bagnietami). Это прекрасный аргументъ въ дипломатіи, но очень слабый въ поэзіи, обращающейся къ совѣсти. Пушкинъ, очевидно, по мнѣнію Третьяка, не только наивенъ въ защитѣ своей точки зрѣнія на суть спора, но и лишень чувства совѣсти. Слѣдуетъ пожалѣть, что Третьякъ не вникъ глубже въ стихотв. „Бородинская годовщина“. Не бѣда, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ ихъ тонѣ польскій судья не находитъ искренняго воодушевленія, чувствуетъ искусственность паэоса, подмѣчаетъ настроеніе, заимствованное у Державина, — хуже то, что ему кажется, будто бы поэтъ, желая заглушить въ себѣ либерализмъ, который исповѣдывалъ въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ, силится нынѣ опьянить, одурманить (odurzyc się) себя патріотическимъ гнѣвомъ. Очевидно, онъ не былъ искреннимъ въ своемъ выступленіи. Третьякъ полагаетъ, что большое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи не угасшія еще воспоминанія объ отношеніяхъ къ Мицкевичу, о тѣхъ бесѣдахъ, которыя оба поэта вели о высокихъ политическихъ и религіозныхъ матеріяхъ, и поэтому въ стихахъ Пушкина онъ чувствуетъ извѣстную стыдливость поэта, какое-то, не соотвѣтствующее его гнѣвной вспышкѣ желаніе не трогать поляковъ, а броситься на ихъ европейскихъ защитниковъ. Третьякъ подошелъ такъ близко къ истинѣ, но не развилъ своей мысли до конца! Мы знаемъ, что Пушкинъ совершенно опредѣленно обрушился только на „клеветниковъ“, парламентскихъ ораторовъ Франціи, и нѣтъ поэтому никакой надобности употреблять такія усилія для обнаруженія той очевидной истины, что поляковъ поэтъ въ этомъ стихотвореніи вовсе не желалъ затрагивать. Стихъ „Бородинской годовщины“: „И не услышатъ пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца“, свидѣтельствуеетъ, какъ думаетъ Третьякъ, что поэтъ чувствовалъ потребность успокоить свою поэтическую совѣсть, хотя гораздо проще было бы усмотрѣть здѣсь прямое выраженіе чистой совѣсти и благородства поэта. Но Третьякъ идетъ еще дальше. Оффициально-патріотическая муза Пушкина, яко бы поступившая на службу двора, несла въ себѣ съ этого времени (1831) что-то трагическое, словно надъ нею тяготѣло какое-то проклятіе: поэтъ сталъ писать мало, да и то, что онъ создалъ въ этотъ періодъ, было незначительно, — все это были главнымъ образомъ переводы, подражанія, мелкіе отрывки начатыхъ и незаконченныхъ твореній. Въ поэтической карьерѣ Пушкина это былъ не прогрессъ, а движеніе вспять, возвращеніе къ тому положенію, какое онъ занималъ, какъ начинающій романтичскій поэтъ. Однако, Третьякъ не можетъ установить одинаго, цѣльнаго взгляда на Пушкина, который у него то человѣкъ, преданный идеѣ самодержавія, отбывающій ему поклоны въ своихъ стихахъ, какъ на это, повидимому,

намекнулъ уже Мицкевичъ въ III-ей части „Dziadów“ (Ustęp), то онъ, наоборотъ, мужъ стойкій и человѣкъ сильной воли, котораго ни жалованье, ни придворное званіе, ни подарки, ни обильныя пособія не въ силахъ были сломать и расположить въ пользу идеи самодержавія (ор. cit., p. 322, 328). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что Третьякъ добросовѣстно изучилъ творенія Пушкина и толкуетъ ихъ безъ злобы и предвзятости, хотя и впадаетъ въ ошибки.

Въ группѣ польскихъ строгихъ судей поэта особенною рѣзкостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхностностью отличается I. Кухаржевскій. Въ своемъ большомъ политическомъ памфлетѣ „Od białego caratu do czerwonego“ (I, Warszawa, 1923) онъ удѣляетъ немного мѣста отношенію Пушкина къ борьбѣ поляковъ за независимость. О Пушкинѣ онъ говоритъ съ большимъ деспектомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Аспирантъ въ издатели полуофициальной газеты, платный синекуристъ, нѣчто въ родѣ казеннаго историографа, онъ не только не сочувствовалъ войнѣ поляковъ, но даже требовалъ скорого и строгаго подавленія ея. Отношеніе Пушкина къ войнѣ польскаго народа за свободу ничѣмъ не отличалось отъ отношенія Николая, Бенкендорфа, Паскевича“. И для Кухаржевскаго стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ проникнуто рѣзкимъ (zaciętym) шовинизмомъ (ср. еще болѣе рѣзкое выраженіе Мосцицкаго: „пресловутое клеветническое стихотвореніе“. Mościcki, Pod berłem carów, 1924, str. 284). Онъ обвиняетъ Пушкина въ грубой безтактности, проявившейся въ томъ, что оба „противопольскія“ стихотворенія поэтъ написалъ будто бы въ отвѣтъ на „объятіе“ Лелевеля, адресованное Пушкину въ составленномъ польскимъ историкомъ проектѣ воззванія сейма къ братьямъ русскимъ. На самомъ дѣлѣ исторія съ отвергнутыми русскимъ поэтомъ объятіями жившаго уже въ эмиграціи польскаго ученаго относится къ 1834 году, и Пушкинъ по совершенно личнымъ причинамъ могъ быть недоволенъ свободнымъ обращеніемъ Лелевеля съ его именемъ (см. Н. Лернера: „Пушкинъ и Лелевель“, Истор. Вѣстн., 1905, августъ, стр. 620; ср. еще Дневникъ Пушкина, подъ ред. Модзалевскаго, стр. 152—154).

Лелевель 25 января 1834 г. произнесъ въ Брюсселѣ рѣчь въ годовщину низложенія Николая I съ польскаго престола, а также въ память возстанія декабристовъ въ 1825 г. и гибели русскихъ патріотовъ (см. Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela. Tom XX. Mowy i pisma polityczne. Wyd. przez Rykaczewskiego, Poznań, 1864).

Получивъ 11 апрѣля 1834 г. отъ графа Гр. Строганова, родственника своей жены, листокъ Франкфуртской газеты, въ которой была напечатана корреспонденція изъ Петербурга отъ 27 февраля по поводу названной рѣчи Лелевеля, Пушкинъ былъ такъ взволнованъ этой статьей, что не только отмѣтилъ сейчасъ же полученіе журнала въ своемъ дневникѣ, но даже переписалъ для себя эту статью. Она помѣщается обыкновенно во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій среди уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ его дневника.

Статья Франкфуртской газеты была рѣзкимъ отвѣтомъ на „выдумку“ польскаго патриота и историка, приписавшаго Пушкину въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ русскаго правительства какія-то „строфы“, проникнутыя революціоннымъ духомъ. Лелевель привелъ, какъ говорить написанная ему въ отвѣтъ статья, мнимыя „пушкинскія строфы“ для того, чтобы иллюстрировать съ помощью ихъ политическое направленіе русской молодежи. Петербургская корреспонденція франкфуртскаго журнала заступалась, однако, за Пушкина крайне неумѣло и безтактно. „Не знаемъ, — говорилось здѣсь, — сложилъ ли Пушкинъ строфы, приведенныя Лелевелемъ, въ тѣ времена, когда его замѣчательный талантъ еще не перебродилъ и не избавился отъ накипи, но можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрить, что со временемъ онъ раскается въ первыхъ опытахъ своей музыки, давшихъ врагу его отечества право видѣть въ немъ своего собрата по идеямъ и намѣреніямъ. Что касается до мнѣнія Пушкина о польскомъ возстаніи, то оно выражено въ его пьесѣ: „Клеветникамъ Россіи“.

Лелевель въ своей рѣчи, дѣйствительно, дважды упомянулъ о Пушкинѣ, выставляя его выразителемъ убѣжденій русской молодежи, и приписалъ ему аллегорическія сказочки, которыя будто бы поэтъ послалъ царю. Негодованіе Пушкина было понятно, но оно никакъ не могло излиться въ стихахъ, написанныхъ имъ еще въ 1831 году.

Таково было неизмѣнное отношеніе польскаго общества къ произведеніямъ Пушкина, порицаемымъ и осуждаемымъ его антагонистами прежде всего за русскую точку зрѣнія поэта на основную причину „домашняго спора“, настойчиво и послѣдовательно отвергаемую всей польской исторической литературой и общественностью. Нѣтъ нужды приводить дальнѣйшія доказательства живучести въ польскомъ общественномъ сознаніи воззрѣній, діаметрально противоположныхъ взглядамъ, высказаннымъ Пушкинымъ и создавшимъ подъ вліяніемъ не только русской исторической науки, но и вытекавшимъ изъ естественнаго источника его глубокой русской души. Расхожденіе оставалось долго и остается понынѣ непримиримымъ. Перекинуть хотя бы слабый мостикъ черезъ эту пропасть, признать объективно извѣстное основаніе во взглядахъ Пушкина польскіе критики его не сумѣли или не хотѣли и не хотятъ.

Когда въ маѣ 1867 г. чешскіе дѣятели Ригерь и Палацкій выѣзжали изъ Парижа въ Москву на Этнографическую выставку, парижскіе поляки (13 мая) адресовали „представителямъ чешскаго народа“ на этой выставкѣ и съѣздѣ славянъ обширное письмо, въ которомъ опять вернулись къ старой открытой ранѣ. Они предостерегали чеховъ отъ опасности московскаго пониманія славянской идеи, указывали на неславянскія чувства русскихъ и напоминали и о прегрѣшеніяхъ Карамзина, „убившаго добрыя намѣренія царя и отклонившаго его отъ расположенія къ народу, коему была нанесена обида“, и о Державинѣ, написавшемъ оду, прославлявшую взятіе Варшавы, и о Пушкинѣ, который не дерзнулъ осудить имп. Николая, нанесшаго смертельный ударъ сердцу Славянства, какъ назвалъ Польшу Колларъ. Обида, связывавшаяся съ

именемъ Пушкина, крѣпко помнилась и въ новомъ изгнаніи польскомъ, послѣ второй братоубійственной вспышки (См. Dr. Jan Heidler, Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra, Díl I., v Praze, 1924, str. 175). Объ этой обидѣ вновь заговорили польскіе историки нашихъ дней, упорно отстаивающіе прежніе взгляды на выступленіе русскаго поэта.

VII.

Въ кругахъ чешской интеллигенціи, изнывавшей въ австрійскомъ нѣмецко-мадьярскомъ ярмѣ и радовавшейся каждому проблеску славянской свободы, польское возстаніе встрѣтило совершенно опредѣленное сочувствіе. Война съ Россіей сулила возвращеніе этой свободы Польшѣ, а съ свободой ея связывались ожиданія общей славянской новой жизни, о которой мечтали страстно издавна.

Наряду съ большимъ и старымъ руссофильскимъ теченіемъ, мощнымъ въ Чехіи уже съ конца XVIII в., нынѣ обнаруживается весьма яркое движеніе полонофильское. Чехи искренно желали полякамъ лучшей доли, вспоминая о великомъ прошломъ Польши и о радостныхъ дняхъ недавняго возрожденія ея подъ скипетромъ Александра I. Разрывъ между русскими и поляками, однако, болью отозвался въ сердцахъ нѣкоторыхъ чешскихъ патріотовъ, тѣмъ болѣе, что созданіе автономнаго Царства Польскаго подъ русскимъ главенствомъ было для нихъ какъ бы идеаломъ политическихъ стремленій всей Славянщины въ будущемъ (Первольфъ, Слав. движеніе въ Австріи. Русская Рѣчь, 1879, кн. VII, стр. 188). Наиболѣе дальновидные чехи, ученые и писатели, мечтавшіе о славянскомъ культурномъ объединеніи, хорошо понимали гибельную для всего Славянства сторону этого разрыва, разрушавшаго прекрасныя мечты и вбивавшаго острый клинъ въ междуславянскія отношенія. Поэтому вмѣстѣ съ чувствомъ огорченія и сожалѣнія о выступленіи поляковъ противъ Россіи слышится даже голось радости за Славянство, которое этимъ разрывомъ лишалось наихудшаго своего врага — внутренняго. Такъ смотрѣлъ на событія, напр., Юнгманнъ, поэтъ и ученый, горячій руссофилъ, готовый на большія національныя жертвы ради славянскаго единства. Ему представлялось возможнымъ, что русскіе зальютъ половину Европы и соединять, такимъ образомъ, значительную часть славянъ, и это соединеніе онъ готовъ былъ признать желательнымъ. Вообще, старшее поколѣніе дѣятелей чешскаго пробужденія, стремившееся къ осуществленію славянскаго единства, видѣло въ соединеніи Польши съ Россіей значительный шагъ къ этому объединенію и считало счастьемъ сліяніе подъ однимъ скипетромъ двухъ большихъ славянскихъ народовъ. Это было начало реализаціи ихъ большихъ мечтаній. Другой руссофилъ, поэтъ Антонинъ Марекъ въ одномъ изъ писемъ къ Юнгманну (1833 г.) отнесся поэтому неодобрительно къ нѣкоторымъ поэтическимъ твореніямъ Мицкевича (*Dziady*), какъ къ проявленію ненависти поляковъ къ русскимъ, — онъ не желалъ даже

ихъ читать, ибо считалъ ихъ новымъ прискорбнымъ „заблужденіемъ своихъ братьевъ славянъ“ (J. Jakubec, Česká poesie polit. do Havlíčka, Naše Doba, XI, 1904, str. 586).

Но надо признать, что въ общемъ на сторонѣ Россіи въ этотъ моментъ симпатій было мало. „Съ какимъ энтузіазмомъ здѣсь говорятъ о богатырскихъ бояхъ благородныхъ поляковъ, — писалъ изъ Праги корреспондентъ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, — вы съ трудомъ можете себѣ представить; пожалуй, съ большимъ даже, чѣмъ въ Берлинѣ“ (St. Souček, Dvě pozdní mystifikace Hankovy, Praha 1924, str. 28).

Однако, нѣкоторые чешскіе писатели недостаточно глубоко оцѣнивали событія. Мало знакомые съ сущностью историческаго русско-польскаго спора во всемъ его сложномъ объемѣ и въ его обостренности, они подходили къ нему лишь съ одной стороны, — видѣли въ немъ только борьбу поработенныхъ съ поработителями, судили послѣднихъ рѣзко, скорбя, впрочемъ, истинно о горестной междуславянской распрѣ, отдалявшей осуществленіе ихъ мечтаній.

Въ то время, когда въ Варшавѣ вспыхнуло въ ноябрѣ 1830 г. пламя возстанія, Россійская академія съ А. С. Шишковымъ во главѣ вела еще давніе переговоры съ группой чешскихъ ученыхъ, приглашенныхъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ на службу въ Россію. Дѣло тянулось долго и налаживалось съ трудомъ, были колебанія и сомнѣнія съ обѣихъ сторонъ. Въ письмахъ къ друзьямъ чешскіе ученые высказывали свои тревожныя мысли откровеннѣе, чѣмъ въ осторожной официальной перепискѣ съ Академіей. Пользовавшійся уже въ двадцатые годы извѣстностью въ русскихъ ученыхъ кругахъ П. І. Шафарикъ, другъ нашего наиболѣе ранняго славянскаго путешественника П. И. Кеппена, впослѣдствіи (въ 1835 г.) заключившій прочный дружескій союзъ съ М. П. Погодинымъ, неоднократно касался русско-польской кровавой борьбы и, скорбя о ней, совершенно откровенно выражалъ свое нерасположеніе и недовѣріе къ русскому правительству, которое считалъ виновникомъ разрыва и которое называлъ не славянскимъ, а „нѣмецко-скандинавско-монгольскимъ“.

Въ междоусобной борьбѣ его симпатіи были на сторонѣ поляковъ. „Признаюсь Вамъ, — писалъ онъ поэту Яну Коллару въ январѣ 1831 г., т. е. въ самомъ началѣ русско-польской войны, — что я непрестанно молю Господа Бога, чтобы онъ какъ-нибудь неожиданно (ex machina) помогъ этому несчастному народу; эта мысль волнуетъ меня денно и ношно, и я съ каждой почтой съ трепетомъ ожидаю газетныхъ сообщеній“. Пѣвцу славянской взаимности, другу Коллару онъ доказываетъ, что славянское единеніе, осуществимое только духовно и въ любви, немыслимо между двумя ополчившимися другъ противъ друга народами. Къ сожалѣнію, и Шафарикъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ знанія исторіи Россіи, и его выпады противъ русскихъ и отзывъ о нихъ были неожиданны въ устахъ историка древнѣйшаго Славянства, который столь рѣшительно возмущался невѣжествомъ и грубыми измышленіями нѣмецкихъ ученыхъ въ ихъ сужденіяхъ о славянахъ.. Въ самомъ дѣлѣ,

— писалъ Шафарикъ о русскихъ, — эти наполовину онѣмеченные и наполовину (что касается характера) отатаренные сѣверяне плохо поняли это единеніе, полагая, что заговоромъ Екатерины и союзомъ съ предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянскаго племени и затѣмъ расчлененіемъ благороднѣйшаго и истинно-рыцарскаго славянскаго народа можетъ быть положено основаніе будущему соединенію славянъ! Зло, содѣянное отцами, и ихъ грѣхи слѣдовало исправить сыновьямъ, и послѣдніе могли это сдѣлать, но нѣтъ, — они довершили этотъ грѣхъ! Мы всѣ вѣчно и горько должны оплакивать судьбу этого рыцарски-благороднаго и геройскаго народа. “Для Шафарика полякъ и полька — идеалъ славянина и славянки; всѣ прочіе славяне, и независимые и подневольные, по его мнѣнію, лишь „бастарды“.

Вообще, Шафарикъ, все еще не закончившій переговоровъ съ Академіей о переѣздѣ въ Петроградъ и какъ-будто склонный переселиться на сѣверъ, смотрѣлъ безотрадно-мрачно на славянскую роль Россіи. „Если вы, — продолжаетъ онъ свое письмо другу, — полагаете, что подъ шестидесятымъ градусомъ разовьется и расцвѣтетъ когда-либо настоящая славянская жизнь, то тогда я не могу и не хочу спорить съ вами, ибо я къ этому мнѣнію никогда не присоединюсь. Величіе, которму мы всѣ удивляемся, есть въ сущности ужасающій военный деспотизмъ, только формою своею сильно отличающійся отъ римскаго деспотизма времянь Нерона и др. или отъ нынѣшняго турецкаго, но по существу своему онъ мало отъ нихъ отличается. Вы сами хорошо знаете, что во многихъ отношеніяхъ (что касается свободы мысли и слова) турецкое правительство гораздо либеральнѣе, чѣмъ правительство сѣверное“. Ученый идеалистъ смѣло находилъ даже, что многія явленія русской общественной жизни напоминаютъ режимы вавилонскій, египетскій и др. Въ своемъ мрачномъ скептицизмѣ, отрицаніи славянскихъ началъ въ настоящемъ и возможности развитія ихъ въ будущемъ русской жизни Шафарикъ шелъ еще дальше. Онъ самоувѣренно утверждалъ: „Роскошные плоды генія Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина и пр. и пр. суть цвѣты диллетантизма; садъ, въ коемъ они произрасли, не есть народъ славянскій. Безъ политической жизни народы — нули; на сѣверѣ народъ — ничто, рѣшительно ничто и даже еще меньше, чѣмъ ничто. Подъ шестидесятымъ градусомъ никогда не возникнутъ славянскія Аѳины, ибо безъ свободы нѣтъ Аѳинъ!“

Въ паденіи Польши Шафарикъ оплакивалъ паденіе всего Славянства, оно было для него крушеніемъ всѣхъ его славянскихъ идеаловъ. Въ письмѣ къ Шишкову (въ апрѣлѣ 1832 г.) онъ назвалъ польское возстаніе „die unglückselige Revolution in Polen“, имѣя въ виду прежде всего, конечно, несчастный исходъ его, но можетъ быть, онъ просто разочаровался въ цѣлесообразности гибельной войны и этой фразой осудилъ ее. Ударъ былъ для него тѣмъ тяжелѣе, что, по его убѣжденію, здѣсь, т. е. въ Польшѣ, должно было и могло осуществиться то, къ чему стремились всѣ славяне, и до чего ни современники его ни потомки ихъ не доживутъ никогда. Онъ говорилъ объ общей славянской свободѣ

и въ созиданіи ея отводилъ Польшѣ первое мѣсто, какъ это особенно часто высказывалось и въ литературѣ польской эмиграціи.

Еще разъ вернулся онъ къ скорбной славянской темѣ о Россіи и Польшѣ въ декабрѣ 1831 г., когда опять писалъ Коллару о томъ, что русское правительство заботится де только объ утвержденіи или увѣковѣченіи своего военного деспотизма, а для высокихъ идей, которыми жили оба чешскихъ писателя, оно отводитъ „сибирскіе сады“. Шафарикъ увѣрялъ своего друга, что это не фантазіи, а подлинныя слова одного изъ высокопоставленныхъ русскихъ чиновниковъ, которыя онъ вычиталъ гдѣ-то „не безъ дрожи и сердечнаго трепета“.

Впослѣдствіи, когда связи его съ большой русской ученой семьей, благодаря Погодину, съ конца тридцатыхъ годовъ особенно расширились, когда онъ глубже познакомился съ русскимъ міромъ и блестяще въ трудахъ своихъ использовалъ всѣ цѣннѣйшія достиженія русской исторической и филологической науки, онъ убѣдился въ ошибочности своего отрицательнаго отношенія, по крайней мѣрѣ, къ русской культурной жизни, въ его эпоху достигшей, несомнѣнно, высокаго развитія.

Къ Шафарику близко стоитъ идеализаціей Польши и поляковъ моравскій поэтъ и философъ Клацель (М. Fr. Klácel). Онъ воспѣваетъ подвиги поляковъ, бой подъ Гроховомъ — польскій Маравонъ и польскихъ Мильтіадовъ; поляки для него образецъ свободолюбиваго народа; Польша, проливающая свободную кровь, для него „любимица Славіи“ (Slavie miláček); онъ оплакиваетъ смерть своего школьнаго товарища Эммануила Миллера, геройски сражавшагося въ рядахъ польской арміи за свободу „славянской отчизны“ (slavské vlasti); герои польскаго возстанія вдохновляютъ его неоднократно. Но на русско-польскій споръ, въ коемъ русский убилъ брата, какъ завистливый Каинъ (bratra zabil jako Kain závistný), онъ смотритъ своеобразно, съ тайною возвышенною надеждою: споръ для него завершится, повидимому, тѣмъ, что Славянство, прежде всего — его наиболѣе могучая вѣтвь, возвратитъ свободу не только полякамъ, но освободитъ и Россію и весь міръ (St. Souček, K dějinám naší politické poesie. Z dějin české lit., sborník statí věnovaný Jar. Vláčkovi, 1920, str. 150, 155).

Мрачныхъ взглядовъ Шафарика и его единомышленниковъ не раздѣляли нѣкоторые изъ его ближайшихъ друзей-современниковъ, какъ, напримѣръ, бібліотекаръ Чешскаго Музея, большой и наивно-восторженный руссофилъ Ганка или извѣстный поэтъ Челаковскій, въ юные годы восхищавшійся ростомъ русской науки и литературы и мечтавшій о переселеніи въ Россію; къ нимъ принадлежалъ и ближайшій соплеменникъ Шафарика, словакъ Янъ Колларъ. Но и для нихъ славянская усобица была явленіемъ горестнымъ. Оплакавши три дня великой всеславянской скорби, — гибель сербскаго царства на Косовѣ полѣ, разгромъ чешской независимости на Бѣлой горѣ и „Finis Poloniae“ съ плѣненіемъ Костюшка подъ Мацѣвицами, — Колларъ съ болью смотрѣлъ на новое истребленіе славянъ славянами. Въ „Дочери Славы“ (Lethe, сон. 412) онъ выразилъ свое огорченіе, что въ рядахъ

возставших оказалась воспѣтая Мицкевичемъ (*Śmierć rołkownika*) „дѣвица-герой“, графиня Эмилиа Плятеръ, что сестра-славянка пошла на брата-славянина, поляка противъ русскаго:

„...v záhubném šla klusu
Sestra proti bratru, Slavenka
Proti Slavu, Polka proti Rusu.“

Онъ внесъ полностью въ „Дочь Славы“ (*Lethe*, сон. 428) извѣстная слова имп. Николая I: „Прошу васъ поляковъ не ненавидѣть“, усматривая въ нихъ выраженіе его славянскаго чувства, но не осудилъ самаго подавленія имъ возстанія:

„...slyšte milí Rusové,
Poláci jsou naši bratrové,
Neslušno k nim mříti nepřátelství.“

Напротивъ, отъ себя онъ прибавилъ къ этимъ словамъ, что ни одинъ изъ государей, „намѣстниковъ Славы“, не былъ проникнутъ національнымъ, т. е. славянскимъ, духомъ въ такой мѣрѣ, какъ Николай:

„Žádnému snad Slávy naměstniku
Tolik národnosti nevyšlo
Ještě z úst, co tomu panovníku.“

Только позже противъ такихъ поклонниковъ дѣятельности Николая I появилась (1858) эпиграмма I. В. Фрича, поэта-революціонера, пугавшая увлеченныхъ „патріотическою вѣрою“ въ царя св. Николаемъ и чертомъ, которые раздаютъ дѣтямъ подарки въ чулки. Этимъ наивнымъ чешскимъ „николаевцамъ“ (*Mikulašencům*) и „чулочникамъ“ они несутъ въ подарокъ оковы:

„Jen se mučte, buďte hezky pilní
a zůstaňte v té víře vlastenecké silní,
že za dvěma je blízky Mikuláš!
Blaze největším pak punčochám,
blaze punčochářům! — Běda — nám!
Slyšíte řetězy? to on — a za ním — satanáš.“

Знаменитый Карль Гавличекъ такъ же осмѣивалъ чешскихъ царистовъ-русофиловъ въ своихъ язвительныхъ эпиграммахъ.

Недостатокъ славянскаго сознанія въ извѣстной части польскаго общества пѣвецъ славянской взаимности Колларъ отмѣтилъ и въ позднѣйшемъ „Путешествіи въ верхнюю Италію“ (*Cestopis do Horní Italie*, 1843, стр. 249). На обратномъ пути изъ Италіи, на пароходѣ изъ Линца въ Вѣну Колларъ познакомился съ какимъ-то полякомъ Фр. Закржевскимъ и съ его сыномъ Валентиномъ, образованнымъ молодымъ челоуѣкомъ и ревностнымъ патріотомъ. Въ отвѣтъ на прочитанную ему выдержку изъ статьи извѣстнаго въ эмиграціи публициста Н. Боньковскаго (въ *Revue Slave*, 1840, р. 70) о взаимной расположеніи и дружбѣ поляковъ и мадьяръ, Колларъ, испытавшій на себѣ мадьярскій гнетъ и ненависть къ славянамъ, выразилъ польскимъ сопутникамъ сожа-

лѣніе, что многіе изъ братьевъ-поляковъ дѣйствуютъ такъ не по-славянски. „Причиною вашего несчастья, — наставлялъ онъ своихъ случайныхъ знакомыхъ, — была невзаимность славянская: вы охотнѣе шли съ французами, мадьярами и другими иноземцами — и потому вы должны были придти къ паденію. Вы не хотите быть разумными всеславянами (Všeslavové) и поэтому останетесь офранцузившимися псевдославянами (Paslavové).“

Челаковскій, какъ и другіе соотечественники его, внимательно слѣдилъ за военными дѣйствіями въ сосѣдней съ австрійскими предѣлами Польшѣ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ польскомъ сеймѣ, постановленія его о низложеніи династіи Романовыхъ и слуховъ о таинственныхъ переговорахъ поляковъ съ Габсбургами, онъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ (въ январѣ 1831 г.) о томъ, что будто бы „изъ частей Польши возникнетъ опять королевство“. Уже въ началѣ января 1831 г. кн. Константинъ Чарторыйскій представилъ австрійскому двору проектъ уніи Польши съ Австріей. Челаковскій радовался довольно наивно такому плану: „Я желалъ бы этого, — пишетъ онъ, — въ Европѣ было бы по крайней мѣрѣ однимъ славянскимъ дворомъ больше, а русскіе при этомъ много бы не потеряли“. На это другъ его, поэтъ-священникъ Камаритъ отвѣчаетъ: „Дай Богъ счастья Бѣлому Орлу!“ Въ мартѣ того же года Челаковскій, очевидно, слѣдившій за ходомъ дѣлъ на русско-польскомъ театрѣ войны, пишетъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что съ обѣихъ сторонъ совершается страшное кровопролитіе, — какъ жаль гибели такого множества славянъ! Но отчего же они падаютъ и погибаютъ? Все изъ-за гордой мысли одного человѣка. вмѣсто того, чтобы уступить польскому народу въ томъ, что ему по святому праву принадлежало, онъ предпочитаетъ истребить значительную часть прекраснѣйшаго войска обѣихъ сторонъ.“ Поэтъ предвидитъ, что теперь русскіе не будутъ уже уступчивы въ отношеніи къ полякамъ, даже если бы пришлось пожертвовать всѣмъ. „Но какая польза отъ этого? Разоренная страна, изнуренная армія и порабощенный народъ, который всегда будетъ питать ненависть къ своимъ угнетателямъ. Несчастный польскій народъ! Въ исторіи нельзя назвать другого подобнаго факта, чтобы какой-либо народъ защищалъ свое дѣло при столь неравныхъ силахъ съ такимъ геройствомъ, какъ поляки.“ (Korespondence a zápisky Fr. L. Čelakovského, II, str. 154). Въ іюль 1831 г., когда событія въ Польшѣ приближались къ неизбѣжному концу, Челаковскій съ волненіемъ писалъ Камариту: „Развязка или разсѣченіе польскаго узла уже близко. Литва опять вся въ рукахъ русскихъ, и русская армія съ трехъ сторонъ подходитъ къ Варшавѣ. Только бы все это закончилось благополучно и великодушнымъ образомъ.“ Это было желаніе и надежда и другихъ чеховъ. Однако, объ истинной причинѣ возстанія, т. е. о стремленіи поляковъ возстановить Польшу 1772 года или даже 1667 г., Челаковскій, какъ и другіе чехи, умалчивалъ, такъ какъ не имѣлъ объ этомъ яснаго представленія (Ср. Pervolf, Osvěta, 1879, str. 545). Въ 1835 году Челаковскій, подъ вліяніемъ широкихъ

симпатій къ полякамъ, публично, въ официальнойнѣ органѣ Чешскаго намѣстничества (Pražské Noviny) еще разъ не побоялся высказать свои польскія симпатіи и сравнить рѣчь имп. Николая I къ польской депутаціи въ Варшавѣ съ тѣми рѣчами, съ которыми когда-то татарскіе ханы обращались къ русскимъ князьямъ. Этотъ заключительный аккордъ рѣзко, но смѣло прозвучалъ въ его большой руссофильской поэмѣ, оборвавшейся нынѣ навсегда.

Когда, вскорѣ послѣ разгрома возстанія, чешскіе студенты въ Прагѣ получили письмо, адресованное философской коллегіи, съ просьбою оказать помощь полякамъ, уходившимъ въ изгнаніе, то однимъ изъ первыхъ отозвался на это обращеніе поэтъ-романтикъ Карлъ И. Маха, организовавшій съ друзьями своими дѣло помощи. Онъ привѣтствовалъ прибытіе эмигрантовъ горячею рѣчью въ трактирѣ „У города Страсбурга“, за городскими воротами, и раздавалъ бѣженцамъ бѣлье, платье и деньги, собранныя имъ среди друзей (См. J. Máchal, Mickiewicz a Čechy, ССН., 1898, str. 360; Prelog, Slavenska renesansa, 1780—1848. Zagreb, 1924, str. 89; K. Krejčí, První krise českého slovanství, Slov. Přehl., R. XX, 1928, březen, str. 196). На философскомъ факультетѣ возникъ въ эти дни чешскій клубъ республиканскаго направленія, и воздемъ его сдѣлался Карлъ Сабина (Sabinský), поэтъ и историкъ литературы, горько оплакивавшій судьбу Польши. Онъ и его другъ Лешановскій братались съ поляками и всячески имъ помогали; возникъ особый кружокъ молодежи, облегчавшей польскимъ эмигрантамъ ихъ скорбный путь въ родственной славянской землѣ. Чешская молодежь устраивала политическія демонстраціи, и Сабина при этомъ даже поплатился арестомъ. Онъ отозвался на эти событія въ стихотвореніи „Polan“, написанномъ подъ несомнѣннымъ влияніемъ одной изъ полонифильскихъ элегій (Polenflüchtling) Николая Ленау, оплакавъ горькую судьбу сыновъ разгромленной Польши, очутившихся то въ оковахъ въ Сибири, то странствующихъ въ пустынѣ съ вольными бедуинами и горюющихъ о томъ, что имъ не пришлось погибнуть за свободу отчизны. Ихъ не радуютъ раздающіяся со всѣхъ сторонъ пустыя слова утѣшенія разныхъ народовъ, — и только блѣдная фигура, поднявшаяся на могилахъ Остроленки и произносящая завѣтные слова: „Jeszcze Polska nie zginęła“, ободряетъ ихъ духъ и укрѣпляетъ вѣру, что не все еще погибло (J. Jakubec, op. с., Naše Doba, XI, 1904, str. 587).

Кромѣ круга этой радикальной полонифильской молодежи, во кругъ католическаго священника, поэта Вацлава Штульца группируется кружокъ умѣренныхъ молодыхъ людей, тѣмъ не менѣ яркихъ полонифиловъ. Самъ Штулецъ переводитъ на чешскій языкъ „Конрада Валленрода“ (1837), часть „Dziadów“ и одинъ экземпляръ своего перевода шлетъ Мицкевичу, „пророку славянъ, сыну дорогой и предъ нашими взорами распятой Польши“. Чешская молодежь съ увлеченіемъ читаетъ въ эти годы Мицкевича пророчествующія „Księgi narodu polskiego“. Изъ этихъ старыхъ корней вырастаетъ вскорѣ новое полонифильство, во главѣ съ Гавличкомъ, который у Штульца знакомился съ

поляками, потомъ съ Ригромъ и др. (Ср. Osvěta, 1903, I, 494). Польскіе эмигранты, борцы за свободу, находили сочувственный пріемъ и среди такихъ опредѣленныхъ руссофиловъ, какими были „крконошскіе казаки“ съ знаменитымъ Антониномъ Маркомъ во главѣ, священникомъ-поэтомъ, привѣтствовавшимъ приходъ русскихъ войскъ въ Чехію еще въ Наполеоновскую эпоху.

Что касается тогдашней пражской чешской печати, то она могла лишь въ весьма слабой степени реагировать на польскія событія; еще болѣе сдержанною и осторожною была печать нѣмецкая. О свободѣ мнѣнія не могло быть рѣчи. Официозы, Pražské Noviny и Prager Zeitung, сухо и осторожно излагаютъ событія въ Варшавѣ и Польшѣ, по существу стоятъ на строго консервативной или просто казенно-лояльной точкѣ зрѣнія и, естественно, относятся къ бунту отрицательно. Тонъ давался, конечно, сверху, изъ Вѣны, а отношеніе властей къ возстанію было, по крайней мѣрѣ внѣшне, отрицательное. Австрійская дипломатія въ эти годы демонстративно и въ официальныхъ проявленіяхъ отрещивалась отъ преступнаго, революціоннаго Царства Польскаго, поддерживая, однако, въ немъ броженіе путями тайными, но сваливая въ то же время всю отвѣтственность на Варшаву и любезно представляя къ свѣдѣнію русскихъ властей болѣе интересныя извлеченія изъ переписки польскаго революціоннаго правительства, перехваченной австрійскою почтою (Ср. Sz. Askenazy, въ Bibl. Warsz., 1903, styczeń, str. 255). При такомъ двуличномъ образѣ дѣйствій официальной Австріи не могли быть самостоятельными и высказывать свои подлинныя мысли ея органы печати.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ руссофильской Прагѣ чрезвычайно добросовѣстно отмѣчали факты хорошаго отношенія русскихъ воиновъ и генераловъ къ разбитымъ полякамъ и тщательно слѣдили за всѣми попытками мирнаго улаженія спора между двумя славянскими народами (K. Krejčí, op. c., Slov. Přehl., R. XX, 1928, leden, str. 13 — 22: Il. Polské povstání a pražské časopisy).

Симпатіи къ возставшимъ полякамъ проявлялись иногда и прямымъ участіемъ славянскихъ братьевъ въ борьбѣ за свободу. Словакъ Само Халупка, восемнадцатилѣтній студентъ богословія, извѣстный впоследствии поэтъ, уходитъ добровольцемъ въ ряды польскихъ войскъ, правда, уже въ послѣдній моментъ угасающей борьбы, а затѣмъ откликается на героическіе подвиги поляковъ въ нѣкоторыхъ наброскахъ (Malachovský, Hrob na Tatře) и въ стихотвореніи: Polska (Teče voda dolu Vislou, teče mutná, Polská otčina při Visle pláče smutná), оплакивающимъ польскія страданія (См. Krčméry Št., Z rukopisov Sama Chalupku, Sborník Matice Slov., R. V, soš. 3—4, 1927, str. 105: Il. Samo Chalupka a polské povstanie r. 1830). Въ ряды польскихъ возстанцевъ поспѣшилъ въ 1830 г. и другой словакъ I. П. Белла и чехъ Фр. Захъ, впоследствии участникъ войны сербовъ съ турками (1876 г.) и сербскій генераль, хотя и ему не пришлось дѣятельно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ. Участники польскаго возстанія, чехи и словаки и особенно польскіе бѣженцы, приносили съ собою въ Чехію польскія революціон-

ныя пѣсни, ставшія популярными среди молодежи. Польскія пѣсни распѣвались въ послѣдствіи въ собраніяхъ чешско-словенской молодежи пресбургскаго лица, а въ 1840 г. моравскіе патріоты-писатели и студенты въ Брнѣ почтили русскаго ученаго путешественника И. И. Срезневскаго собраніемъ, въ которомъ молодежь пѣла польскія пѣсни, даже антирусскаго содержанія. Молодые люди, по свидѣтельству современника, были вообще расположены къ полякамъ, считали, что русскіе съ ними поступали несправедливо и даже жестоко; однако, о Россіи они имѣли весьма ничтожныя познанія, а то, что знали, черпали изъ источниковъ нѣмецкихъ и нѣмецко-польскихъ, пристрастныхъ и невѣрныхъ. Изъ русскихъ пѣсень студенты не знали ни одной, но зато очень много знали пѣсень польскихъ (St. Souček, Dvě pozdní mystifikace, str. 34). Словакъ Само Томашикъ извѣстную пѣсню польскихъ легионеровъ, мазурку Домбровскаго „Jeszcze Polska nie zginęła“ сдѣлалъ (1838) народнымъ гимномъ словаковъ: „Hej, Slováci“. Позднѣе съ замѣной: „Hej, Slováne“, она стала какъ бы славянскою марсельезою.

За ближайшимъ рубежомъ, въ сосѣдней съ Царствомъ Польскимъ Галичинѣ настроенія въ русской и польской частяхъ ея населенія были различны. Галицко-русскій ученый, извѣстный собиратель народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси Я. Э. Головацкій рассказываетъ, что въ 1830—1831 г. г. галицкіе русскіе (русины) были рѣшительно противъ Польши, всѣ же поляки, естественно, сочувствовали возставшимъ. Студенты поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались отъ поляковъ деньги, оружіе, корпія и пр. Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались нейтральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже мѣстныя нѣмецкія (австрійскія) власти смотрѣли сквозь пальцы на то, какъ комитеты получающіе собирали деньги, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордономъ. Паденіе Варшавы разомъ измѣнило настроеніе. Поляки пали духомъ: „Все пропало!“ Но неудачи свои они объясняли измѣною Круковецкаго. Наши соплеменники, говорили они, сами стали измѣнниками! Головацкій принесъ отцу во время вакацій радостную новость, что Паскевичъ взялъ штурмомъ Варшаву. Всѣ этимъ извѣстіемъ, рассказываетъ онъ, заинтересовались: „Сами селяне громадно приходили спрашивать: „Правда, что москаль побивъ поляковъ и добувъ Варшаву?“ (Я. Э. Головацкій, Вспоминки изъ дѣтскихъ и школьныхъ лѣтъ. Литер. Сборн. Гал.-Русской Матицы, 1885, вып. II—III, стр. 139). Однако, и при такомъ раздѣленіи настроеній много русскихъ поповичей Галицкой Руси приняли участіе въ польскомъ возстаніи. Они шли проливать кровь за Польшу, но при этомъ должны были переносить насмѣшки своихъ товарищей, называвшихъ ихъ „русскими галилеянами“ (ruscy Galilejczycy).

Галицко-русскій изслѣдователь, вопреки мнѣнію польскихъ писателей, утверждающихъ, что въ эту пору не было еще русско-польскаго антагонизма (Иванъ Франко, Объяви русько-польского антагонизму 1831 р. Житѣ і Слово, II, 1895, стр. 111—114), полагаетъ, что антиполь-

ская традиція была на галицкой почвѣ давнею, уже съ конца XVIII в., при этомъ она органически связана была съ sui generis москвофильствомъ. Польское возстаніе 1830—1831 г. г. въ кругу русской молодежи, студентовъ духовныхъ семинарій Львова и Вѣны, наряду съ ревностными сторонниками его встрѣтило и горячихъ противниковъ. Среди русскихъ студентовъ на эту тему велись жаркіе споры. Противъ польскаго возстанія появляются стихотворенія на польскомъ языкѣ, высмѣивающія возстанцевъ, написанныя русскими антагонистами поляковъ. Къ числу такихъ противниковъ возставшей Польши принадлежалъ извѣстный галицко-русскій дѣятель, впоследствіи митрополитъ Спиридонъ Литвиновичъ, вѣнскій воспитанникъ, яко бы даже доносившій полиціи на своихъ товарищей, симпатизировавшихъ возстанію. Франко сообщилъ одну такую пѣсню, сочиненную Сп. Литвиновичемъ, направленную противъ притязаній поляковъ и прославляющую побѣду Паскевича. Въ 1832 г. еще одна подобная пѣсня была напечатана въ Вѣнѣ въ типографіи мекхитаристовъ, но, какъ полагаетъ Франко, это не была сообщенная имъ пѣсня Литвиновича. Пѣсня Литвиновича, очевидно, предназначавшаяся для пѣнья, озаглавлена „Aryja“ и начинается строфой:

„Kto Lach, ma strach:
Car zdrajców żwawo przypiera,
Wolność zmyśloną wydziera
Obrońcom praw — lby pustych paw,
Wyniszczą dumy szczęt.
Paszkwicz niech żyje!
Na zgubę — na czyję?
Lachów, Lachów, Lachów, Lachów!“

Рефренъ „Paszkwicz niech żyje“ повторяется послѣ каждой строфы. Авторъ скептически отзываясь о выдуманной, мнимой польской свободѣ; польское возстаніе для него есть проявленіе польской гордыни, а не права; право польской народности на самостоятельное политическое бытіе для него не существуетъ. Онъ, очевидно, легитимистъ (говорить Франко): поляки присягали на вѣрность русскому царю, и гибель возстанія есть кара за нарушеніе клятвы.

Галицко-русскій священникъ Ник. Васильковскій (1792—1863) отозвался стихами, пародирующими извѣстную пѣсню „Jeszcze Polska nie zginęła“ и оканчивающимися строфой безпощаднаго осужденія виновниковъ возстанія: „Bodaj ci nie żyli, co ten bunt radzili“. Въ тридцатыхъ годахъ распространено было также стихотвореніе неизвѣстнаго поэта, съ тѣмъ же чувствомъ недоброжелательства пророчествовавшего о гибельныхъ послѣдствіяхъ разрыва съ русскими: „Hej, Polaki nieboraki, wutrzepie was Moska!“ (См. у Коцовскаго, Литер. хроника, Зоря, 1885, стр. 191). Были, конечно, особая мѣстныя причины этого явнаго несочувствія Галицкой Руси польскому возстанію, но отрицательное отношеніе къ нему проявилось даже среди той части населенія Русскаго Прикарпатя, которая не имѣла прямыхъ основаній для такого отношенія, а именно въ нынѣшней Подкарпатской, или б. Угорской Руси.

О таких противоположных произведениях вспоминаль много лѣтъ спустя „Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы“ (Вѣна, 1851, ч. 3, отъ 5—17 января) въ статьѣ, касавшейся насмѣшекъ и глумленій мадьярской печати (Magyar Hirlap) надъ „русинами“, ихъ политическою безхарактерностью, проявившеюся въ томъ, что они въ 1849 г. выступили противъ мадьяръ и распѣвали пѣсни, привѣтствовавшія приходъ казаковъ: „Не бойтесь, русски дѣти, ужъ можете спочивати, весельтесь, гуррага, ступай козакъ“ и т. д. Такіе же „вѣрные русины“ въ 1831 году писали въ честь Дибича и Паскевича торжественные стихи: „Сгорбилася луна Османова“ и пр. Рѣчь идетъ, какъ видно, о „русинахъ“ угорскихъ, въ далекомъ Закарпатѣ отозвавшихся на славянскую распрю и опредѣленно занявшихъ въ этомъ спорѣ позицію русскую.

Въ „правобережной Украинѣ“, въ предѣлахъ Россіи нашлись также, какъ свидѣтельствуеть М. Драгомановъ (Нові українські пісні про громадські справи. 1764 — 1880. Женева 1881, стр. 39 и прим.), люди „старосвѣтской, поповской школы“, которые писали украинскіе вирши противъ польскаго возстанія (1831), за Русь; при этомъ они, какъ обыкновенно попы, укоряеть ихъ Драгомановъ, считали „за одно“ Русь Украинскую съ Русью Московскою. Онъ приводитъ одну такую пѣсню (изъ Подолья) противъ польскихъ пановъ Ржевускаго и Собаньскаго, кончающуюся стихами, въ коихъ обнаруживается извѣстное пониманіе составителемъ пѣсни исторической основы борьбы:

„Правда, все пропало, бо не ваше,
Намъ вернулося, бо наше,
Захотілось вамъ руської крови,
Але ј далі панамъ, јакъ лихому посві.
Тепер будете знати, што то јестъ руськиј,
Во вік будете памјатати, пане Ржевувцькиј.“

Во время возстанія 1831 г. богатый панъ Вацлавъ Ржевускій пошелъ на войну со своими казаками (крѣпостными); другіе паны (напр., Собанскій) тоже пытались заставить своихъ крѣпостныхъ присягнуть себѣ, а нѣкоторые объявили волю тѣмъ крестьянамъ, которые присоединятся къ нимъ. Украинскіе крѣпостные (крѣпаки) не вѣрили, однако, панамъ-полякамъ и по большей части не только не „повставали“ съ ними, но даже передавали ихъ „московскимъ“, т. е. русскимъ, властямъ (Драгомановъ, *ibid.*, стр. 38). Такъ относились къ возстанію народныя массы Украины.

Ученый и поэтъ Артемовскій-Гулакъ тоже радостно привѣтствовалъ подавленіе польскаго возстанія „Хведоровичемъ“ — Паскевичемъ. Какъ нѣкогда Гораций (Lib. II, ode IX: ad Valgium) совѣтовалъ Вальгію успокоить скорбь свою по утратѣ сына мыслью объ успѣхахъ оружія цезаря Августа, такъ Артемовскій въ своемъ подражаніи Горацию (25 лютого 1832) подаетъ совѣтъ лѣчить скорбь о сынѣ Власѣ радостью, вызванною подавленіемъ польскаго возстанія (К. Студинскій, Літературні замітки, Львів 1901, стр. 68):

„Воно-б не вадило сьогодні й підгулять...
Хиба-ж нас Білий цар до себе позове „служити“?
Звелів не некрута, а козаків давати!
Тепер то будем Ляхів і Турків бити!

*

А тут до Репніна прибіг гонець на двір
Та й каже: Поминай тепер Ляхів, як звали!
Вже Хведорович наш з їх видавив весь жир,
Вже, каже, й могорич в Варшаві запивали.“

Отмітимъ еще одно произведеніе, возникшее въ предѣлахъ русскаго государства и свидѣтельствующее еще разъ о непримиримо-враждебномъ отношеніи украинской интеллигенціи къ возстанію. Событіями 1831 г. вызвана была большая малорусская поэма неизвѣстнаго поэта, вѣрнѣе стихослагателя, впервые появившаяся въ печати въ Кіевской Старинѣ еще въ 1887 г. (№ 6—7), а въ недавнее время по другому списку изданная Вл. Науменкомъ (Нові матеріали для исторіи початків української літератури XIX віку. Збірник історично-філологічного відділу Укр. акад. наук. Вип. 5, Київ, 1923; см. еще сб. Украинські Пропілеї, Кіевъ, 1928). Поэма называется „Варшава“, направлена вся противъ поляковъ, ихъ политической неугомонности, ихъ постоянной враждебности къ Москвѣ—Россіи, въ которой въ сущности, на взглядъ автора, имъ обезпечены были всѣ данныя для свободнаго культурнаго преуспѣянія. Поэма была написана лицомъ, хорошо знавшимъ выдающіеся моменты исторіи польской и вообще славянской, чѣмъ въ эпоху ея появленія слѣдуетъ признать явленіемъ у насъ рѣдкимъ, пожалуй, даже исключительнымъ. Авторомъ ея, какъ мы полагаемъ, могъ быть знаменитый впоследствии русскій славистъ, профессоръ московскаго университета О. М. Бодянский (род. въ 1808 г.), издавшій въ 1837 году разсужденіе на степень магистра „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“, обнаружившее хорошее знакомство молодого ученаго съ славянскою народною пѣсню и судьбами славянскихъ народовъ. Бодянский до этого, въ 1835 г., издалъ въ Москвѣ маленькій сборникъ своихъ поэтическихъ опытовъ, подъ заглавіемъ „Насъкы Украинскы казкы запорозьця Иська Матырынкы“, содержащій три малорусскія сказки въ стихотворной обработкѣ. Позже скромная лира его обратилась къ политическимъ темамъ. Во время славянскаго путешествія (въ 1839 г.) онъ написалъ въ Чехіи, на память бібліотекарю Чешскаго Музея Вячеславу Ганкѣ стихотвореніе „Русскій къ братьямъ своимъ соплеменникамъ“, обнаруживающее и эрудицію ученаго славяновѣда, и вліяніе славянскихъ поэтическихъ мечтаній Коллара и идей Хомякова, а въ 1854 г., подъ вліяніемъ политическихъ событій, онъ написалъ два стихотворенія: „Политика Европы“ и „Опека“, съ тенденціею враждебною коалиціи, ополчившейся въ эту эпоху на Россію (впервые ихъ напечаталъ проф. А. А. Кочубинскій въ ст.: „О. М. Бодянский въ его дневникѣ“. Историч. Вѣстн., 1887, дек., стр. 505—537).

На польскія событія 1831 г. Бодянский (Бодя-Варвинець) отозвался въ 1831 г. стихотвореніемъ „Козацкая пѣсня“ (написана 20 мая 1831 г.

въ Переяславѣ и напечатана впервые въ „Молвъ“, 1833, № 99; отсюда ее перепечатавъ Вл. Каллашъ въ статьѣ: „Къ исторіи малорусской лит. 20-ыхъ и 30-ыхъ гг. XIX стол.“, въ Киевск. Стар., 1900, т. 69, стр. 149—159; ср. К. Студинський, Літер. замітки, Львів 1901, стр. 88).

Поэтъ, привѣтствуя сформированіе указомъ имп. Николая I (отъ 6-го мая 1831 г.) изъ малороссійскихъ казаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ, призываетъ земляковъ:

„...боронити Украину,
Як матір подобає сину.
Скорій ходімо на Ляхів,
Да станем битъ з усіх шляхів!
Ще не забули ми Богдана,
Козацького свого гетьмана,
Як з війском він їх тормошив,
Як їх, де не піймав, душив...
Дамо ся знать свою уроду,
Всіх к чорту з мосту прямо в воду!“

Воинственное настроеніе Бодянского явно создавалось подъ вліяніемъ польскаго возстанія, и весьма вѣроятно, что онъ посвятилъ ему затѣмъ особое произведеніе, какъ онъ откликнулся и позже, напр., по поводу событій 1854 года, въ столь же тревожные дни русской жизни.

Польскія событія уже съ декабря 1830 г. предметъ неоднократныхъ упоминаній въ письмахъ его къ родителямъ. Онъ пишетъ имъ: „Слышали-ль вы о несчастіи, вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ?“ Подѣлившись съ ними нѣкоторыми подробностями о началѣ возстанія, Бодянской далѣе предсказываетъ: „О, бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о войнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ!... Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться войнъ и жалѣть принести въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать“... Въ своемъ патріотическомъ негодованіи на поляковъ Бодянской въ это время доходилъ до того, что въ маѣ 1831 г. въ письмѣ къ родителямъ выражался о нихъ грубо и съ зловѣщими предсказаніями: „Подляковъ сильно наши колотятъ; скоро, скоро падетъ съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя полякъ истребится — и подѣломъ. Котюзи по заслуги!“ Вслѣдъ за этимъ (18 іюля 1831 г.) изъ Переяслава Бодянской пишетъ родителямъ о томъ, что „Дибичъ успе“. И въ далекой провинціи повторилось общее несочувствіе къ безсчастному вождю: „Одни говорятъ, что отъ холеры, а другіе, что такъ нужно было сдѣлать. Мѣсто его заступилъ нашъ хохланецъ Паскевичъ, который 8 іюня добрымъ порядкомъ уже пощелкалъ ляховъ... Скоро будетъ всему конецъ“ (См. Чтенія И. О. Ист. и Др. Росс., 1893, III; Киевск. Стар., 1903, февр., стр. 299, 300).

Если къ этому содержанію писемъ и приведеннаго стихотворенія прибавимъ нѣкоторыя общія черты стилия, повторяющіяся и въ большой поэмѣ „Варшава“, то все это дастъ намъ извѣстное основаніе и эту большую поэму считать плодомъ политической музы Бодянского.

Вѣроятно, на поэта оказало нѣкоторое вліяніе стих. Пушкина, но въ поэмѣ мы встрѣтимъ и несомнѣнные отголоски взглядовъ и статей Погодина (въ Телескопѣ 1831 г.) и даже совпаденія съ ними въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; видны здѣсь и слѣды большой начитанности автора въ исторической литературѣ. Патріотически настроенный поэтъ довольно подробно касается событій 1831 г. и прославляетъ конечную побѣду Паскевича. Онъ упрекаетъ поляковъ въ неблагодарности къ Россіи за все, что она для нихъ сдѣлала:

„Достався Польщи по розділі
Россіи добрый шмат на часть,
А ви сидіти в їй не вмѣли...
Вамъ оддані ваши закони,
Вамъ ваша віра, вашъ языкъ,
Ваши строї, ваши науки...“

Царь русскій устроилъ Царство Польское, организовалъ польское войско, торговлю, высшую школу, отъ поляковъ ожидалъ только „вѣрности й покорности“, но они не оцѣнили дарованныхъ имъ благъ.

„За що-жъ враги ви москалямъ?“ — спрашиваетъ ихъ обличитель-поэтъ. Поляки воспользовались миромъ и пятнадцать лѣтъ готовились начать мятежъ:

„Московської власти ненавидя,
Посміли противъ ней возстать.
Варшава, те гніздо мьятежнихъ,
Хватилась мислю ненадежнихъ,
Що можно москаля побить...“

Далѣе поэтъ строго осуждаетъ „безпокойныя души“, которыя склонили къ бунту чернь, напавшую „на домъ царевича“ и растерзавшую своихъ же поляковъ за вѣрность ихъ царю. Наконецъ, онъ прославляетъ Паскевича:

„Прославсь, Паскевичъ Ериванскій!
По тяжкій праці віддыхай!
Нехай почувствує Варшава,
Що сильна руськая держава,
Карать уміє и простить...“

Въ заключеніе поэтъ обращается съ осужденіемъ къ неугомоннымъ полякамъ и спрашиваетъ ихъ:

„Ляхи! Чи вамъ поволі жити
І знову вамъ зачатъ брикати,
Чи вамъ сусідів колотити,
Спокою людямъ не давати?“

Урокъ французовъ долженъ былъ бы образумити поляковъ, которые не могутъ сидѣть спокойно, думаютъ о мести и прусакамъ, и австрійцамъ, и Москвѣ „за давнее“, готовы связаться и съ туркомъ и обливаться христіанскою кровью, но только бы не сидѣть тихо. Узнавши въ мартѣ 1839 г. изъ вѣнскихъ газетъ „печальную новость“ о закрытіи по распоряженію Государя кievскаго унив. вслѣдствіе студенческихъ волненій, Бодянской, сидя въ Пештѣ, съ презрѣніемъ гнѣвомъ на поляковъ,

не обинуясь, назвалъ ихъ виновниками безпорядковъ: „Эти поляки всюду колобродятъ и не даютъ покоя намъ“. Но спустя нѣкоторое время, въ началѣ 1840 г., Бодянский въ бесѣдѣ съ хорватскимъ баномъ въ Загребѣ коснулся, по заявленію сановника, отношеній Россіи и Польши въ такой деликатной формѣ, что удивилъ его своими сужденіями: онъ не ожидалъ отъ русскаго такого снисходительнаго тона.

Наконецъ укажемъ, что въ 1831 году вышелъ самостоятельнымъ изданіемъ и русскій „Голосъ Украинца при вѣсти о взятіи Варшавы“ О. М. Сомова (СПБ. Въ типогр. Н. Греча. 1831. 8°, 16 стр.). Экземпляръ этого „Голоса“ имѣется въ бібліотекѣ Пушкина, съ такимъ надписаніемъ: „Ясневельможному пану Гетманичу найаснѣйшаго Аполлона Александру Сергіевичу Пушкину одъ найнижшого пидножка Парнасъкого Порфирія Байського“ (См. Пушкинъ и его соврем., вып. IX—X, каталогъ библ. Пушкина, стр. 98). Содержанія его мы не знаемъ, но нельзя сомнѣваться, что „Голосъ“ Сомова звучалъ согласно съ протестомъ Пушкина.

Такъ широко и разнообразно отозвалась русская общественность Украины на старый споръ славянъ между собою. Она видѣла перво-причину его въ стремленіи поляковъ возстановить т. н. историческія права и отвергла ихъ.

* * *

Стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ имѣетъ въ славянскихъ литературахъ свою небольшую исторію. Хорватскій поэтъ эпохи „иллиризма“ Станко Вразъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ своихъ русскихъ друзей И. И. Срезневскаго или О. М. Бодянскаго, перевелъ его подъ заглавіемъ: *Klevetnikom Ruske (Děla, IV, 82—83)*; переводъ другого хорватскаго поэта Меда Пуцича появился въ альманахѣ *Dubrovnik (sv. II za god. 1850, str. 252—254, Zagreb, 1851)* подъ загл.: *Klevetnicima Rusije*; потомъ появились еще два хорватскихъ перевода: Эда Јосифовича Асангера въ газетѣ *Narodne Novine, 1862, № 44*, а въ 1893 г. Ст. Шпанича въ загребскомъ журналѣ *Prosvjeta (№ 5)*. Интересно отмѣтить, что въ томъ же альманахѣ *Dubrovnik (sv. II, str. 256)*, рядомъ съ переводомъ стихотв. Пушкина, помѣщенъ переводъ извѣстнаго уже намъ стихотв. Беранже: *Hâtons nous (Pospiešimo se)*. Для хорватскаго читателя одинаково интересны были голоса обѣихъ сторонъ, и онъ выслушивалъ ихъ спокойно. Два словинскихъ перевода Весела-Веснина (*Vesel-Vesnina*), подъ заглавіемъ „*Obrekovalcem Ruske*“, и Янеза Менцингера (*Janez Mencinger*) напечатаны въ сб. „*Pesmarica d-ra Razlaga*“ (*Ljubljana, 1873*). Во второмъ переводѣ опущены, по непонятнымъ соображеніямъ, два стиха, 13-ый и 14-ый, т. е. именно тѣ, которые вызывали столько споровъ. Въ переводѣ Весела они сохранены. Словацкій писатель Виліамъ Паулини-Тотъ въ своемъ ярко славянофильскомъ журналѣ *Sokol (III, 1864, стр. 261)* напечаталъ стихотвореніе это цѣликомъ въ русскомъ оригиналѣ, конечно, не съ цѣлью обличенія Пушкина, а очевидно, какъ

выраженіе славянской идеи поэта. Хорватскій поэтъ Августъ Шеноа (A. Šenoa), несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ стихотв. Пушкина написалъ свое „Klevetnikom Hrvatske“, имѣющее специально хорватское содержаніе. Въ болгарской литературѣ отголосокъ пушкинскаго стихотворенія можно усмотрѣть въ неуклюжихъ виршахъ педагога Т. Н. Шишкова (Элементарна Словесность, Цариградъ 1873, стр. 93 и 173), возстающаго противъ притѣсненій болгаръ и ихъ національныхъ стремленій греческимъ духовенствомъ (См. И. Д. Шишмановъ, Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ. Пушкинъ въ югослав. литерат., I, 36, Сборникъ отд. рус. яз. и слов., т. LXX):

„Що закрыптъхте, тронове Митрополитскы?
Що зашумѣхте, пастыри Византійскы?
Защо ли сте така станали,
Или защото са пробуди въ насъ народенъ духъ — за това ли?“

Новѣйшая работа, посвященная творчеству поэта-словака Андрея Сладковича (1820—1850), большого цѣнителя и почитателя поэзіи Пушкина, усматриваетъ вліяніе русскаго поэта въ стихотв. „Nehaňte ľud tój“ (Не осуждайте народа моего); въ композиціи этого стихотв. поэтъ слѣдуетъ „Клеветникамъ Россіи“ (Fl. Kleinschnitzová, Andrej Sladkovič a jeho doba, Praha, 1928, стр. 162). Такимъ образомъ, повсюду въ Славянствѣ стихотв. Пушкина постепенно сдѣлалось извѣстнымъ, и нигдѣ мысли его не вызывали возраженій или порицанія.

Что касается литературы чешской, вообще рано познакомившейся съ музой Пушкина, то стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ сдѣлалось извѣстнымъ у чеховъ позже другихъ произведеній Пушкина. Когда оно въ подлинникѣ проникло въ чешское общество и стало извѣстнымъ въ большомъ кругу чеховъ, любителей русской литературы, мы не можемъ сказать, но надо думать, что его знали, въ виду большой популярности твореній Пушкина въ Чехіи, раньше въ оригиналѣ, чѣмъ въ переводѣ. Первый переводъ его, рядомъ съ оригиналомъ, напечатаннымъ чешскимъ правописаніемъ, появился въ самомъ концѣ 1849 г. въ фельетонѣ газеты Národní Noviny (22 декабря, № 308), издававшейся знаменитымъ чешскимъ публицистомъ и поэтомъ Карломъ Гавличкомъ Боровскимъ (см. J. P. Koubka Sebrané spisy, III, 227). Въ новѣйшее время стихотв. Пушкина перевела Е. Красногорская (Sborník svѣt. poesie, č. 27).

Гавличекъ, приглашенный, по рекомендаціи Шафарика, Погодинымъ въ началѣ сороковыхъ годовъ (1843—1844) въ Москву въ качествѣ воспитателя его дѣтей, очутился по измѣнившимся условіямъ въ домѣ извѣстнаго профессора С. П. Шевырева. Вращаясь преимущественно въ кругу московскихъ славянофиловъ, ученыхъ и литераторовъ, молодой чехъ имѣлъ рѣдкую для иностранца возможность познакомиться съ настроеніями и взглядами, прежде всего, этой части русской интеллигенціи; въ этомъ кругу онъ могъ основательно изучить русскую литературу, дабы познакомить потомъ съ плодами ея чешское общество; дѣйствительно, онъ былъ первымъ переводчикомъ произ-

веденій Гоголя на чешскій языкъ. Къ сожалѣнію, всѣ замѣчанія юнаго, едва двадцатидвухлѣтняго (род. въ 1821 г.) славянскаго гостя о русскихъ писателяхъ и ихъ творчествѣ были поверхностны и болѣе смѣлы, чѣмъ основательны. Гавличекъ уѣхалъ изъ Россіи съ явнымъ предубѣжденіемъ противъ всей нашей, безспорно блестящей въ эту эпоху литературы и ея замѣчательныхъ представителей и съ пренебрежительнымъ осужденіемъ всей русской общественности.

Появленіе перевода стихотворенія Пушкина, котораго Гавличекъ какъ-то причислил къ сонму ничтожныхъ подражателей, въ его боевой политической газетѣ слѣдуетъ, повидимому, объяснить тѣмъ, что это произведеніе касалось большой славянской проблемы, большого вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ. Переводъ принадлежалъ перу незначительнаго поэта Яна Православа Коубка (1805—1854), профессора чешской литературы въ пражскомъ университетѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ жилъ во Львовѣ, познакомился въ Галичинѣ съ литературой польской и русской, переводилъ съ русскаго и польскаго языковъ, былъ вообще настроенъ славянофильски. Коубекъ, въ годы пребыванія въ Галичинѣ, заинтересовался вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и галицкихъ русскихъ (русиновъ) и вообще отношеніями Россіи и Польши. Этихъ темъ онъ коснулся въ статьѣ „Slovo o panslavismu“ (Sebr. spisy, IV, str. 75—155). Славянскую взаимность, какъ и его предшественники, онъ понималъ въ смыслѣ исключительно ученое и литературное, но не въ политическомъ. Присоединенія славянъ къ Россіи онъ не желалъ, и „панславизмъ“ въ этомъ смыслѣ не былъ для него страшенъ. Переводу стихотв. „Клеветникамъ Россіи“, многозначительно озаглавленному въ чешской газетѣ: „Les progres confessions d’Alexandre Pouchkine“, предпослано небольшое предисловіе, очевидно, самого переводчика. Здѣсь онъ касается знакомой намъ темы о большомъ невѣжествѣ Западной Европы во всемъ, что касается Россіи, какъ коснулся ея и въ упомянутой статьѣ о панславизмѣ (1847 г.). Неудивительно, что въ самыхъ лучшихъ иностранныхъ журналахъ встрѣчается такъ много ложныхъ сужденій не столько о русскомъ правительствѣ, сколько, вѣрнѣе, о русскомъ народѣ. Но это игноранство наблюдается, къ сожалѣнію, въ достаточной мѣрѣ и среди славянъ. Авторъ предисловія отмѣчаетъ лживые отзывы о русскихъ, только-что въ союзѣ съ австрійцами воевавшихъ противъ мадьяръ, распространяемые нѣмецкою и французскою печатью. Ученые французы и нѣмцы знаютъ, конечно, больше о сѣверной Америкѣ, о Техасѣ, о Бразиліи, Индіи, Персіи, чѣмъ о Европейской и Азіатской Россіи. Къ сожалѣнію, къ этимъ нелѣпымъ рассказамъ о Россіи съ незаслуженнымъ довѣріемъ отнеслись и многіе славяне. Правда, болѣе образованный славянинъ никогда не вѣрилъ и не можетъ повѣрить тѣмъ старымъ клеветникамъ, чужеземнымъ псевдоученымъ и публицистамъ, которые отводятъ мѣсто русскимъ рядомъ съ башкирами, калмыками, остяками, вогулами, черемисами и иными зауральскими некультурными инородцами (nevzdělanci), однако опыты насъ учить, что многія изъ

такихъ сказокъ и злобныхъ вымысловъ о русскихъ изъ неславянскихъ журналовъ попадали въ славянскіе и принимаемы были съ довѣріемъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своей газеты *Národní Noviny*, закрытой австрійской цензурой въ январѣ 1850 г., Гавличекъ какъ-будто повторилъ устами своего сотрудника въ общей формѣ свои прежнія наблюденія о невѣжествѣ Европы и враждебномъ ея отношеніи къ славянамъ. Нельзя не усмотрѣть здѣсь и протеста противъ тѣхъ псевдонаучныхъ историко-этнографическихъ теорій о туранизмѣ, монголизмѣ или вообще азіатизмѣ великорусовъ, которыя такъ усердно распространяли въ трудахъ своихъ пресловутый Духинскій и разные легкомысленные французы (см. Ламанскаго, Объ историч. изученіи греко-слав. міра, 279 и сл.). Нелѣпныя теоріи Духинскаго повторялъ еще въ концѣ шестидесятаго года (въ *Revue Contempor.*, 1860, 31 Décembre), Paul de St. Vincent въ статьѣ: „La Poésie Oukraïnienne“, увѣрявшій, что „les Moskovites sont de race Ouralienne“. Но уже въ 1866 году Вл. Мицкевичъ, издавая чтенія своего отца о Славянахъ (*Les Slaves, histoire et litterature etc.*, Paris 1866), осудилъ и отвергъ взгляды Духинскаго.

Вступительная замѣтка чешскаго переводчика стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ заканчивалась слѣдующими словами: „Стихотвореніе, которое мы сообщаемъ въ нашей газетѣ, написанное во время войны русскихъ противъ поляковъ (1830—1831) Александромъ Пушкинымъ и восторженно принятое всѣми русскими, даетъ намъ нѣкоторое представленіе объ идеѣ славянской взаимности, которая не перестаетъ прокладывать себѣ далѣе широкій путь, хотя преподаваніе славянской филологіи въ русскихъ университетахъ, какъ говорятъ иностранные журналы, было будто бы царскимъ указомъ прекращено“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ политическихъ событій наши большія связи съ Прагою ослабѣли, и неудивительно, что чешскій писатель сообщалъ по иностраннымъ источникамъ такія невѣрныя свѣдѣнія.

Читатель газеты Гавличка долженъ былъ составить себѣ на основаніи стихотворенія Пушкина представленіе о томъ, какъ понимали и понимаютъ идею славянской взаимности на Руси. Въ этихъ вступительныхъ строкахъ авторъ, очевидно, хотѣлъ обратить вниманіе чешскаго читателя на русскихъ славянофиловъ и на ихъ концепцію славянской идеи, и недаромъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ разсматривалось имъ, какъ *les propres confessions d'Alexandre Pouchkine*. Это есть исповѣданіе вѣры Пушкина, и великій поэтъ, какъ слѣдуетъ заключать, причисляется къ тѣмъ русскимъ писателямъ, которые могутъ считаться носителями и яркими выразителями великой идеи славянской взаимности, столь много занимавшей и Гавличка и Коубка.

Добавимъ еще, что тотъ же Коубекъ въ послѣднемъ номерѣ газеты Гавличка (*Národní Noviny*, 1850, ч. 17, отъ 18 января, стр. 63) помѣстилъ большое стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Слово и дѣло“ (*Slovo a čin*), въ коемъ обращается къ славянамъ съ призывомъ объединить свои силы и способствовать этимъ соединеніемъ созданію славянской мощи, а тѣмъ самымъ и славянской свободы. Особенно знаменательно

обращение его къ бѣлому орлу братьевъ-ляховъ, который долженъ соединиться со своею „матерью Славой“, дабы, блуждая въ одиночествѣ по кривымъ путямъ, не погибнуть отчаянною смертью Каина. Тѣнь Яна III (Собѣскаго) призываетъ своихъ милыхъ сыновъ болѣе вдумчиво относиться къ идеѣ славянскаго единства :

„Zoufajících bratří Lechů slavný orel bílý
Se svou matkou Slávou svoje musí spojit síly,
Hledme, aby osamělec cestou bloudě křivou,
Nezahynul bratr smrtí Kaina zoufánlivou.
Lech byl štítem Němců v hrozném boji Bisurmanském,
Za to trpěl jako Kristus v sadě Jetsemanském,
Jana Třetího stín na své milé volá syny,
Aby lépe dbali slovenské své prarodiny...“

Стихотворение это, помѣченное въ газетѣ Гавличка только особымъ знакомъ, какъ и переводъ „Клеветникамъ Россіи“, но не подписанное авторомъ, не вошло въ собраніе сочиненій Коубка; оно перепечатано было въ собраніи статей Гавличка (*Duch Národních Novin*, 1851, стр. 279—281), а потомъ въ изданіи его политическихъ статей (К. Havlíčka Spisy politické. Vyd. Zd. Tobolka), безъ указанія имени автора, но принадлежность его Коубку не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ мы имѣемъ документальныя данныя.

Такимъ образомъ, Коубекъ, сочувствуя вполне страданіямъ братьевъ-поляковъ (*lechi*), съ горестью взиравъ на ихъ грѣхи и заблужденія въ отношеніи къ Славянству, звалъ ихъ опомниться и искать опоры въ славянской семьѣ. Путей къ такому объединенію и способовъ осуществленія его онъ здѣсь, конечно, не касается,— они подсказывались самой идеей.

Самъ Гавличекъ нѣсколько раньше въ своей газетѣ (*Nár. Noviny* 1849, ч. 264, 8 ноября), въ статьѣ, вызванной русской интервенціей въ австрійско-мадьярскомъ конфликтѣ, возражая нѣмецкой и чешской офиціозной печати, увѣрявшей, во исполненіе намѣреній австрійской дипломатіи, что панславянскія стремленія являются общимъ врагомъ и Австріи и Россіи, въ чемъ, какъ извѣстно, всегда усердно убѣждала русскую дипломатію Вѣна, съ свойственной ему рѣшительностью утверждалъ, что Россія не можетъ быть, конечно, причисляема къ врагамъ панславизма, т. е. идеи соединенія всего Славянства подъ русскимъ главенствомъ, хотя мы знаемъ достовѣрно, какъ лояльно русское правительство въ эту эпоху отрекалось отъ выраженія простыхъ славянскихъ сочувствій русскаго общества. Въ доказательство этого утвержденія о давности панславянскихъ замысловъ Россіи Гавличекъ даетъ пространную историческую справку.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, приводя въ порядокъ бібліотеку московскаго генераль-губернатора, Гавличекъ нашель въ ней напечатанную въ 1806 году въ Петроградѣ въ правительственной типографіи „Пѣснь объ освобожденіи Сербіи“ (*Píseň o osvobození Srbska*), на сербскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Въ ней неизвѣстный

поэтъ величаетъ Александра I, „преславнаго государя, великаго славянскаго царя, милой Сербіи любезнаго господаря“, и призываетъ двуглавыхъ орловъ (сербскій гербъ, какъ и русскій — двуглавый орелъ) вознестись надъ Альпами, Ураломъ и Кавказомъ: „Пусть все славянство носить нынѣ въ сердцѣ своемъ ему предназначеннаго героя наслѣдника, пусть любить его и гордится имъ. Сестрамъ своимъ пусть сообщить радостную вѣсть, чтобы онѣ не теряли времени, ибо дни бѣгутъ, солнце сіяетъ, — пусть же онѣ прозрять, пусть не лежать на вѣки во мракѣ! Вся русско-славянская сила на морѣ и на землѣ поднимается на помощь, чтобы освободить сестеръ своихъ отъ тиранніи“... Сестры эти, по замѣчанію Гавличка, переименованы здѣсь съ исключительной основательностью, дабы не недоставало ни одной изъ нихъ. Это—Польша, Поруссія, Саксонская Мишень (Meissen), Силезія, Угрія, Чехія, Штирія, Иллирія, Тироль, Венеція, Корошъ (Коринейя), Далмація, Рагуза, Черногорія, Албанія, Алаунія, Эпиротія, или Малая Русь, Боснія, Болгарія, Семиградія, Молдавія, Валахія, Галиція, или старый русскій Галичъ, однимъ словомъ — „всѣ племена и народы славянскаго происхожденія“. Анонимный, несомнѣнно нерусскій поэтъ нагромоздилъ здѣсь горы географическихъ и этнографическихъ несообразностей.

Гавличекъ остановился, однако, на этомъ тяжеломъ произведеніи нерусской музы съ цѣлью доказать, что здѣсь мы имѣемъ совершенно отчетливое проявленіе панславистскихъ вождельній Россіи. Онъ съ большимъ авторитетомъ заявляетъ: „Если бы сейчасъ у насъ было время просмотрѣть наши выписки (excerpta), то мы могли бы доказать, что уже въ царствованіе Екатерины Великой такіе взгляды господствовали среди образованнѣйшихъ людей Россіи“. И далѣе совершенно безосновательно, словно воспроизводя какіе-то слухи австрійско-нѣмецкой печати, утверждаетъ: „Что касается нынѣшняго государя, то намъ извѣстно, что въ его царствованіе въ русскихъ университетахъ были учреждены панславистскія (panslavistické) профессуры, что много русскихъ филологовъ было послано за границу, особенно въ Австрію, которые съ удивительною основательностью описали въ Журналѣ министерства народн. просвѣщенія и, кромѣ того, какъ намъ хорошо извѣстно, еще и въ особыхъ частныхъ донесеніяхъ современное положеніе австрійскихъ славянъ“. Гавличекъ, конечно, имѣетъ въ виду, прежде всего, отчеты М. П. Погодина, а затѣмъ ученые донесенія нашихъ молодыхъ славистовъ О. М. Бодянского, П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго. Если Погодинъ дѣйствительно говорилъ въ своихъ докладахъ о положеніи славянъ вообще, не только австрійскихъ, то отчеты названныхъ славистовъ были строго-учеными филологическими разсужденіями и не касались вовсе вопросовъ политическихъ. Это ихъ отличительная черта, Гавличку совершенно неизвѣстная.

Въ царствованіе имп. Николая, по увѣренію Гавличка, изученіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій, т. е., главнымъ образомъ, чешскаго, польскаго и югославянскихъ (jihoslovanština), сдѣлано было обязательнымъ предметомъ въ русскихъ университетахъ. Гавличекъ, какъ мы знаемъ,

былъ лично и близко знакомъ съ профессоромъ славянскихъ языковъ въ московскомъ университетѣ О. М. Бодянскимъ, присутствовалъ у него на экзаменахъ и долженъ былъ составить себѣ ясное представленіе объ истинномъ назначеніи и дѣйствительномъ характерѣ новыхъ славянскихъ каедръ, между тѣмъ онъ ограничивается недвусмысленнымъ, но необоснованнымъ намекомъ: „Какую цѣль имѣло при этомъ правительство имп. Николая Павловича, я конечно не могу опредѣлить, но всякій легко объ этомъ можетъ догадаться. Впрочемъ, что касается общественнаго мнѣнія въ Россіи по этому предмету, то я, имѣя въ виду истинную правду, могу завѣрить, что тамъ существуетъ сильная партія, культивирующая этотъ большой панславизмъ единственно изъ русскаго патріотизма, не какъ нѣчто запрещенное и подпольное, не какъ нѣкій заговоръ, а совершенно явно, въ общественной жизни и печати“. Гавличекъ увѣряетъ, что доказать это онъ могъ бы сообщеніемъ многихъ чрезвычайно интересныхъ цитатъ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ не привелъ. Едва ли ихъ было бы много, да и значеніе ихъ, какъ выраженія панславянскихъ замысловъ, весьма сомнительно. Такое ни на чемъ не основанное подозрѣніе касательно истинной цѣли ученыхъ поѣздокъ по славянскимъ землямъ первыхъ русскихъ славяновѣдцовъ повторилъ въ пятидесятыхъ годахъ хорватскій писатель Никола Томмасео (См. Пыпинъ, Панславизмъ въ прошломъ и наст., 1913, стр. 13). Эти подозрѣнія можно, прежде всего, опровергнуть тѣми инструкціями, которыя давались въ руководство молодымъ ученымъ. Но въ атмосферѣ австрійской подозрительности сомнѣнія держались крѣпко.

Славянская идея дѣйствительно жива была въ русскомъ общественномъ сознаніи не только въ кругу славянофильскомъ въ годы пребыванія Гавличка въ Москвѣ, — она ярко проявилась въ политическихъ программахъ тайныхъ обществъ въ эпоху Александра I, она искренно волновала декабристовъ, и нѣкоторые проблески ея мы можемъ подмѣтить дѣйствительно и въ русской поэтической литературѣ конца XVIII ст. Такъ, поэтъ екатерининской эпохи В. П. Петровъ въ „Одѣ на присоединеніе польскихъ областей къ Россіи“ (1793) зоветъ славянъ къ единенію и совершенно въ духѣ польскаго поэта Трембецкаго или Воронича напоминаетъ имъ о единствѣ ихъ происхожденія и такъ же, какъ Колларъ, который статую объединеннаго Славянства отлиываетъ изъ разныхъ славянскихъ металловъ и Россію дѣлаетъ головою ея (*Rusko bych hned v její hlavu skulil*), главою объединеннаго Славянства желаетъ видѣть Россію:

„Къ ружью! о храбрые Славяне...
Родоначальникъ нашъ единъ...
Прійдетъ нѣкогда то время,
Въ которо все Славянско племя
Въ честь Норда препояшетъ мечъ,
Россь будетъ тѣлеси главою,
Тронувъ свой родъ побѣдъ молвою,
Онъ, каждый въ расточеньи членъ
Собравъ, въ едино совокупитъ

И, твердь родствами, гордо ступить
Межь всѣхъ въ подсолнечной колѣнъ!“

Въ стихотвореніи на смерть в. кн. Александры Павловны, жены венгерскаго палатина Іосифа, безвременно скончавшейся въ Пештѣ въ 1801 г., весьма любимой сербскимъ православнымъ населеніемъ венгерской столицы и ея окрестностей, ту же мысль о кровномъ и духовномъ единствѣ Славянства высказалъ и Державинъ, и воображенію его рисовалось даже фантастическое объединеніе въ формѣ „славяно-русско-сербскаго царства“ (Сочиненія Державина, акад. изд., т. II, стр. 588, ср. еще т. I, стр. 787, 588 и др.):

„Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ!
Славяно-русско-сербско царство.“

Для установленія извѣстной связи славянскихъ мечтаній первой четверти XIX ст. и такой же мысли Пушкина объ объединеніи или сліяніи славянъ въ этихъ поэтическихъ изъясненіяхъ можно было бы найти нѣкоторую опору.

По недоразумѣнію Гавличекъ основалъ свои разсужденія о яко бы давнихъ и широкихъ панславистскихъ замыслахъ русскаго правительства на источникъ весьма сомнительной цѣны. „Пѣснь объ избавленіи Сербіи“ была написана извѣстнымъ въ новой сербской литературѣ писателемъ и философомъ Досиѣемъ Обрадовичемъ и впервые напечатана была въ Вѣнѣ еще въ 1789 г. (Пѣсна о избавлѣнію Сербіе. Візнѣ. При Іосифѣ благородномъ от Курцбекъ), и тогда она воспѣвала австрійскаго императора Іосифа II („Сербіе миле, мили Господару!“) и Екатерину II, Кобурга и Суворова за ихъ борьбу съ турками („Вась не славить премнога племена, защо крозь вась турска сила гине“). Очевидно, новое русское изданіе 1806 года, сдѣланное послѣ пребыванія Обрадовича въ главной квартирѣ русской арміи въ Букурештѣ, съ особой миссіей сербскаго Правительствующаго Совѣта, было имъ соотвѣтственно новымъ обстоятельствамъ измѣнено и никоимъ образомъ не можетъ считаться выразителемъ истинныхъ славянскихъ намѣреній Россіи. Оно есть отголосокъ чаяній лишь сербскаго народа.

Приведенныя нами замѣчанія Коубка и Гавличка достойны вниманія и имѣютъ прямое отношеніе къ той легендѣ о панславистскихъ замыслахъ Россіи, стремившейся яко бы поглотить прочія славянскія племена, которая издавна творилась и вокругъ разсматриваемыхъ нами произведеній Пушкина, по широко распространенному мнѣнію, отражающихъ въ поэтической формѣ именно эти мечтанія.

Стихотворенія Пушкина были долго и неизмѣнно какимъ-то пугаломъ не только для нашихъ враговъ, — ихъ не понимали и извращенно толковали и много позже, казалось, безпристрастные и объективные наблюдатели историческаго спора, какими были чехи. Когда въ 1871 г. Москва торжественно справляла пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности Погодина, и одинъ изъ ораторовъ (кн. Черкасскій) въ рѣчи своей, при-

зывавшей славянъ и русскихъ къ самопознанію, процитироваль стихъ Пушкина: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ“, то въ чешскихъ газетахъ заговорили вновь о „панславянскомъ призракѣ въ политическомъ смыслѣ“. На эти опасенія Погодинъ отвѣчалъ чешскимъ редакторамъ: „Они могутъ успокоиться: ни мы, частные люди, ни мнимая старо-русская, или московитская партія, которой нигдѣ слѣдовъ не видать, ни правительство (оно всѣхъ менѣе) не имѣли и не имѣемъ никакихъ панславянскихъ намѣреній и стремленій въ политическомъ смыслѣ, въ смыслѣ преобладанія Россіи надъ славянскими племенами“. Особенно замѣчательны дальнѣйшія строки историка: „Самъ Пушкинъ, писавъ посланіе къ клеветникамъ Россіи, котораго происхождение или зарожденіе извѣстно мнѣ болѣе, нежели кому-нибудь другому, думаль только о Польшѣ, которая тогда возмутилась, и о которой раздавались неистовыя восклицанія во французской палатѣ депутатовъ. О племенахъ славянскихъ, ихъ исторіи и настоящемъ положеніи онъ имѣлъ понятія очень темныя и, какъ поэтъ, видѣлъ только съ одной стороны неизмѣримое пространство Россіи съ безчисленнымъ населеніемъ, а съ другой тѣсныя и малолюдныя славянскія, и выразилъ, вдохновенный, свое впечатлѣніе сравненіемъ ихъ съ моремъ и ручьями, имѣя въ мысли все-таки одинъ притокъ польскій“. И въ доказательство полного отсутствія въ русскомъ обществѣ панславянскихъ поглощающихъ стремленій и въ „вящее ободреніе“ и успокоеніе чешскихъ публицистовъ Погодинъ добавилъ интересную деталь: при произнесеніи кн. Черкасскимъ стиховъ Пушкина: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ“ въ залѣ послышалась успокаивающая и поясняющая истинный смыслъ словъ поэта поправка: „Въ общемъ морѣ! Въ общемъ морѣ!“

Погодинъ заявилъ еще разъ о дѣйствительномъ стремленіи своему и единomyшленниковъ къ единству только „духовному, нравственному и литературному“ (Рѣчь, произнесенная М. П. Погодинымъ на обычномъ обѣдѣ, въ память перваго Слав. съѣзда въ Москвѣ 1867 г., 16 мая 1872 г. См. Собраніе статей, писемъ и рѣчей по поводу Славянскаго вопроса. М. 1878, стр. 109—110).

И въ другомъ случаѣ Погодинъ, съ тою же увѣренностью добросовѣстнаго наблюдателя и участника русской общественной жизни, повторилъ, что панславянскихъ стремленій въ Россіи нѣтъ. „Но гдѣ же они есть?“ спрашивалъ онъ. „Развѣ Сербія, Чехія, Кроація, Болгарія желаютъ политическаго соединенія съ Россіей?“ Онъ хорошо зналъ западно-европейскую печать, особенно австрійскую, зналъ, какъ наша дипломатія отрещивалась отъ Славянства, съ какимъ равнодушіемъ принимались его записки по славянскимъ дѣламъ, и могъ поэтому завѣрить, что панславянскія стремленія находятся только въ дипломатическихъ портфеляхъ, откуда по временамъ выпускаются, на примѣръ, во Франціи, какъ пугало для Европы, въ Австріи, какъ предлогъ къ ограниченію или смиренію славянъ, въ Турціи, какъ средство для возбужденія противъ Россіи (*ibid.*, стр. 119).

Но сила предубѣжденія и рабская зависимость отъ укоренившихся

предразсудковъ въ отношеніи къ лицамъ и ихъ большимъ мыслямъ такова, что старья заблужденія живутъ и упорно не исправляются.

Въ новѣйшемъ трудѣ по исторіи польскаго славянофильства (Z. Klarnerówna, Słowianofilstwo w literaturze polskiej, 1800—1848, Warszawa, 1926, str. 136) авторъ опять, не колеблясь, утверждаетъ, что идея панславизма была въ 1831 г. формулирована въ „официальномъ“ стихотвореніи Пушкина „Клеветникамъ Россіи“, яко бы предвѣщающемъ (zapowiadającym) слияніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ.

VIII.

Идея славянскаго объединенія въ началѣ XIX ст. нашла достаточно ясное отраженіе въ русской политической мысли. Мы видѣли нѣкоторыя проблески ея и въ нашей литературѣ XVIII в. Точно такъ же она нашла своихъ выдающихся глашатаевъ въ литературѣ польской съ конца XVIII ст., особенно въ моменты тревожные и роковые для государственнаго бытія польскаго народа.

Въ первые годы XIX вѣка знаменитый основатель харьковскаго университета В. Н. Каразинъ сочинилъ проектъ созданія особаго „царства Словенъ“, во главѣ котораго былъ бы поставленъ кто-либо изъ братьевъ имп. Александра I (интересная записка Каразина кн. Чарторыйскому о славянахъ напечатана въ Р. Стар., 1871, іюнь). Это новое царство, по его мысли, должно было объединить балканскія земли и югославянскія области австрійской монархіи. Вскорѣ затѣмъ русскій морякъ В. Б. Броневскій, имѣвшій возможность лично ознакомиться съ славянскими народами и ихъ настроеніями, краснорѣчиво развиваетъ мысль объ организаціи большаго славянскаго союза— федераціи, которая должна стать противовѣсомъ замысламъ Наполеона; онъ доказываетъ, что Россія въ своихъ интересахъ должна позаботиться о сохраненіи Славянства (См. его Записки морскаго офицера, 1818—1819; Путешествіе отъ Триеста до Петербурга въ 1810 г., 1828 г.).

Для исторіи славянсконъ идеи особенное значеніе имѣетъ его записка „О пользѣ освобожденія славянъ Россіею“, составленная въ августѣ 1807 г. и напечатанная впервые проф. В. Богишичемъ (Отчетъ о XIII присужденіи наградъ гр. Уварова, СПб., 1872). Броневскій предполагалъ соединеніе всѣхъ славянъ съ Россіею. Начало такому соединенію желали положить сами южные славяне. Къ имп. Александру I поступила просьба сербовъ о присоединеніи ихъ къ великой славянсконъ державѣ: на Россію они смотрѣли, какъ на родину-мать и просили у нея помощи для замышляемаго, вмѣстѣ съ сербами Баната и Срѣма, освобожденія отъ ига турецкаго и нѣмецкаго. „Россія, говорилось въ этой запискѣ, есть нравственный центръ славянъ, которые всюду томятся подъ чужеземнымъ игомъ, испускаютъ стоны, подавляемые только страхомъ, и не ждуть ничего иного, какъ только генія-освободителя. Въ интересахъ Россіи присоединить къ своимъ силамъ силы славянскія. Славяне со-

храняютъ свой національный характеръ долго и потому не сольются съ другими народами. Они могутъ на время подчиниться иноплеменникамъ, но никогда не перестанутъ мечтать о бывшей независимости. Эта упругость характера ихъ есть лучшее ручательство будущей свободы всѣхъ славянъ“. (Объ этой Запискѣ см. въ статьѣ Перволюфа въ ж. Osvĕta, 1878, VI, str. 424; чешскій переводъ ея въ газетѣ Pokrok, 1876, č. 28; ср. его же: Die slawisch-orientalische Frage, S. 87.)

Объединеніе Славянства въ этихъ русскихъ проектахъ мыслится, какъ обыкновенно и у другихъ славянъ, всегда съ Россіей во главѣ. Александръ I въ рѣчи, произнесенной при открытіи польскаго сейма 15—27 марта 1818 г., самъ внушалъ полякамъ эту мысль о необходимости тѣснѣйшей связи ихъ судьбъ съ Россіей и убѣждалъ ихъ, что въ этомъ спасительномъ союзѣ они обрѣтутъ всѣ данныя для своего возрожденія: „Поляки! Освобождаясь отъ гибельныхъ предубѣждений, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію. Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія“.

Въ польской ученой и поэтической литературѣ XVIII и начала XIX в. можемъ назвать довольно большую числомъ и значительную именами лицъ группу писателей-славянофиловъ, которые обращаютъ взоры свои на Россію, высказываютъ открыто мысль о необходимости союза съ родственнымъ русскимъ народомъ и готовы признать за Россіей примать въ Славянствѣ.

Придворный поэтъ короля Станислава-Августа Трембецкій въ XVIII стол. выступаетъ какъ убѣжденный сторонникъ Россіи, и ему грезится возможность объединенія русскихъ и поляковъ подъ однимъ скипетромъ. Просвѣщеннѣйшій ученый и политическій мыслитель Станиславъ Сташиць приходитъ къ заключенію, что великая славянская федерація народовъ и государствъ создастся подъ главенствомъ Россіи. Мысль о необходимости для Польши соединиться съ державою Александра I постоянно проводится въ различныхъ воззваніяхъ князя Адама Чарторыйскаго (1807 г. и др.). „Воскресеніе Польши“ и соединеніе значительной части польскихъ земель подъ властью Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго, много способствовало усиленію этого настроенія. Славянская идея въ польской поэтической литературѣ находитъ своего пѣвца и въ лицѣ епископа Яна П. Воронича, короновавшаго въ 1829 г. Николая I польскою короною. Онъ радовался (Hymn do Boga) соединенію несчастной Польши съ „побратимской“ Россіей, опорой новаго бытія поляковъ. Въ другомъ произведеніи (Zjawienie Emilki) Вороничъ въ мессіанистическомъ духѣ говорилъ о такомъ же призваніи Польши, которая должна естественнымъ звеномъ соединить всѣхъ славянъ (przypadniem ogniwnem wszystkich związać braci).

Въ день принесенія поляками присяги Александру I въ Варшавѣ (20 іюня 1815 г.) членъ временнаго правительства Ваврежцкій въ рѣчи,

произнесенной въ кафедральномъ соборѣ, выразилъ не только радость по поводу соединенія наибольшей части Польши съ Россіей, но и сожалѣніе о томъ, что это соединеніе не состоялось сорока годами раньше, т. е. до раздѣловъ Польши, ибо тогда милліоны братьевъ (т. е. остальные части Польши) не были бы отдѣлены и не попали бы подъ чуждыя славянамъ правительства, не подчинились бы чуждымъ законамъ и чужому языку. Поэтому и кс. Копчинскій, привѣтствовавшій Александра I латинской одой и радовавшійся соединенію „части Лехіи“ съ Россіей, звалъ въ этотъ союзъ все прочее Славянство, увѣренный въ томъ, что „духъ Александра“ повсюду будетъ дѣйствовать благотворно, создастъ благопріятныя условія для преуспѣянія славянскихъ народовъ:

„Niech reszta — ziemia Sławian niech cała przybędzie,
Działać duch Alexandra nie przestanie wszędzie“...

Юліанъ У. Нѣмцевичъ называетъ поэтому Александра I въ одной изъ своихъ торжественныхъ рѣчей (1828 г.) „Цезаремъ Славянъ“ (Cezar Sławianów).

Въ бурные дни 1831 г. въ Варшавѣ вышла большая поэма Мартина Мольскаго: „Stanisłaida albo uwagi nad panowaniem Stanisława Augusta Króla Polskiego, obejmujące wydarzenia w Polsce aż po rok 1796“, выражающая ту же мысль о пользѣ объединенія. Коснувшись большого вопроса о причинахъ раздѣловъ Польши, поэтъ обращаетъ взоры на сѣверъ, подобно тому, какъ въ концѣ XVIII и особенно въ началѣ XIX ст. взирали туда съ тайными надеждами и чешскіе писатели. Онъ влагаетъ въ уста королю слѣдующія мысли о путяхъ спасенія отчины:

„Niech inni patrzą w zachód, ja w północnej lidze
Najpewniejsze narodu bezpieczeństwo widzę.
Stosunek państw obojga i wspólność języka
Najbliżej się z krajowym interesem styka.“

Точнѣе онъ развиваетъ свою мысль въ дальнѣйшихъ стихахъ. Положеніе Польши среди трехъ государствъ, противъ коихъ ей собственными силами нельзя было устоять, указывало на необходимость союза съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ, т. е. съ Россіей, соприкасавшейся съ Польшей и на югѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ:

„Radziła polityka tęższego sprzymierzyć,
Kto nas sięgał z południa, północy a wschodu,
Dawał więcej nad kogoś do związku powodu,
Taką to była Rossja...“

Не будемъ останавливаться здѣсь на проявленіяхъ идеи культурнаго единенія Польши и Россіи и славянофильскихъ стремленій писателей послѣреволюціоннаго періода и времени польской эмиграціи (Ржевускій, Грабовскій, Крашевскій, Мацѣевскій, Гуровскій), когда подъ впечатлѣніемъ пережитаго потрясающаго удара 1831 г. польская политическая мысль вольно или невольно совершила извѣстное преображеніе, когда неожиданныя метаморфозы и большіе идейные сдвиги произошли и въ нѣкоторой части самой эмиграціи.

Польская политическая литература смутной эпохи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ часто обращается къ вопросу о роли Россіи въ объединеніи Славянства. Идея славянскаго единства постоянно живетъ и въ средѣ эмиграціи польской, въ какихъ бы подчасъ неожиданныхъ формахъ она ни проявлялась. Знаменитое Towarzystwo Demokratyczne трактуетъ вопросъ объ объединеніи славянъ на демократическихъ основахъ (1832); по мысли Мицкевича (1834) учреждается общество „Соединенныхъ братьевъ“ (Bracia zjednoczeni); по инициативѣ Богдана Залѣскаго возникаетъ (1835) Towarzystwo Słowiańskie, именемъ своимъ опредѣляющее свои славянскія стремленія и заданія.

Панславянскія мечтанія Адама Гуровскаго, сначала виднаго дѣятеля революціи 1831 г., потомъ очутившагося въ лагерѣ ея противниковъ, проекты Вацлава Яблоновскаго, Генриха Ржевускаго и Михаила Грабовскаго, безпощадно отвергаемые въ польской литературѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невысокихъ моральныхъ качествъ ихъ глашатаевъ, всегда направляются въ сторону Россіи, усматриваютъ въ ней, — съ существенной, впрочемъ, оговоркой: при условіи измѣненія строя ея жизни, — всѣ данныя для дальнѣйшаго свободнаго развитія славянскихъ народовъ въ единомъ всеславянскомъ государствѣ (См. Z. Kłag-pięćna, op. с., p. 100, 105 etc.).

И въ панславянскихъ мечтаніяхъ ученаго математика и философа Гене-Вронскаго Россіи отводится первое мѣсто во главѣ славянскихъ народовъ. Уже въ Священномъ союзѣ имп. Александра I онъ видитъ предшественника будущей мессіанистической лиги. Подъ покровительствомъ Россіи образуется братство св. Духа, которое дастъ окончательное направленіе человѣчеству, возникнетъ славянская федерація, въ которой, при полномъ уваженіи къ особенностямъ каждаго славянскаго племени, осуществится идея всеславянскаго объединенія.

Что касается спеціально русскихъ раннихъ выраженій славянской идеи, то она совершенно опредѣленно и въ весьма разнообразныхъ формахъ проявляется въ кругахъ участниковъ тайныхъ обществъ въ эпоху Александра I и въ планахъ декабристовъ, хотя, надо признать, что, приступая къ рѣшенію большой проблемы славянскаго объединенія, они имѣли о дѣйствительномъ Славянствѣ, его исторіи и этнографіи, о предѣлахъ распространенія отдѣльныхъ вѣтвей и объ отношеніи ихъ къ сосѣдямъ-неславянамъ весьма неясныя представленія.

Походы Александровской эпохи и въ особенности Освободительная война 1813—1814 гг., когда русскія войска приходили въ близкое соприкосновеніе съ бытомъ и строемъ политической жизни западныхъ народовъ, отразились значительно въ нашемъ обществѣ первой четверти XIX ст. Военная дворянская молодежь принесла изъ Германіи и Франціи новыя идеи, вольныя мечты и свободолюбивыя стремленія. Въ ней пробудилось въ сильной степени и національное сознаніе, какъ оно поднялось въ эту эпоху въ Германіи, и чувство личнаго достоинства. Западно-европейская культура произвела на русскую передовую молодежь вновь сильнѣйшее впечатлѣніе, и подъ этимъ вліяніемъ рож-

даются усилія переустройства русской государственности и общественной жизни на новыхъ, лучшихъ началахъ. Тайныя общества и кружки первой четверти XIX стол. обнаруживаютъ вмѣстѣ съ стремленіями къ преобразованію русской государственной жизни и широкіе славянскіе планы; они мечтаютъ не только о всеобщемъ братствѣ и единеніи, — въ ихъ проектахъ видное мѣсто занимаетъ мысль о большомъ союзѣ славянскихъ народовъ.

Декабристы, выдвигая на первое мѣсто начала національныя, посвящаютъ много вниманія широкомъ славянскимъ стремленіямъ и проектамъ. Представители національнаго теченія графъ Мамоновъ и Каховскій, составившіе планъ преподаванія въ орденѣ „русскихъ рыцарей“ и стремившіеся утвердить въ Россіи торжество русскихъ началъ (вплоть до „конечнаго паденія и если возможно — и смерти иноземцевъ, государственные посты занимающихъ“), соединяютъ съ ними болѣе широкую общеславянскую идею. Мамоновъ находилъ, что Россія должна объединить подъ своимъ скипетромъ всѣ славянскіе народы, въ томъ числѣ Польшу, для чего нужно отобрать польскія земли, находящіяся въ рукахъ Пруссіи и Австріи, а для того, чтобы объединеніе было полнымъ, Россія должна окончательно рѣшить и восточный вопросъ: изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческія (т. е. греческой вѣры славянскія) государства подъ своимъ протекторатомъ (В. Вальденбергъ, Предшественники славянофиловъ. Декабристы. Слав. Изв. 1914, № 4). Такіе грандіозные замыслы требовали исключительныхъ средствъ. Ими обладала Россія. Согласно съ этимъ, Горбачевскій показывалъ на слѣдствіи о Соединенныхъ Славянахъ, что они имѣли цѣлью рано или поздно, по добру или даже насильственно соединить всѣ славянскіе народы въ одну федерацію.

Но и такое насильственное объединеніе не предполагало въ дальнѣйшей жизни союза поглощающаго, какъ бы безслѣднаго политическаго уничтоженія отдѣльныхъ членовъ его, — оно должно было быть лишь средствомъ къ достиженію болѣе высокой цѣли. Лунинъ за всѣхъ декабристовъ могъ съ увѣренностью сказать, что никогда русскіе не думали о покореніи своихъ братьевъ, никогда не предполагали предписывать имъ законы и не претендовали на какое-либо соціальное или политическое превосходство надъ ними. Они предлагали имъ „не благодѣтельную опеку, а согласованность воли и соединеніе усилій къ одной цѣли“, которую они провозгласили. „Это мнѣніе было выражено естественными представителями русскихъ, которыхъ власть погубила рукою палача или разсѣяла въ ссылки“... Лунинъ подтверждаетъ, что декабристы предсказывали полякамъ бесплодность ихъ обособленныхъ усилій, доказывали имъ, что ихъ единственный шансъ на успѣхъ заключается въ тѣсномъ союзѣ съ русскими, и что надежды ихъ на помощь западныхъ державъ несбыточны. Онъ сожалѣлъ объ этой розни, о непониманіи поляками своихъ истинныхъ интересовъ и тѣмъ не менѣе горячо вѣрилъ, что объединеніе осуществится, ибо и природа, и нравы, и обычаи, привычки, языкъ и религіозныя вѣрованія русскихъ и поля-

ковъ столь близки, что все, кажется, должно бы склонять оба народа къ братскому союзу. Такъ соединились бы первые два звена большой славянской цѣпи.

Быть можетъ, и въ той предпочтительной любви Грибоѣдова къ соплеменникамъ-славянамъ, о которой свидѣтельствуемъ близко знавшій его Булгаринъ, можно усмотрѣть вліяніе общаго настроенія декабристовъ. Булгаринъ даетъ въ этомъ смыслѣ интересное указаніе. По его словамъ, Грибоѣдовъ вообще не любилъ раздѣленія между славянскими племенами и почиталъ ихъ одною семьею. Ему нравилась мысль, которую присваиваетъ себѣ Булгаринъ, что всѣ славянскія поколѣнія родныя сестры, изъ которыхъ одна замужемъ за единоплеменникомъ, другая — за нѣмцемъ, третья — за туркомъ, но это не должно препятствовать родственной любви и согласію. Такимъ образомъ, писатель этой эпохи, горячій защитникъ національныхъ началъ русской жизни, близкій къ кругу декабристовъ, исповѣдуетъ идею славянскаго сближенія.

По нѣкоторымъ, недостаточно, впрочемъ, достовѣрнымъ указаніямъ, сохранившимся въ перепискѣ чешскихъ писателей этой эпохи національнаго возрожденія, большихъ руссофиловъ, издавна смотрѣвшихъ на Россію, какъ на естественную защитницу угнетаемаго Славянства, идеи декабристовъ проникли и въ чешскіе патріотическіе круги и были имъ хорошо извѣстны. Во всякомъ случаѣ, о декабристахъ въ Чехіи говорили, ихъ проекты обсуждали. Мы знаемъ отрицательный взглядъ поэта Ф. Л. Челаковскаго на ихъ идею федеративнаго устройства Россіи и объединенія Славянства. По воспоминаніямъ „старога патріота“, чешскаго литератора Якова Малаго, съ проектами декабристовъ наиболѣе горячія головы въ Чехіи связывали разные планы, или вѣрнѣе — ничѣмъ не оправдываемыя фантастическія надежды. Власти австрійскія будто бы встревожены были связями чеховъ съ южно-русскими тайными обществами и вели по дѣлу „заднѣпровцевъ“ разслѣдованіе. Такъ велика была популярность ихъ славянской программы.

Вслѣдствіе исторической и географической близости особое вниманіе и преимущественный интересъ нашей интеллигенціи должны были привлекать въ эту эпоху ближайшіе сосѣди и братья — поляки.

Большая польская территорія, включенная послѣ Вѣнскаго конгресса въ 1815 г. подъ именованіемъ Царства Польскаго въ составъ Россійской имперіи, подъ скипетромъ Александра I получила особое, отличное отъ русскихъ областей политическое устройство, съ весьма либеральной конституціей, которая, естественно, сдѣлалась предметомъ общей зависти русскаго свободомыслящаго общества. Вяземскій, на примѣръ (изъ Варшавы 3 апр. 1818 г.), откровенно выразилъ ревнивое желаніе, „чтобы и на нашей улицѣ былъ праздникъ“ (Остаф. арх., I, 97), а Н. И. Тургеневъ (23 мая 1818 г.) въ письмѣ къ Вяземскому съ огорченіемъ и осужденіемъ отмѣтилъ оказанное полякамъ предпочтеніе: „Нельзя... русскому не пожалѣть, что, между тѣмъ какъ поляки посылаютъ представителей, судятъ и отвергаютъ проекты законовъ,

мы не имѣемъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ...“ (Ibid., 103). Для него было „чувствительно видѣть поляковъ, получившихъ то, чего нѣтъ у русскихъ“.

Пушкинъ, какъ и многіе его современники, считалъ всѣ эти предпочтенія государя и заботы о благѣ Польши „великою ошибкою“ и, ознакомившись съ отзывомъ гр. Поццо ди Борго о польскихъ дѣлахъ, занесъ въ свою записную книжку: „Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо ди Борго прислалъ государю свое мнѣніе. Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки. Государь, прочитавъ его, сказалъ кн. Козловскому: *Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire*“ (А. С. Пушкинъ, *Table Talk*. Розсказни за столомъ. Берлинъ, 1923, стр. 63). Къ варшавской рѣчи Александра I поэтъ отнесся скептически и въ святочной пѣсенкѣ „Сказки“ (Noël), написанной въ 1818 г. въ подражаніе французскимъ рождественскимъ пѣсенкамъ, не повѣрилъ его конституціоннымъ обѣщаніямъ, но въ то же время не вѣрилъ и прочности польскихъ пріобрѣтеній.

Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Е. М. Хитрово (9 декабря 1830 г.), уже въ дни разгромашагося возстанія Пушкинъ, ожидавшій неизбежнаго разгрома Польши, высказывалъ опредѣленную увѣренность, что съ пораженьемъ поляковъ необходимо исчезнетъ все то, чѣмъ Александръ сдѣлалъ для нихъ, потому что ничто не было основано на дѣйствительныхъ нуждахъ Россіи, а лишь на соображеніяхъ личнаго тщеславія, театральномъ эффектѣ и т. д. (Письма къ Е. М. Хитрово, стр. 69). Правда, Александръ I въ рѣчи, произнесенной при открытіи перваго польскаго сейма 15—27 марта 1818 г., обѣщаль распространить въ будущемъ и на русскія области „либеральныя установленія“, дарованныя Царству Польскому, но обѣщаніе его осталось пустымъ словомъ до конца царствованія, и это имѣло роковыя послѣдствія.

Въ началѣ возстанія манифестъ обѣихъ палатъ Польскаго сейма (20 декабря 1830 г.) указывалъ на эту роковую ошибку соединенія абсолютной имперіи съ конституціоннымъ королевствомъ и на неизбежныя вредныя послѣдствія такого неестественнаго сожительства: „Соединеніе на одномъ челѣ коронъ самодержца и конституціоннаго короля было политическимъ уродомъ (*potworem politycznym*), который не могъ долго существовать. Всякій предвидѣлъ, что королевство Польское или будетъ завязью (*zawiązkіem*) либеральныхъ учреждений для всей Россійской имперіи, или оно должно будетъ покориться желѣзной десницѣ самодержцевъ“. Нѣкоторые предвидѣли и болѣе грозныя для Польши послѣдствія этого „четвертаго“ раздѣла. Польскій поэтъ Казимиръ Бродзинскій въ рѣчи „*O narodowości Polaków*“ (3 мая 1831 г.) заявилъ, что уже Вѣнскій конгрессъ посѣялъ сѣмя войнъ за права и свободу. Что касается Польши, то конгрессъ, несомнѣнно, подготовилъ ее къ будущему, вполне національному возстанію.

Въ русскомъ обществѣ невольнo создалось прочное убѣжденіе

въ томъ, что государю болѣе близки интересы только-что присоединеннаго Царства, чѣмъ всей Россіи („Государь влюбленъ въ Польшу“!), и недовольство такимъ предпочтеніемъ и преимущественной заботливостью были явленіемъ натуральнымъ. Національное чувство было оскорблено, и смѣлымъ, исторически обоснованнымъ выраженіемъ такого протеста было, прежде всего, письмо по польскому вопросу, представленное Александру I (18 октября 1819 г.) Карамзинымъ въ Царскомъ Селѣ (См. Русскій Загран. Сб., т. I, тетр. VI, 1858, стр. 13—18).

Послѣ разговора съ Государемъ знаменитый историкъ наставительно поучаль его, отвѣчая, между прочимъ, и на его сеймовую рѣчь 1818 г., столь взволновавшую русское общество.

„Вы думаете, писалъ Карамзинъ, возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовью къ Россіи?“... Карамзинъ, встревоженный слухами о намѣреніяхъ Александра, спрашивалъ его, рѣшится ли онъ „съ мирною совѣстью“ отнять у своего народа Бѣлоруссію, Литву, Волынь, Подолье, „утвержденную собственностью“ Россіи. Не клянется ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? „Сіи земли уже были за Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручилъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами называли Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи... Для васъ Польша есть законное Россійское владѣніе.“ Карамзинъ отрицалъ всякія пожелтѣлыя хартіи, основаніе такъ называемыхъ историческихъ правъ, нарушающихъ право естественное, право народовъ. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ, — заявлялъ онъ, — ибо иначе пришлось бы возстановить Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынь, Подолье вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. „Если вы отдадите ихъ, то у васъ требуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу.“

Письмо было первымъ громкимъ предупрежденіемъ противъ посягательствъ на цѣлость Россіи, съ чьей бы стороны они ни обнаружались; оно было граждански-смѣлымъ протестомъ противъ всякихъ попытокъ и мысли идти на уступки пользовавшейся большими свободами Польшѣ. Протестъ этотъ, пытается утверждать Алексѣй Н. Веселовскій (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, I, стр. 556), имѣлъ источникомъ не желаніе потребовать для всей Россіи одинаковыхъ политическихъ нормъ, а яко бы стремленіе къ всеобщему, равному подчиненію старому порядку. Карамзинъ, будто бы, выступилъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“ и въ меморандумѣ по польскому

вопросу апостоломъ поворота назадъ, рѣзкимъ порицателемъ нововведеній, нетерпимымъ націоналистомъ, защитникомъ крѣпостничества. Но Веселовскій построилъ свое неосмотрительное, широкое заключеніе, сведя въ одно цѣлое два разныя по существу выступленія Карамзина. О консерватизмѣ его не можетъ быть разногласія, но въ вопросѣ о національныхъ правахъ русскаго народа Карамзинъ стоялъ на точкѣ зрѣнія правильной и неоспоримой. Это положеніе необходимо было отмѣтить особо. Карамзинъ при этомъ вовсе не былъ врагомъ Польши, и гр. Блудовъ былъ правъ, докладывая впослѣдствіи Николаю I: „Мнѣніе Карамзина — пусть Польша существуетъ. Но пусть существуетъ также и Россія“. Польша древняя, какъ предсказывалъ Карамзинъ, т. е. Польша историческая, всегда была бы угрозою Россіи и источникомъ постоянныхъ потрясеній (А. Фатѣевъ, Судьба Записокъ Карамзина о Россіи и Польшѣ при имп. Николаѣ I. Записки Русск. Ист. Общ. въ Прагѣ, I, 1927, стр. 114—119). На эту опасность указывалъ историкъ. Въ духѣ письма Карамзина отвѣтилъ Николай I польскому депутату гр. Езерскому предъ самой вспышкой революціи, рѣшительно отвергнувъ требованія поляковъ присоединить къ Польшѣ т. н. „забранныя земли“.

Въ цѣляхъ спасенія отечества и борьбы съ такими опасными экспериментами и покушеніями патріотически настроенная и вполнѣ либеральная часть русскаго общества въ началѣ XIX ст. приступаетъ къ организаціи въ Россіи тайныхъ обществъ. Ген. М. Ѳ. Орловъ, соединявшій съ просвѣщеннымъ либерализмомъ горячее чувство національнаго достоинства, доходившее подчасъ до того, что Н. И. Тургеневъ мѣтко называлъ „патріотизмомъ рабовъ“ (Гершензонъ, Исторія молодой Россіи, стр. 4, 12), былъ такъ огорченъ и взволнованъ фактомъ созданія Царства Польскаго съ особой конституціей, что въ цѣляхъ борьбы, между прочимъ, и съ тайными польскими вліяніями на Александра I, составилъ рѣзкую записку государю, направленную противъ эмансипаціи Польши, и началъ собирать подписи въ кругу генераловъ и савонниковъ. Хотя основатель „Общества русскихъ рыцарей“ зашелъ въ своихъ патріотическихъ увлеченіяхъ и планахъ очень далеко, мечтая объ уничтоженіи навсегда самаго имени Польши (См. Wł. Jabłonowski, Dekabryści i ich stosunek do Polski. Przegl. Hist., IX, 1909, ноябрь—декабрь, стр. 300—301. Статья написана на основаніи русскихъ изслѣдованій), тѣмъ не менѣ основная мысль его, что возстановленіе Польши будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи, нашла горячихъ приверженцевъ и среди болѣе умѣренныхъ въ отношеніи къ Польшѣ русскихъ круговъ.

Точно такъ же для другого кишиневскаго пріятеля Пушкина В. Ѳ. Раевскаго, гражданскаго поэта, „перваго декабриста“, однимъ изъ мотивовъ возникновенія оппозиціоннаго настроенія было „возстановленіе Польши“ (П. Е. Щеголевъ въ Вѣстн. Евр., 1903, іюнь, стр. 534). Недовольныхъ польской политикой Александра I было много. Объ этихъ настроеніяхъ лучше всего свидѣтельствуютъ позднѣйшія показанія декабристовъ, дающія довольно точное отраженіе ихъ взглядовъ на

польскій вопросъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ показаній слѣдуетъ познакомиться, чтобы хоть отчасти уяснить себѣ тѣ вліянія, подѣ которыми должны были слагаться воззрѣнія Пушкина на русско-польскія политическія взаимоотношенія.

Въ годы юности своей поэтъ въ политическомъ смыслѣ, какъ извѣстно, примыкалъ къ либеральному кругу и движенію. Любовь къ свободѣ онъ вынесъ изъ Лицея, который считался разсадникомъ вольнодумства. Первый выпускъ Лицея далъ нѣсколькихъ декабристовъ, а съ многими изъ большой группы ихъ Пушкинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Вліяніе идей ихъ на политическую мысль Пушкина едва ли можно отрицать.

Подполковникъ Поджіо въ своемъ показаніи заявилъ, что присоединеніе Польши къ Россіи по Вѣнскому конгрессу положило предѣлъ исконной враждѣ этихъ двухъ государствъ, но Александръ I даровалъ ей конституцію, а на нее то именно смотрѣло русское общество не безъ зависти. Въ самой рѣчи Александра I, произнесенной при объявленіи конституціи Польшѣ, общество усматривало выраженія, оскорбительныя для русскаго національнаго достоинства.

Декабристъ Завалишинъ тоже свидѣтельствовалъ, что дарованіе конституціи Польшѣ, которую считали непримиримымъ врагомъ Россіи, въ то время, когда побѣдительница не была признана достойною ея, посѣяло въ кругахъ членовъ тайныхъ организацій начала недовольства и недовѣрія къ правительству. Это недовольство правительствомъ и самимъ государемъ усиливалось еще слухами о предполагаемыхъ дальнѣйшихъ уступкахъ Польшѣ, а именно — объ отдѣленіи Литвы, т. е. западно-русскихъ земель, отъ Россіи и присоединеніи ихъ къ Польшѣ.

Политику Александра I считали прямо вредной интересамъ Россіи. Якушкинъ говорилъ, что члены тайныхъ обществъ помышляли даже о покушеніи на жизнь государя. Его обвиняли въ томъ, что онъ считаетъ Польшу несравненно болѣе просвѣщенною, чѣмъ свое отечество, и посему, очевидно, болѣе зрѣлою для воспріятія конституціонныхъ формъ правленія; что Россію онъ ненавидитъ; что онъ, наконецъ, намѣренъ отторгнуть нѣкоторыя области отъ имперіи и присоединить ихъ къ Польшѣ; что, ненавидя и презирая Россію, государь замышляетъ даже перенести свою столицу въ Варшаву. Въ русскихъ военныхъ кругахъ сильное неудовольствіе вызвало сформированіе особаго литовскаго корпуса. Надо замѣтить, что въ извѣстныхъ сферахъ существованіе польской арміи вообще признавалось лишнимъ. Разсуждая о положеніи Польши въ составѣ русскаго государства, о „излишнемъ числѣ войскъ“ ея, о ихъ прямой ненужности и о финансовомъ разстройствѣ вслѣдствіе этого бремени, Вяземскій (Сочиненія, IX, стр. 116. Старая записная книжка) задавался вопросомъ: „Что такое польское войско?“ И далѣе излагалъ свой взглядъ въ формѣ весьма рѣшительной: „Польшѣ, отдѣльно взятой, войска не надобно. Войско — ограда независимости: польская независимость опирается на Россію. Избытокъ польскаго войска утопаетъ въ громадѣ русскаго.“

Показанія декабристовъ на слѣдствіи свидѣтельствуя о томъ, что почти всѣ они неодобрительно отзывались о направленіи политики Александра I, унижительной для Россіи и оскорбляющей національныя русскія чувства. Александру ставили въ вину, что онъ приносилъ жизненные интересы Россіи въ жертву интересамъ ея „исконнаго врага“. Польшу опредѣленно считали врагомъ даже тогда, когда съ нею желали установить миръ и согласіе. Военные люди особенно крѣпко помнили, что поляки недавно еще воевали съ ними подъ знаменами Наполеона. Пушкинъ при случаѣ напомнилъ Булгарину, какъ онъ „изъ злобы къ русскимъ“ бродилъ подъ французскимъ орломъ. Теперь все это великодушно было предано забвенію. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что наши вольнодумцы-реформаторы не имѣли яснаго и опредѣленнаго представленія о томъ, гдѣ начинаются неоспоримыя права Польши, и гдѣ можетъ и долженъ заявить о своихъ правахъ русскій народъ.

Изъ показаній С. И. Муравьева и Бестужева въ слѣдственной комиссіи можно убѣдиться, что члены „Южнаго союза“, ведя переговоры съ поляками, членами „Патріотическаго Общества“, на кievскомъ сѣздѣ во время контрактовъ 1824 г. о границахъ Россіи и Польши, намѣрены были возвратить Польшѣ „недостаточно обрусѣвшія области“, дабы онѣ „духовно могли быть привязаны для пользы Россіи“: впрочемъ, при разграниченіи должны были быть приняты во вниманіе „выгоды“ Россіи, т. е. имѣлась въ виду выгодная въ военномъ отношеніи граница. Въ этомъ только смыслѣ они проявили извѣстную политическую предусмотрительность. Поляки, во всякомъ случаѣ, могли получить губерніи гродненскую и части волынской, минской и виленской.

Полагая въ основу улаженія и устроенія нашихъ отношеній съ поляками яко бы этнографическое начало, наши реформаторы имѣли смутное представленіе объ этнографической картѣ русскаго племени. Это — давній и прочный, живучій грѣхъ русскаго общества. Погодинъ съ чувствомъ огорченія констатировалъ его въ простой, но многозначительной фразѣ о томъ, что „Польша начинается за Смоленскомъ“, — очевидно, для тѣхъ, кто не хотѣлъ знать этнографической правды. Декабристъ князь А. И. Одоевскій писалъ отцу съ похода изъ Великихъ Лукъ въ іюнѣ 1822 г.: „Какъ мы довольны, что миновали границы витебской губерніи. Какъ сильно чувствуется разница между Россіей и Бѣлоруссіей, тотчасъ же за межей, которая отдѣляетъ псковскую губернію отъ витебской! Я вдыхаю воздухъ моей страны и возрождаюсь къ новой жизни, къ поэзій, къ занятіямъ, ко всѣмъ чувствамъ, которыя я питалъ въ глубинѣ моего сердца и которыя мало-по-малу исчезли во время нашего пребыванія въ еврейскомъ городѣ“ (Велижѣ). Россія, „моя страна“ для высокообразованнаго князя начиналась только въ псковской губерніи! Рѣдко среди этой неосвѣдомленности слышалось сужденіе правильное и ясное.

Рылѣевъ, какъ и члены „Сѣвернаго Союза“, не одобрялъ чрезмѣрныхъ уступокъ въ переговорахъ съ поляками. Онъ разсуждалъ объ этнографическихъ границахъ Польши: граница Польши начина-

ется тамъ, гдѣ кончаются малорусское и бѣлорусское нарѣчіе; гдѣ населеніе говоритъ на нихъ и исповѣдуетъ православіе или принадлежить къ униі, — тамъ Русь, исконное наше достояніе! На такихъ основаніяхъ онъ считалъ возможнымъ говорить о размежеваніи и примиреніи обоихъ народовъ и государствъ.

Политическія программы декабристовъ и другихъ тайныхъ обществъ, ихъ планы и стремленія, несомнѣнно, были знакомы Пушкину. Ихъ мечтанія о вольности находили въ душѣ его искренній откликъ; въ стихотв. „Аріонъ“ онъ отождествлялъ себя съ ними, онъ „пѣлъ пловцамъ“, ободряя ихъ, а въ лагерѣ Паскевича и на Кавказѣ онъ искалъ случая видѣться съ бывшими декабристами, сохраняя къ нимъ прежнія чувства и не обращая вниманія на непріятности отъ этого проистекавшія. Однако, ко всей ихъ „мятежной наукѣ“ и къ той части проектовъ переустройства Россіи на новыхъ началахъ, которая касалась взаимоотношеній Россіи и Польши, выдѣленія послѣдней въ старыхъ, хотя бы частично историческихъ границахъ, вообще къ вопросу о территориальныхъ уступкахъ полякамъ Пушкинъ относился убѣжденно-отрицательно. Въ государственнымъ смыслѣ онъ оказался выше декабристовъ, приступившихъ къ дѣленію Россіи и выкраиванію новыхъ ея границъ безъ знанія ея старой исторіи и необходимыхъ точныхъ представленій о ея этнографическихъ рубежахъ (см. карту Пестеля у Довнаръ-Запольскаго, Идеалы декабристовъ, М. 1907).

Мы имѣемъ интересный отзывъ Мицкевича объ этой малой подготовленности мечтательной русской молодежи къ великому перевороту, ею задуманному. Въ разговорахъ съ нею Мицкевича поражала ея наивность и политическая незрѣлость (*niewygobienie*), и при всѣхъ симпатіяхъ къ декабристамъ онъ скептически, въ годы пребыванія въ Россіи, смотрѣлъ на будущее ихъ дѣла и на результаты заговора, не раздѣляя надеждъ друзей. Впослѣдствіи въ своихъ парижскихъ чтеніяхъ польскій поэтъ вспоминалъ съ нескрываемой ироніей о русскихъ тайныхъ обществахъ (сѣверномъ и южномъ) и характерѣ ихъ дѣятельности, о безтолочи ихъ собраній и рѣчей. Онъ рассказывалъ при этомъ въ своей лекціи о недостойномъ характерѣ собраній русской революціонной молодежи: члены тайныхъ обществъ распѣвали такія дикія пѣсни, отличавшіяся столь жестокимъ (*szogim*), „монгольскимъ и финскимъ“ характеромъ, что поляки не могли ихъ слушать безъ отвращенія!

Признавая честность (*uczciwość*) всѣхъ заговорщиковъ, въ теченіе десяти лѣтъ хранившихъ тайну организациі, Мицкевичъ удивлялся, что они не знали, съ чего начинать имъ свое активное выступленіе, не могли рѣшить, когда надо приступить къ исполненію плановъ. Къ тому же не было согласія между русскими и поляками: заговорщики польскіе присылали своихъ делегатовъ къ русскимъ, и въ этихъ переговорахъ одни обманывали другихъ. Поляки не скрывали передъ довѣренными лицами, что для нихъ важно только поднять движеніе въ Россіи и воспользоваться удобнымъ моментомъ для своихъ цѣлей; русскіе же признавались друзьямъ, что хотя они и обѣщали независимость Польшѣ,

однако, низложивши у себя династію, они немедленно постарались бы объ удержаніи Польши въ своихъ рукахъ. Обманывали другъ друга и русскіе, ибо весь этотъ заговоръ основанъ былъ на идеѣ отрицательной, на ненависти (Лекція XXVIII, 7 іюня 1842 г. Kurs drugoletni liter. slow., Paryż, 1842, str. 221). О взаимномъ недовѣрїи русскихъ (южанъ) и поляковъ при переговорахъ и совѣщанїяхъ уже въ 1822 г. свидѣтельствуеъ декабристъ М. А. Фонвизинъ (Лунинъ, Взглядъ на дѣла Польши. Въ сб. Декабристы на каторгѣ и ссылкѣ, М., 1925, стр. 267).

Программу декабристовъ, со всѣми ея основами общественной и политической, государственной реформы изслѣдователи-историки согласно признаютъ необдуманною, недозрѣлою, во многихъ отношенїяхъ практически неосуществимою. Пушкинъ ясно представлялъ себѣ эти недостатки ея и въ „Бородинской годовщинѣ“, очевидно, имѣетъ въ виду декабристскіе проекты, неприемлемые и для той новой, свободной Россїи, о которой они мечтаютъ, которой самъ поэтъ сочувствуетъ, но которая не должна нарушить единого, твердаго и справедливаго принципа при размежеванїи съ поляками. Онъ ставитъ по существу одинъ большой и сложный вопросъ въ такой формѣ:

„Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Вольнь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?...“

Надо признать, что это не простой, для красоты стиха и риѣмы придуманный наборъ случайныхъ географическихъ именъ, не связанныхъ внутреннимъ значенїемъ, — это есть изложеніе цѣлой программы, въ которой каждый стихъ полонъ глубокаго смысла и исторически многозначителенъ.

Польскій поэтъ І. Андрей Морштынъ въ 1647 г., сочиняя свои любовныя пѣсни въ Сѣверской землѣ, на берегахъ Семи, Сулы, Псела и Ворсклы, могъ, конечно, сказать, что рѣки эти составляютъ границу Польши и Москвы, — онъ говорилъ о политической границѣ двухъ славянскихъ государствъ, проходящей тамъ,

„Gdzie Psoł, gdzie Worzkło soczą błotne wody,
I dwa słowiańskie graniczą narody.“

Для него граница государственная совпадала съ границей двухъ славянскихъ народовъ. Но для Пушкина, который взглянулъ на эти старыя рубежи съ иной точки зрѣнїя, въ эпоху пробужденнаго національнаго самосознанїя не могло быть колебанїй касательно недопустимости и естественной несправедливости такого далекаго передвиженїя польской границы на востокъ.

Пушкинъ, надо думать, знакомъ былъ и съ „Русскою Правдою“ Пестеля, подробно касавшеюся вопроса будущаго устройства Польскаго государства и его отношенїя къ Россїи, и съ конституціей Никиты Муравьева и съ его проектомъ „Сѣвернаго Союза“, и съ прочими замыслами декабристовъ и по отношенїю къ нимъ онъ занялъ опредѣленную

точку зрѣнія. По плану Пестеля Польша должна была образовать большое независимое государство, оставаясь однако въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею на мирное и военное время. Этотъ проектъ подробно опредѣлялъ границы между Польшею и Россіею, причемъ предлагалъ всю гродненскую губернію и бѣлостокскую область цѣликомъ включить въ составъ Польши, а виленскую, минскую и волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россіею. Такимъ образомъ, къ Польскому государству присоединялись части литовскихъ и русскихъ областей (В. И. Семеvскій, Политич. и обществ. идеи декабристовъ, стр. 513).

„Сѣверный Союзъ“, согласно проекту конституціи Никиты Муравьева, не включалъ Польши въ составъ федеративнаго Россійскаго государства. Въ числѣ отдѣльныхъ тринадцати „державъ“ и двухъ „областей“, изъ коихъ, согласно конституціи Муравьева, должно было состоять Россійское государство, нѣтъ территоріи Царства Польскаго. Въ составъ этой федераціи входятъ: область Западная, съ столицей и сеймомъ въ Вильнѣ, область Бужская съ Кіевомъ, Украинская съ Харьковомъ, Черноморская съ Одессой и пр. Въ словахъ Пушкина нельзя не видѣть извѣстныхъ воспоминаній объ этихъ планахъ, яснаго требованія удержатъ этнографическіе издревле русскіе рубежи, протеста противъ аннексіонныхъ стремленій польскихъ „до моря“, до черноморскаго лимана. Онъ только теперь въ 1831 г., когда смыслъ всей борьбы Польши съ Россіею столь опредѣленно выявился, публично высказалъ тѣ старыя мысли, которыя тревожили Карамзина, вылились въ его частномъ письмѣ къ Александру I и одинаково волновали русскихъ людей, задумывавшихся надъ мучительно-тяжелой русско-польской проблемой. Пушкинъ безъ колебаній отвѣтилъ имп. Николаю I на его вопросъ, что онъ бы сдѣлалъ, если бы 14-го декабря былъ въ Петербургѣ: „Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ“. Но симпатіи его къ декабристамъ простирались, очевидно, никакъ не дальше ихъ программъ внутренняго переустройства Россіи и утвержденія взаимнаго согласія между свободною конституціонною Россіею и такою же свободною Польшею; что же касается тѣхъ уступокъ Польшѣ, которыя предлагали нѣкоторые реформаторы, то къ нимъ Пушкинъ отнесся опредѣленно отрицательно, какъ къ недопустимому нарушенію суверенныхъ правъ и умаленію чести русскаго народа.

Федеративные замыслы декабристовъ не встрѣтили сочувствія среди чешской, славянски-настроенной молодежи. Поэтъ-руссофилъ Фр. Л. Челаковскій рѣзко осудилъ декабристовъ (въ письмѣ къ Камариту въ августѣ 1826 г.), уже *post factum*, послѣ гибели ихъ, получивъ свѣдѣнія о ихъ программѣ, и благодарилъ Бога, что эта затѣя кончилась для Россіи благополучно. Отъ переворота, по его мнѣнію, сильно бы пострадала прекрасная держава (*krásné mocnářství*) Россія. Особенно онъ не одобрялъ стремленій декабристовъ къ федераціи (*Vundesstaaten*), въ которой видѣлъ угрозу распаденія великой Россіи на мелкія княжества по нѣмецкому образцу. Онъ называлъ „ослами“ тѣхъ нѣмецкихъ публицистовъ, которые обвиняли чеховъ въ стремленіи къ

общеславянской федерации. Всякие внутренние потрясения в России, по его мнению, были бы вредны для всего Славянства.

Объ отношении декабристов к польскому вопросу чрезвычайно ценный материал содержит и письмо, или вѣрнѣе—цѣлый трактатъ М. С. Лунина: „Взглядъ на дѣла Польши“ (1840 г.), написанный много лѣтъ спустя послѣ пережитыхъ увлечений, поэтому спокойный и объективный (См. сб. Декабристы на каторгѣ и въ ссылкѣ, Москва, 1925, стр. 265—280). Лунинъ служилъ въ Польшѣ, познакомился съ ея жизнью и обнаруживаетъ не только знаніе исторіи ея, но и пониманіе духа ея правящаго класса и народа. Возстанія поляковъ онъ рѣшительно не могъ одобрить, хотя и видѣлъ въ немъ проявленіе самоотверженности и патриотическаго порыва: „Ночь 29 ноября была освѣщена огнями свободы“. Но въ этой вспышкѣ онъ усматривалъ такіе моменты, которые не могли обезпечить ея успѣха.

Манифестъ польскаго народа, говоритъ онъ, указывалъ на рядъ неконституціонныхъ актовъ, которые послужили побудительной и рѣшающей причиной возстанія. Но конституція, по его мнению, представляла законмѣрные способы протестовать противъ незаконности этихъ актовъ, одновременно покоряясь имъ. Такого поведенія, пассивнаго, но обѣщающаго успѣхъ, было бы достаточно для того, чтобы засвидѣтельствовать существованіе правъ, заставить ихъ уважать впоследствии, оказавъ имъ двойную поддержку принципа и прецедента. Великая хартія была послѣдовательно утверждаема присягой и ратификована тридцать пять разъ и, несмотря на это, попрана Тюдорами. Между тѣмъ англичане не прибѣгали къ оружію въ это время политической юности, чтобы обезпечить ея неприкосновенность.

Манифестъ польскаго сейма выдвигалъ братскую исключительную любовь къ жителямъ присоединенныхъ къ Россіи областей (т. е. Зап. Руси) и желаніе освободить ихъ отъ ига петербургскаго правительства. Между тѣмъ, говоритъ Лунинъ, жители этихъ областей почти не раздѣляли исключительнаго чувства, предметомъ котораго они являлись, и далекіе отъ того, чтобы способствовать усиліямъ своихъ мнимыхъ освободителей, они смотрѣли на ихъ непрошенное заступничество съ безразличіемъ и удивленіемъ. Литва, Волынь и Подолье не пошевелились даже въ то время, когда отряды варшавской арміи, проникнувъ въ эти провинціи, приглашали и заставляли мѣстное населеніе вооружаться для защиты Царства. Лунинъ не объяснилъ однако причины этого равнодушія населенія къ чужому дѣлу и только робко указалъ на его „болѣе тѣсную связь съ русскими“. Составителей манифеста онъ упрекнулъ въ томъ, что они, начавъ съ выраженія законнаго желанія добиться удовлетворенія за понесенныя обиды, кончили проектами расширенія границъ и завоеваній. Въ другомъ мѣстѣ онъ назвалъ эти стремленія „безпочвенными мечтаніями“, основы ихъ спорными и приходилъ къ безотрадному для поляковъ заключенію: „Если бы несбыточная мечта присоединенія русскихъ провинцій къ Царству Польскому сбылась, — дѣла Польши отъ этого не выиграли

бы. Ея мнимые друзья как бы не понимают истинных началъ ея возможнаго могущества и дѣйствуютъ, стараясь все свести къ вопросу о территоріи“. Вотъ нѣсколько мыслей этой замѣчательной записки.

Изъ приведенныхъ выдержекъ нельзя никакъ сдѣлать заключенія, что именно Лунинъ принадлежалъ къ числу декабристовъ, полностью (całkowicie) признававшихъ польскія права на литовскія земли (См. Mościcki, Pod berłem carów, str. 270; впрочемъ, онъ ссылается на статью Владислава Мицкевича въ Gazetta d'Italia, 1880, 8 марта).

Таковы были политическіе замыслы декабристовъ. Они даютъ достаточно драгоцѣннаго матеріала для комментарія къ отдѣльнымъ стихамъ и фразамъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и особенно къ богатой исторической мыслью „Бородинской годовщинѣ“.

Политическое и духовное объединеніе славянъ есть тема, которую трактуютъ не только въ собраніяхъ тайныхъ обществъ, оно есть предметъ не только проектовъ государственныхъ мужей, — эта идея увлекаетъ одинаково поэтовъ и ученыхъ, и всѣ они согласно и съ полнымъ убѣжденіемъ говорятъ объ объединяющей роли Россіи, какъ фактора наиболѣе для этого призваннаго.

Для Пушкина Россія есть государство, обладающее мощью, необходимою для осуществленія славянскаго единства, для устранения тѣхъ препятствій, которыя этому великому начинанію воздвигаютъ враги его. Французско-польскій комитетъ въ Парижѣ пугаль Европу этою силою въ своемъ воззваніи: „Quelle est donc cette puissance colossale qui prétend vous anéantir? Tout s'agite et s'ébranle autour d'elle: le sol tremble sous ses pieds“, а князь Вяземскій въ своей записной книжкѣ (Сочиненія, IX, стр. 156) 14 сент. 1831 г., возвращаясь къ недавнему прошлому, посмѣивался надъ этимъ колоссомъ и утверждалъ, что неудачи наши въ борьбѣ съ поляками „унизили наше политическое достоинство въ глазахъ Европы, раздѣли наголо предъ нею этотъ колоссъ и показали всѣ язвы, всѣ немощи его“. Пушкинъ, очевидно, вспоминалъ какое-то ходячее выраженіе о колоссѣ, когда обращался въ „Бородинской годовщинѣ“ ко всѣмъ скептикамъ, французскимъ политическимъ крикунамъ и русскимъ хулителямъ Россіи и спрашивалъ ихъ:

„... Еще ли Россѣ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?“

Онъ вѣрилъ въ эту мощь Россіи, и она была для него залогомъ перваго успѣха въ великой объединительной миссіи, она давала ему право выдвигать Россію на первое мѣсто въ будущемъ союзѣ. Вѣдь эта сила единственнаго свободнаго славянскаго государства, пусть и призрачная по существу, импонировала славянамъ, когда они обращали взоры на великую родственную державу.

Декабристъ кн. А. И. Одоевскій, проникнутый самыми глубокими симпатіями къ борьбѣ поляковъ (1831 г.) за свободу, въ стихотв. „Славянскія дѣвы“, полною скорби о славянской разногласицѣ, призы-

валъ къ сліянію всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ въ единый голосъ, въ далекой поэтической мечтѣ видѣлъ „старшую дочь въ семействѣ Славяна“ — Россію впереди большого хоровода меньшихъ сестеръ и желалъ, чтобы она повела этотъ хороводъ за собою. Всеславянское объединеніе съ Россіей во главѣ есть основная мысль этого замѣчательнаго стихотворенія. Поэтъ возноситъ горячую мольбу о сліяніи славянскихъ потоковъ въ одной рѣкѣ такъ же, какъ Пушкинъ говоритъ о возможности сліянія ихъ въ русскомъ морѣ:

„Боже! Когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинь,
Ясный какъ небо, какъ море широкий,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой!“

Одоевскому это сліяніе рисуется, конечно, въ перспективахъ весьма отдаленныхъ такъ же, какъ и Пушкину, который не даетъ тутъ же отвѣта на свой вопросъ, ибо онъ слишкомъ сложенъ и требуетъ обсуждения. Одоевскій мечтаетъ о дружномъ хороводѣ славянскихъ дѣвъ, а его современникъ поэтъ-славянофилъ А. С. Хомяковъ въ своей „Одѣ“ на польское возстаніе (1831) вдохновенно видитъ гордый, согласный полетъ всѣхъ славянскихъ орловъ, склоняющихъ свою мощную главу предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ; въ другомъ стихотв. его „Орель полночи“ (1832) призывается къ выполненію великой и возвышенной задачи — не забыть о младшихъ братьяхъ, любовно раскрыть надъ слабою главою окованныхъ свои мощныя крылья, согрѣть ихъ своею жаркою любовью и помочь имъ разорвать цѣпи, освободить ихъ и привести къ соединенію. Увеличимъ число такихъ поэтическихъ образовъ соединенія еще однимъ. На флагѣ русскаго корабля Хомяковъ много позже, въ напутствіе аксаковскому „Парусу“ (1859), начерталъ слова „правды судъ и миръ любви“ и, привѣтствуя его завидный путь, онъ еще разъ опредѣлилъ его высокое призваніе — повести рядомъ съ собою братскіе корабли: русскій корабль „готовъ всѣхъ братьевъ чолны прицѣпить къ крутымъ бокамъ“, конечно, не насиліемъ въ плаваніи по „ропщущимъ волнамъ“, а правдою и любовью, для достиженія общей славянской цѣли. Колларъ въ краткой эпиграммѣ (nápis) мечтаетъ о богатѣйшей и радостной свадьбѣ (Sňatek), когда Дунай возьметъ въ жены Влтаву, а Уралъ Татру. Это еще одинъ, чрезвычайно ярко выраженный союзъ любви и родственнаго славянскаго единенія.

Картина согласнаго полета славянскихъ орловъ, какъ одна изъ формъ выраженія идеи единства, давно знакома намъ въ славянской поэзіи. Возможность, въ виду политическаго момента, такого общаго взлета, выступленія двухъ наиболѣе сильныхъ славянскихъ орловъ рисовалась уже въ XVII вѣкѣ православному черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, который въ польскихъ стихахъ (въ полемическомъ сочиненіи *Nowa miara starej wiary*, 1675 г.), оплакивая руину южной Руси, непрестанно терзаемой поляками и русскими, татарами и турками, от-

вѣчалъ тѣмъ, кто пустиль въ оборотъ извѣстные слова о невозможности братскаго примиренія русскаго и поляка (Nie będzie jako świat światem Rusin Polakowi bratem), и призывалъ „сарматскихъ сыновъ“ къ согласію ради побѣды надъ турками. Картину примиренія и согласныхъ дѣйствій орловъ московскаго и польскаго онъ рисуетъ въ слѣдующихъ, назидательныхъ для потомства стихахъ :

„Moskiewski z polskim orłem się zlecieli,
Gołębia z roszczęką do siebie przyjęli...
Moskiewski orzeł z polskim gdy na Turka leci,
Pazurmi mu gdy oczy wydrze, wnet oszpeci.
Moskiewski z polskim orłem gdy polecą,
Za nimi polecą i ojcy i dzieci!“

Въ сороковые годы XIX в. идея славянскаго объединенія, большой федераціи увлекаетъ членовъ кievскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства: они мечтаютъ объ осуществленіи духовнаго и политическаго соединенія славянъ въ такой формѣ, чтобы каждое славянское племя сохраняло свою самостоятельность, чтобы каждый народъ образовалъ особую Речъ Посполитую, съ особымъ ея языкомъ, литературой, общественнымъ устройствомъ (См. Е. Рыхликъ, Славянофильство Кирило-Меѳодіевцевъ, Київ, 1926). Шевченко, участникъ этихъ проектовъ, въ сущности высказалъ ту же идею, что и Пушкинъ, — послѣдній только вопрошалъ о судьбѣ славянскихъ ручьевъ, о сліяніи ихъ въ русскомъ морѣ или изсякновеніи его самого, тогда какъ украинскій поэтъ, подобно Одоевскому, опредѣленно желалъ, чтобы славянскія рѣки потекли въ одно море, очевидно, въ то море, которое объединило бы славянъ на началахъ кирилло-меѳодіевцевъ. Въ „Посланіи славному П. І. Шафарикові при поемі Иванъ Гусъ, або Еретикъ“ Шевченко сравниваетъ значеніе славянской будительской дѣятельности чешскаго ученаго съ словомъ пророка Іезекииля, оживившаго трупы, и пророческими взорами видитъ такую картину славянскаго сліянія :

„И, о диво! трупы встали
И очи раскрыли!
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тихой любви
На віки и віки!
И потекли въ одно море
Славьянскіи ріки!“

Шевченко, какъ и Пушкинъ, не шель дальше, не развивалъ плана созданія и устроенія этого сліяннаго, любовнаго объединенія, не говорилъ о роли Россіи въ этомъ морѣ-союзѣ, ибо значеніе ея опредѣлялось всѣми данными ея политическаго размаха и территоріальными размѣрами, „по естеству вещей“, какъ выразился Погodynъ.

Не иначе представлялъ себѣ рѣшеніе этого вопроса М. А. Бакунинъ. Въ „Исповѣди“, представленной имп. Николаю I, говоря о своихъ выступленіяхъ на Славянскомъ съѣздѣ въ 1848 г. въ Прагѣ, онъ вспо-

минаетъ, какъ тогда онъ указывалъ въ своихъ рѣчахъ, что безъ Россіи славянское единство было бы неполнымъ, что безъ нея оно лишено было бы силы. Но было бы безуміемъ ожидать помощи и спасенія отъ тогдашней Россіи. Поэтому Бакунинъ призывалъ всѣхъ славянъ объединиться сначала безъ Россіи, но не исключая ея изъ этого союза, а лишь въ ожиданіи ея скорого освобожденія. Россія послѣдуетъ примѣру славянъ, — и они будутъ освободителями русскаго народа, который въ свою очередь будетъ поддержкою и защитою Славянства. Очевидно, въ этомъ объединеніи ей будетъ принадлежать роль первенствующаго члена. Бакунинъ предоставлялъ въ этомъ союзѣ отдѣльнымъ славянскимъ вѣтвямъ много простора для ихъ провинціальныхъ особенностей и административнаго строя, но въ то же время полагалъ, что вся внутренняя и иностранная политика была бы сосредоточена въ рукахъ какаго-то центрального правительства. Согласно этому проекту, всѣ польскія и чешскія властолюбивыя и честолюбивыя притязанія исчезли бы въ общеславянскомъ союзѣ. Объединяющая всѣхъ славянъ политическая система предполагала, какъ видно, добровольное подчиненіе отдѣльныхъ частей единому руководящему центру. Мысль объ объединеніи была имъ высказана и въ Воззваніи къ славянамъ (*Aufruf an die Slaven*, Koethen 1848, S.19), изданномъ тотчасъ послѣ Пражскаго съѣзда. Бакунинъ опредѣленно призывалъ славянъ объединиться въ федерацію свободныхъ племенъ: „Brüder! Ich bin ein Russe, ich spreche zu Euch als Slave . . . Ihr wisset, dass ich, als Russe, das Heil meiner Landsleute nur in der Gemeinsamkeit mit allen übrigen Brüdern, nur in der Verbindung aller slavischen Völker als einer Föderation freier Stammgenossenschaften erblicke. Ihr wisset, dass ich mir die Beförderung dieses grossen und heiligen Zwecks zur Aufgabe meines Lebens gemacht habe.“

Даже пресловутый Духинскій, враждебно относившійся къ великорусамъ, какъ къ туранцамъ, и требовавшій отдѣленія Польши отъ Россіи, между прочимъ, и на томъ основаніи, что смѣшеніе двухъ разнородныхъ расъ вредно для обѣихъ сторонъ, не отвергалъ, однако, возможности сожитія поляковъ съ русскими, если бы великорусы были славяне, ибо чего естественнѣе и, такъ сказать, современнѣе народамъ одной расы, близкимъ соплеменникамъ жить въ государственномъ союзѣ и сообща трудиться для взаимнаго благополучія и благоденствія (Ламанскій, *Объ изученіи греко-славянскаго міра*, стр. 301).

Всѣ мечтанія славянъ объ объединеніи, и въ самые ранніе моменты ихъ выраженія и въ позднѣйшіе дни, никогда не отрицали правъ отдѣльныхъ народовъ на ихъ особеннность, на культурное самоопредѣленіе и свободное развитіе; политическіе планы и рѣчи объ объединеніи не угрожали уничтоженіемъ самобытности объединяемыхъ частей, поглощеніемъ ихъ индивидуальныхъ правъ и особенностей.

Въ одной изъ своихъ рѣчей послѣднихъ лѣтъ (1900 г.) чешскій политикъ Фр. Л. Ригеръ, блестяще разбивая всѣ вымыслы враговъ Славянства о пугалѣ панславизма, стремящагося яко бы къ образованію всеславянскаго государства, вспомнилъ о тѣхъ словахъ, которыя онъ

произнесъ въ 1867 г. въ Москвѣ: „На банкетѣ въ Сокольникахъ я говорилъ о славянскихъ взаимоотношеніяхъ. Я сказалъ, что о всеобъемлющемъ славянскомъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи; что мы вовсе не думаемъ слить всѣ славянскіе народы въ одинъ громадный царь-колоколъ, который въ этомъ случаѣ, пожалуй, также раскололся бы. Мы хотимъ, однако, чтобы славянскіе колокола слились въ одинъ гармоническій звонъ“.

Въ своемъ дневникѣ чешскій политическій мыслитель столь же рѣшительно высказался противъ ошибочно приписываемой Коллару идеи соединенія всѣхъ славянскихъ вѣтвей въ одинъ великій народъ-государство. Прежде всего, онъ не намѣренъ приносить въ жертву какой-либо славянской утопіи самостоятельность и самобытность чешскаго народа и, очевидно, послѣдовательно сохраняетъ эту точку зрѣнія и въ отношеніи къ другимъ славянскимъ племенамъ. Въ разговорѣ и спорѣ со Штуромъ въ 1847 г. въ Братиславѣ Ригеръ твердо стоялъ на томъ, что чехи никогда не принесутъ въ жертву панславизму свою самобытность и подлинность, и что мечты словаковъ о какомъ-то соединеніи и сліяніи всѣхъ вѣтвей являются просто утопией. Другое дѣло — объединеніе или сближеніе на поприщѣ культурномъ свободныхъ, независимыхъ славянскихъ народовъ.

Въ этомъ смыслѣ Палацкій могъ радоваться результатамъ Славянскаго съѣзда 1867 г., только объ этомъ культурномъ сближеніи и разсуждавшего, и его слова: „Мы уже не ручеекъ, теряющійся въ пескѣ, — предъ нами лежитъ славянское море“, обращенныя къ чехамъ, не допускали и намека на возможность исчезновенія этого ручейка въ большомъ морѣ Славянства, а имѣли болѣе высокой смыслъ: они говорили о значеніи идеи такого великаго моря, въ которое всѣ славянскія племена несутъ свои духовныя воды, о морѣ, охраняющемъ жизнь изолированнаго ручья, обреченнаго иначе на гибель.

И русскіе мыслители, позднѣйшіе славянофилы стояли на той же точкѣ зрѣнія. И. С. Аксаковъ въ одномъ письмѣ къ В. И. Ламанскому (Русская Мысль, 1916, октябрь) заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ подчиненія Славянства Россіи: „Сохрани меня Богъ отъ мысли присоединять Славянъ къ Россіи: мы только ихъ испортимъ. Нѣтъ, пусть всѣ славянскія племена, сколько бы ихъ ни было, составятъ союзъ конфедеративный, оставаясь вполнѣ независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность“. Въ другомъ случаѣ, касаясь взаимоотношеній Россіи и Польши и обсуждая пути устроенія ихъ, Аксаковъ высказалъ увѣренность, что такъ какъ къ тѣснѣйшему и полнѣйшему, искреннему соединенію Славянской Польши съ Славянской же Россіей ведетъ непреложный ходъ исторіи, то обоимъ народамъ лучше всего было бы, „покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ, соединиться вмѣстѣ братскимъ тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ ихъ и всего Славянства“ (День, 1861, № 6). Какая отрадная страница славянской исторіи открылась бы такимъ всенароднымъ покаяніемъ и примиреніемъ братьевъ и враговъ!

По отъѣздѣ изъ Москвы славянскихъ гостей въ 1867 г. Погодинъ въ своихъ замѣткахъ (Собраніе статей, писемъ и рѣчей, М. 1878, стр. 50) писалъ подъ впечатлѣніемъ всѣхъ рѣчей и торжественныхъ заявленій участниковъ съѣзда: „Я оставилъ давно панславянскія (всеславянскія) мечтанія и давно не думаю ни о какихъ соединеніяхъ, но, смотря на славянъ, я невольно чувствовалъ, что это радіусы, которые должны стремиться къ одному центру, если не хотятъ потерять своей народности“. Центръ этотъ рисовался ему совершенно ясно, о немъ онъ неоднократно говорилъ открыто и опредѣленно.

Такъ понимали эту идею различные представители славянской мысли. Немного позже Достоевскій еще разъ формулировалъ ее отъ имени русской общественности въ годы особеннаго подъема ея въ Россіи. Россія, разсуждалъ онъ въ кровавые дни возстанія Сербіи и Черной Горы противъ Турціи и наканунѣ надвигавшагося русскаго выступленія, не можетъ измѣнить великой, завѣщанной ей столѣтіями идеѣ, которой она до сихъ поръ была вѣрна. Идея эта есть между прочимъ и объединеніе славянъ. Но объединеніе это не есть захватъ, не есть насиліе, оно должно принести пользу человѣчеству, и тутъ Россія проявила большое политическое безкорыстіе, а въ этомъ безкорыстіи обнаружилась вся ея сила, ея своеобразіе, ея будущее значеніе.

Великій свободолюбецъ и постоянный борецъ за правду, свободу и человѣчность, Пушкинъ не могъ иначе смотрѣть на дѣло сліянія „славянскихъ ручьевъ“, чѣмъ смотрѣли и до него и послѣ него выдающіеся славянскіе умы. Онъ воспринялъ и отразилъ общую славянскую мысль и мечту. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ автографѣ (1831 г.) стихотв. „Клеветникамъ Россіи“, сохранившемся въ архивѣ С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей цесаревича Александра Николаевича, стихъ 13-ый читается такъ: „Славянскіе-ль ручьи [изч] сольются въ Русскомъ морѣ“... Поэтъ первоначально желалъ сказать: „исчезнуть“, но потомъ зачеркнулъ начатое слово (три буквы: изч), ибо оно, очевидно, не соотвѣтствовало подлинной мысли его, — онъ думалъ не объ исчезновеніи славянскихъ ручьевъ, а о сліянніи ихъ въ русскомъ морѣ, что далеко не одно и то же (В. Якушкинъ, Автографъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“. Пушкинъ и его соврем., XVII—XVIII, стр. 1—2).

Поэтому разъ навсегда слѣдовало бы оставить то толкованіе стиха, которое обычно даютъ ему не только противники поэта, но и тѣ, кто не желаетъ вдуматься въ смыслъ этихъ словъ. Онъ не думалъ, несомнѣнно, о чисто-политическомъ сліянніи, о поглощеніи малыхъ и слабыхъ большими и сильными, не говорилъ о томъ матеріалистическомъ панславизмѣ, который столь рѣшительно, но не основательно приписывалъ и Коллару Мицкевичъ, — онъ могъ мечтать лишь объ объединеніи въ одной большой идеѣ, всеобщей духовной сущности, вытекающей изъ славянскаго духа, изъ основъ славянскаго прошлаго, какъ представлялъ себѣ возможнымъ объединеніе на этихъ основахъ и Мицкевичъ. Пушкинъ былъ, конечно, націоналистомъ, но его націонализмъ былъ возвышеннымъ, сочетался съ честнымъ признаніемъ національ-

ныхъ правъ и идеаловъ другихъ народовъ и не былъ лишь стремленіемъ къ политической мощи и величію Россіи и русскаго народа, какъ утверждаетъ русской историкъ (В. Водовозовъ, Политическіе и общественныя взгляды Пушкина, Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, VI, стр. 376). Впрочемъ, онъ оговаривается и добавляетъ далѣе: если изъ этихъ стремленій Пушкина и вытекало желаніе политическаго пораженія другихъ народовъ, съ которыми Россія вступала въ открытую войну, то никоимъ образомъ оно не несло съ собою угнетенія, культурнаго подавленія другихъ народностей. Этимъ уже сказано много. Пушкинъ не сочувствовалъ „возрожденію“, т. е. возстановленію Польши Александромъ I, лишь постольку, поскольку оно было соединено съ извѣстными предпочтеніями государя и явнымъ игнорированіемъ правъ русскаго народа, и въ періодъ войны 1831 г. поэтъ опредѣленно высказался противъ неумѣренныхъ польскихъ притязаній, нарушавшихъ эти права. Только въ такомъ смыслѣ можно говорить о Пушкинѣ, что надежды поляковъ на возрожденіе Польши „не встрѣтили въ немъ сочувствія“ (Сочин. Пушкина, подъ ред. Венгерова, III, стр. 555). О свободѣ и независимости Польши онъ, конечно, высказался бы въ томъ смыслѣ, какъ высказался его учитель въ пониманіи важнѣйшихъ проблемъ русской исторіи М. П. Погодинъ.

Осторожно и съ досадной недомолвкой высказывается по этому предмету А. Н. Пыпинъ. Онъ правильно обращаетъ къ русскому обществу упрекъ въ томъ, что въ большинствѣ его „событія не были поняты въ ихъ болѣе широкомъ національномъ смыслѣ“, но самъ нимало не выясняетъ основы этого національнаго пониманія кроваваго спора. Такое разъясненіе дало бы необходимую точку опоры для оцѣнки отношенія Пушкина къ событіямъ 1831 г. Голосъ поэта, давашаго лишь отпоръ попыткамъ чужого вмѣшательства, не содержалъ вовсе угрозы полякамъ. Пушкинъ въ 1831 году коснулся домашняго славянскаго спора, т. е. только взаимоотношеній Польши и Россіи (эти отношенія, конечно, были споромъ домашнимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣ времени и не ограничиваясь рѣшеніемъ только частнаго вопроса, онъ поставилъ большой, общаго и широкаго значенія вопросъ о сліяніи ручьевъ въ славянскомъ морѣ, великую проблему славянскаго согласія и объединенія (Пыпинъ, Польскій вопросъ въ русской литературѣ. Вѣстн. Евр., 1880, февр., 711—714. Ср. его же Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ, СПб., 1913, стр. 85).

Въ роковомъ русско-польскомъ спорѣ Пушкинъ, стоя твердо на національныхъ принципахъ и отстаивая древнія права Россіи, не посягалъ на естественное право братьевъ — древнихъ сосѣдей и старыхъ соперниковъ. Для него „русское море“ было лишь выраженіемъ величія и силы, которыя должны были привлекать, притягивать къ себѣ болѣе слабыя или совершенно беззащитныя „славянскіе ручьи“, кои въ соединеніи создадутъ великое и могучее Славянство.

Пыпинъ считаетъ вопросъ Пушкина о славянскихъ ручьяхъ и русскомъ морѣ неяснымъ: „Онъ примыкаетъ къ вопросу о томъ, кто

устоить въ неравномъ спорѣ, кичливый ляхъ, или вѣрный россъ; но полагается обыкновенно, что передъ воображеніемъ поэта возставалъ вопросъ о будущемъ цѣлаго Славянства“. Пыпинъ полагаетъ, однако, что положеніе славянскаго міра заключается не въ этой дилеммѣ: послѣднюю часть ея поэтъ считаетъ, конечно, невозможностью; но первая можетъ состоять вовсе не въ одномъ сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, — тысячелѣтняя исторія западнаго Славянства говоритъ объ исчезновеніи этихъ ручьевъ въ морѣ германскомъ“. . . Но германское море поглощало славянъ насильственно и безслѣдно ихъ претворяя, Пушкинъ же говоритъ о сліяніи ручьевъ, а не о поглощеніи ихъ русскимъ моремъ. И во всякомъ случаѣ онъ никакъ не принадлежалъ къ тѣмъ, кто представлялъ себѣ сліяніе только съ военно-политической точки зрѣнія и не касался вопроса о внутренней сторонѣ національныхъ отношеній, — его мысль была серьезнѣе и глубже, и произвольное толкованіе Пыпинымъ вопроса Пушкина не выдерживаетъ строгаго объективнаго суда.

Мицкевичъ не въ осужденіе, а въ похвалу русскимъ поэтамъ и къ чести ихъ сказалъ о нихъ (лекція третья, 5 января 1841 г.), что они часто идутъ по путямъ, проложеннымъ французами, подражаютъ англичанамъ, но путь только разразится надъ ними гроза національнаго значенія, какъ они тотчасъ же становятся русскими. Въ данномъ случаѣ это остроумное и лестное для русскихъ писателей наблюденіе оправдалось и на Пушкинѣ. Въ тяжелый для Россіи, какъ славянской державы, годъ кровавой усобицы, когда роковыя причины спора правильно понимались лишь немногими, онъ заговорилъ о нихъ безбоязненно, обрекая себя нападеніямъ и кривотолкамъ, шедшимъ извнутри и извнѣ. Споръ былъ не о Польшѣ, не о правѣ братскаго народа на политическую свободу, на самобытное существованіе, а о притязаніяхъ ея, о тѣхъ историческихъ правахъ, которыя переносили границы спора внутрь исконно-русскихъ земель, грозили Россіи разрушеніемъ ея единства, выковыивавшагося усиліями столѣтій, отторженіемъ древняго достоянія Рюриковичей, недавно только возвращеннаго подъ общій русской кровъ. Святыни кіевскія, могилы Ярослава и печерскихъ св. угодниковъ, кои Пушкинъ не можетъ себѣ представить связанными судьбою съ „буйною Варшавою“, для него имѣютъ высокой смыслъ и назидательное историческое значеніе, какъ онъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Хитрово. Историческое право Россіи на нихъ было изначальнѣе правъ Польши. Пушкинъ вовсе не касался вопроса о Польшѣ, — онъ началъ благоумно и основательно прямо съ т. н. Литвы и Югозападной Россіи; онъ видѣлъ опасность именно тамъ, гдѣ она всегда была особенно острой и гдѣ она вновь дѣйствительно обнаружилась. Волненіе Литвы, перенесеніе движенія революціи за Бугъ, стремленіе поднять Западную Русь во имя историческаго права Польши — вотъ что его тревожитъ, о чемъ онъ сокрушается и ищетъ отвѣта на смущающіе его душу вопросы. Здѣсь нѣтъ ни слова о царѣ, которому поэтъ яко бы желалъ угодить, — вся мысль его о Россіи, о ея благѣ и сохраненіи, о ея при-

званіи въ Славянствѣ, о той великой роли, которую она сыграетъ въ немъ, какъ море, привлекающее отдѣльные ручьи и питающееся ихъ водами, но не поглощающее ихъ безслѣдно.

И. С. Аксаковъ, всесторонній, по словамъ О. Э. Миллера, истолкователь вызвавшей столько споровъ мысли Пушкина, категорически отрицалъ (Русь, 1884, 15 марта) приписываемыя поэту грубыя, насильственныя вождельнія: „Никогда Пушкинъ не имѣлъ въ виду уничтоженія славянскихъ племенныхъ индивидуальностей, а только совокупленіе ихъ силъ для мірового значенія Славянства черезъ Россію“. Вотъ единственно допустимое пониманіе словъ поэта.

„Мы подчеркиваемъ эти слова, — говоритъ Миллеръ, — видя въ нихъ исповѣданіе и самого И. С. Аксакова и всего вообще славянофильства и считая особенно нужнымъ налегать на это.“ Въ Черное море, на примѣръ, — поэтически поясняя Аксаковъ, остававшійся истиннымъ поэтомъ и въ своемъ качествѣ публициста, — впадаютъ рѣки Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Бугъ, Донъ, протекающія каждая свыше тысячи, а нѣкоторыя и по нѣскольку тысячъ верстъ. Уничтожается ли чрезъ впаденіе въ море ихъ рѣчная жизнь, самостоятельность и значеніе, со всѣмъ ихъ долгимъ, долгимъ побережьемъ? Не черезъ море ли, напротивъ, входятъ онѣ въ общеніе со вселенною и достигаютъ мірового значенія? Вотъ что, вѣроятно, представлялось поэту (См. рѣчь О. Э. Миллера: И. С. Аксаковъ и свобода слова. Извѣстія СПб. Слав. Благовѣ. Общ., 1887, № 3, стр. 148). Сходный образъ, возникшій какъ будто подъ впечатлѣніемъ пушкинскихъ стиховъ, истинный смыслъ которыхъ былъ ему совершенно ясенъ, повторяетъ Погодинъ въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія о путешествіи своемъ по славянскимъ землямъ (1839 г.). Разсуждая о томъ, что русскій языкъ рано или поздно сдѣлается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ, и что для этого всѣ нарѣчія славянскія должны принести ему дань своими словами, оборотами, формами, Погодинъ не желаетъ вовсе полнаго исчезновенія этихъ нарѣчій и заявляетъ: „Не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнѣе стала Волга“. Обѣ рѣки изливаются въ Волгу, сохраняя свое самостоятельное теченіе и принося ей въ то же время всю полноту своего воднаго богатства. И словенскій писатель Юсифъ Милославъ Гурбанъ, одинъ изъ творцовъ словенской литературной самостоятельности, доказывая (въ письмѣ отъ 23 мая 1880 г.) одному изъ чешскихъ друзей словаковъ выгоды писать ученые труды на русскомъ языкѣ, выражался въ той же образной формѣ: „Наши ручейки должны вытекать и вливаться въ океанъ Славянства“. Однако, поступиться при этомъ завоеванною самостоятельностью словенскаго литературнаго языка онъ, конечно, не пожелалъ бы.

Предъ мысленными взорами нашего поэта рѣяла великая мечта о объединенномъ Славянствѣ, о томъ блаженномъ будущемъ, когда славянскіе народы, позабывъ распри, соединятся въ единую семью, — мечта, которая занимала мысль его друзей — декабристовъ, получила уже въ его время неоднократную формулировку, то неувлимо-рас-

пльвчатую, то выражаемую въ строгихъ и ясныхъ очертаніяхъ вдохновенными поэтами и холодными учеными, изслѣдователями и наблюдателями жизни Славянства. „Славянскіе ручьи“ это — несомнѣнное эхо той темы, которую обсуждали оба поэта, Мицкевичъ и Пушкинъ, въ дружескомъ кругу. Но мечтамъ о соединеніи нанесенъ былъ тяжелый ударъ роковыми для обоихъ главнѣйшихъ славянскихъ народовъ событіями 1831 года. Пушкинъ видѣлъ крушеніе своихъ славянскихъ идеаловъ, и голосъ его былъ не ликованіемъ о побѣдѣ, а грустнымъ признаніемъ неразрѣшимости важнѣйшей славянской проблемы въ условіяхъ печальной дѣйствительности и въ то же время убѣжденіемъ въ необходимости разрѣшить ее. Вѣра его въ свѣтлое будущее Славянства не была уничтожена этимъ испытаніемъ. Она жила въ немъ неизмѣнно, какъ онъ доказалъ это въ стихотвореніи, посвященномъ Мицкевичу (1834 г.), полномъ жажды примиренія славянскихъ народовъ, въ первую очередь — русскихъ и поляковъ; ее нерушимо сохранялъ и Мицкевичъ, хотя эта цѣль — вождедѣнный русско-польскій миръ и свобода — казалась ему, быть можетъ, болѣе далекою, чѣмъ его русскому другу. Не даромъ въ одномъ изъ писемъ къ Товянскому Мицкевичъ выразился, что „полякъ и русскій легко сходятся, когда дѣло идетъ о благихъ пожеланіяхъ для всего рода человѣческаго, но другъ для друга каждый изъ нихъ желаетъ взаимно возможно скорой гибели“. Однако, этотъ мрачный скептицизмъ поэта не уничтожилъ его прочной вѣры въ великую мечту. Въ нее вѣрили и поколѣнія позднѣйшія, одинаково ожидавшія пришествія лучшихъ дней для Славянства. Спустя тридцать лѣтъ польскій поэтъ высказалъ не только надежду, но и увѣренность, что наступитъ пора примиренія русскихъ и поляковъ, что „братья, братьями поверженные, встанутъ и дружно потекутъ на все-славянскій пиръ“ (Стихотв. „Славянамъ“, переводъ съ польскаго, въ газетѣ И. С. Аксакова „День“, 1861, № 7).

Знаменитый польскій писатель І. И. Крашевскій на закатѣ дней (въ 1881 г.) писалъ одному изъ чешскихъ друзей своихъ, писателю Эд. Іеллину о необходимости для славянъ лучшаго взаимнаго знакомства и болѣе справедливаго отношенія другъ къ другу, какъ основныхъ задачъ будущаго, ибо иначе великая федерация славянскихъ народовъ, на основахъ равенства и братства, никогда не осуществится. „Она въ настоящее время есть, быть можетъ, только мечта, но наша обязанность сдѣлать все, чтобы она когда-нибудь стала дѣйствительностью.“

„О святомъ согласіи славянскихъ братьевъ“ (O świętej zgodzie wśród słowiańskiej braci) пѣлъ съ тою же искреннею вѣрою участникъ новой вспышки кроваваго спора въ 1863 г. Адамъ Асныкъ, возвратившійся къ колларовскому гимну братства и единенія, въ юбилейномъ воспоминаніи (1893 г.), великому пѣвцу славянской взаимности посвященному, выразившій увѣренность, что наступитъ день, когда эти завѣтныя мечты осуществятся, и прежніе враги падутъ другъ другу въ объятія :

„Skryte marzenia czas urzeczywistni:
W objęcia sobie padną nienawistni“...

Никто из славянских поэтов-идеалистов не приходилъ въ отчаяніе, — напротивъ, всѣ полны были вѣры въ примиреніе враждующихъ братьевъ. Всѣ они по существу стремились предать забвенію старыя взаимныя обиды и строить новую жизнь на любви и согласіи. Старый польскій поэтъ давно высказалъ благородное желаніе схоронить подъ развалинами забвенія взаимныя пораженія и удары :

„Niech w gruzie starych ruin niepamięć zawali
Kłęski, któreśmy wzajem i wzięli i dali!“

Этотъ призывъ одинаково обязательнъ къ осуществленію для обѣихъ сторонъ, и ему онѣ должны слѣдовать при устроеніи новой жизни, не возвращаясь къ печальному былому.

* * *

Пушкинъ проявилъ достаточно интереса къ Славянству, не уступая въ этомъ отношеніи русскимъ ученымъ современникамъ своимъ; онъ зналъ подлинную сербскую народную пѣсню, не только поддѣлки Пропера Мериме, переписалъ себѣ изъ собранія Вука Караджича одну изъ такихъ пѣсень; онъ привѣтствовалъ геній Мицкевича и далъ русскому читателю образцы егомузы въ своемъ переводѣ; онъ безстрашно поднималъ одну изъ важнѣйшихъ славянскихъ проблемъ, такъ много волновавшихъ славянъ западныхъ, — о славянскомъ объединеніи, о роли Россіи въ Славянствѣ. Поэтому съ полнымъ правомъ можно сказать, что идеѣ славянской взаимности, какъ понималъ ее создатель ея Янъ Колларъ, только въ годъ смерти русскаго поэта формулировавшей окончательнo свои взгляды въ нѣмецкомъ разсужденіи „Ueber die litterarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation“ (1837 г.), Пушкинъ послужилъ убѣжденно и сознательно. Точно такъ же и Мицкевичъ въ одинаковой степени заинтересовался и сербскою пѣснею и стихотвореніями Пушкина, а въ своихъ французскихъ лекціяхъ по исторіи славянскихъ литературъ въ Collège de France онъ явилъ доказательство большого увлеченія этою областью научнаго изученія. Напрасно Колларъ высказалъ въ названномъ трактатѣ сожалѣніе, что оба поэта, и Пушкинъ и Мицкевичъ, не прониклись идеей славянской взаимности и не указали своимъ соотечественникамъ пути къ ней. Упрекъ былъ неоснователенъ и проистекалъ изъ незнакомства съ ихъ творчествомъ и идеалами.

Планы Мицкевича о служеніи идеѣ литературнаго сближенія русскихъ и поляковъ простирались далеко и рано получили весьма конкретное выраженіе. Подъ впечатлѣніемъ дружескихъ бесѣдъ о братскомъ единеніи народовъ Мицкевичъ задумываетъ въ годы изгнанія (въ 1828 г.) изданіе польскаго литературнаго журнала, подъ названіемъ „Ирида“ (Irys), одушевленный желаніемъ одинаково принести пользу какъ своимъ соотечественникамъ, такъ и русскому обществу. Мицкевичъ такъ, между прочимъ, мотивировалъ свое ходатайство: „Въ Москвѣ

издаваемый журнал не может не принимать участия въ увеличившемся богатствѣ російской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донынѣ иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донынѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или пріобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій“. Нельзя не усмотрѣть здѣсь отраженія тѣхъ протестующихъ голосовъ противъ ложныхъ и превратныхъ сужденій иностранцевъ о Россіи, на которыя указывали и русскіе писатели. Мицкевичъ, прежде всего, стремился способствовать сближенію обоихъ братскихъ народовъ на полѣ литературномъ, установить желанный обмѣнъ ученыхъ плодовъ и отмѣчалъ печальный фактъ взаимнаго незнанія въ этой области: „Литературы російская и польская, не смотря на столь многія и сильныя побужденія, не протянули до сихъ поръ другъ другу пріязненной руки. Богатства одной были и до сихъ поръ остаются неизвѣстными другой, и это равнодушіе едва не уничтожаетъ слѣды истиннаго сродства.“ Очевидно, поэтъ встрѣтилъ и въ близкомъ ему русскомъ писательскомъ кругу полное сочувствіе своему начинанію, если могъ заявить далѣе, что противъ этого равнодушія возставали „знаменитые російскіе и польскіе писатели“. Объ этомъ были живыя ихъ бесѣды. Достиженіе такой прекрасной цѣли было бы осуществленіемъ одного изъ идеаловъ славянской взаимности.

Оба славянскихъ поэта, какъ отмѣтилъ проф. Масарикъ (Naše Doba, 1894, 658), съ такою мощью выявили въ своемъ творчествѣ національную идею, т. е. въ колларовскомъ пониманіи идею славянскую, что въ самомъ дѣлѣ они могутъ быть причислены къ тѣмъ, кто способствовалъ ея утвержденію. Оба поэта, какъ мы видѣли, мечтали объ устроеніи на идеальныхъ основахъ взаимоотношеній славянскихъ, и самое обращеніе къ этой проблемѣ, постановка и выдвигеніе вопроса не только для частичнаго рѣшенія, но и въ широкомъ его объемѣ есть ихъ безспорная заслуга въ исторіи славянской идеи.
